

Виталий Виниус

Римские вакации

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Виниус

Римские вакации

«Автор»

2025

Виниус В.

Римские вакации / В. Виниус — «Автор», 2025

История о том, как шестеро друзей, наших современников, оказались в древнем Риме, отчего довелось им пройти через разнообразные приключения - под девизом: наш человек нигде не пропадет, и вовсе не потому, что он никому не нужен. Книга закончена.

© Виниус В., 2025

© Автор, 2025

Виталий Виниус

Римские вакации

Глава 1. В которой герои занимаются неинтересным трудом, но в итоге имеют интересный результат.

...Да, скажу я вам, странные, знаете ли, истории случаются иногда в жизни. Настолько странные, что просто весьма странные, если не сказать: из рук вон престранные. И всё столь неожиданно и таким сюрпризом...

Так вот тянется себе и тянется серая действительность, нанизывая на суровую нитку дней монотонное однообразие будней, отчего поневоле теряешь всякую бдительность и уже не веришь ни в какие перемены, кроме как в перемены времён года, да и то не всегда. Чего плутовка-судьба, как оказывается, только и ждёт, замышляя исподтишка такой фортель, до которого, пожалуй, не додуматься ни одному профессиональному фантазёру, не говоря уж о скромных и бесхитростных гражданах.

Но чем меньше мы предполагаем, тем успешнее это иногда случается. После чего персонажи происшедшего происшествия, сверкая ошалело выпученными взорами и бормоча под нос галиматью, долго не могут прийти в себя и начинают тут же сомневаться в реальности случившегося и вспоминать: что пили с утра. И если нету вещественных доказательств с места невероятных событий, да ещё кстати припоминается принятый стопарик, то всё: приходит твёрдое убеждение насчёт заглянувшего ненароком белого коня... Но тут-то вот они – документы – вот они, здесь, в этом альбоме для фотографий с обложкой, украшенной видом эффектно подсвеченных развалин Колизея – что весьма соответствует. Вот, пожалуйста, включаем настольную лампу, кладём альбом в освещённый круг, раскрываем... Да только кто поверит в подлинность этих снимков в наше время высоких технологий и компьютерной графики. Прежде всего подумают о каком-то хитрованном надувательстве, сооружённом при помощи доступного реквизита.

Разве что слово дать, да только суматошное время наше, обильное стрессами и скандалами, обманом при честных глазах и жульничестве ловкими руками, давно уж трансформировало всех нас в бдительно подозревающих друг друга. Это в рыцарских романах слово чести выходит натуральной полновесной валютой; в жизни же оно более напоминает фальшивую ассигнацию, которую всяк, получив её, настороженно крутит так и эдак, высматривая изъяны в вензелях и виньетках...

Потому-то и не выставлялся доселе вышеупомянутый альбом перед посторонним лицом, ибо кому нравится лишний раз выслушивать в свой адрес намёки на сходство с небезызвестным бароном. Тем более, есть и не посторонние. В количестве пяти индивидуумов. Это если без вашего покорного слуги. А если с ним, то и, вообще, всех шести. Именно в таком числе и совершён был тот незабываемый и необычайный вояж, о котором я по назойливому настоянию коллег-путешественников и попытаюсь вам сейчас поведать. Ну а снимки послужат вещественным подтверждением, дополняющим сие скромное и незамысловатое повествование, хотя, конечно и качеством они не вышли, и слог хромает, да и вообще... Но, тем не менее, как не без оснований заметил Раис, это не главное, а главное то, что наш человек никогда и нигде не теряется. И вовсе не потому, что он никому не нужен...

...Итак, эта история началась с того, что Лёлику возымелось необходимым во что бы то ни стало расширить погреб. Проживал он в притулившейся за серым штакетником и одичавшими бегониями деревянной развалюхе, возможно даже бывшей некогда вполне приличной избою с резными наличниками и петухом на коньке.

То ли в силу неких высших градостроительных замыслов, то ли просто до сих пор руки не доходили, но к тому времени чуть ли не в центре нашего славного миллионного города всё ещё существовала тихим островком маленькая деревенька из десятка ветхих домишек, которая, вполне вероятно, возникла на этом свете ещё тогда, когда вокруг располагались девственные природные ландшафты, а наш город целиком помещался в черте крепостных стен, опоясывавших обширный холм у излучины реки.

Но строительство уже вовсю разворачивалось по соседству, грозя в скором времени сделать существование сего патриархального уголка всего лишь историческим фактом. Потому житие Лёлика в подобном месте происходило вовсе не из-за любви к пасторальным мотивам, а только из-за меркантильного интереса, заключавшегося в получении изолированной квартиры в одном из блочных многоэтажек, росших вокруг как грибы после июльского дождя.

И, по всей видимости, недалек уже был тот день, когда чугунный шар должен был бы вдребезги разнести этот памятник деревянного зодчества вместе со всеми его погребями, но Лёлик, всегда отличавшийся недальновидностью и строптивостью, проигнорировал наши глубоко аргументированные возражения и поставил вопрос ребром: или мы – друзья, и тогда копаем, или мы не копаем, и тогда – не друзья. Что ж, с такими бескомпромиссными намерениями пришлось посчитаться.

В тот памятный майский день пасмурная холодная сырая весна наконец-то разродилась долгожданным тёплым комфортом. С утра пораньше откуда-то со стороны азиатских песков налетел жаркий сухой ветер, вмиг разметал серые тучи, нависавшие над крышами чуть ли не с самой осени и радовавшие доселе своей беспросветностью не хуже зубной боли. Заголившееся небушко налилось здоровой синевой, солнце заблестало раскалённой кляксою, щедро обрызгав городские натуры яркими красками, защebetали в голых ещё, с нераскрывшимися почками, ветках оклемавшиеся воробьи, заорали оглашено высыпавшие во двор дети, повылазили из подвальных оконцев облезлые и отощавшие за зиму кошки, ну а красный столбик на термометре лихо скакнул к той отметке, с которой не без основания начинают задумываться о всяком летнем навороченном прикиде типа льняных светлых брючек, рубашечек с коротким рукавом и ботиночек а ля мокасины. Но поскольку подобные наряды никак не согласовывались с земляными работами, пришлось довольствоваться заслуженными джинсами с кожаными заплатами на уязвимых местах, застиранной рубахой, имевшей некогда ковбойскую клетку, и слегка перекошенными, но, тем не менее, ещё крепкими кроссовками.

А на улице назревала благодать. Тёплые солнечные лучи щекотали нежно, тонкие аморальные ароматы струились амурными фимиамами, грязные островки чахоточного снега съезжались на глазах. Народ воспрянул ото сна и уже не брёл кое-как, а шествовал пружинисто; и даже бабуля древняя из соседнего дома восседала на скамейке молодцевато и подтянуто. Две девицы важные, а может гимназистки юные – кто их нынче разберет, малолеток этих распоясавшихся – в ярких блузках, в легкомысленных юбчонках весьма повыше колен прогуливались значительно, поцокивая каблучками по местами просохшему асфальту, покачивали грациозно попками, хвастались лилейными ножками, подуставшими от тёплых колготов и шерстяных гамашей; а тут вдруг паскудник-ветер рванул к ним из-за куста, поднырнул понизу, взметнул юбчонки надутыми парусами; и так сверкнуло из-под оттуда белизною хорошо перезимовавшей плоти, что небритая личность в жёваном пиджаке поверх драной майки прервала целеустремлённый полёт свой к ларьку за пивом и засмотрелась мечтательно. А некто из меломанов на верхнем этаже, распахнув окно настезь, выставил наружу колонки и благодетельствовал прохожих навязчивой попсой.

В полупустом троллейбусе я уселся у окна, и, как оказалось, неудачно – солнце принялось залпами пулять в глаза, выскакивая из-за домов и путаясь в ажурных кронах тополей. Оставалось только зажмуриться, пригреться и посмотреть сквозь мелькавшие оранжевые сполохи сон: будто бы покачиваюсь я на спине неторопливо передвигающейся лошади, а кругом какие-

то холмистые ландшафты с пальмами, и вдруг шум, крики, впереди на холмах обнаруживается некто вражеский, а едущий рядом Боба с ухмылкой берёт навскидку огромный арбалет... Мда, чего только не приснится в общественном транспорте...

Когда я, загремев привычно ведром в тёмных сенцах, вошёл в горницу, встретил меня восторженный вопль Лёлика:

– Ну вот теперь все в сборе! Пора начинать!

– О, да ты нос испачкал! – не удержался я отметить густо высыпавшие на хозяйском челе веснушки.

Лёлик засмутился и погрозил мне кулаком.

Внешность он имел весьма колоритную, так как к периодической весенней пятнистости природа наделила его пышными кудрями неуверенно-рыжего колера, позволявшего Лёлику с некоторым основанием называть себя жгучим шатеном, а вредным личностям в пору нашего общего детства применять в его адрес с той же долей основания дразнилку про убиенного лопатой дедушку. Ко всему Лёлик носил очки в щегольской тонкой оправе по случаю случившейся от неумеренного чтения близорукости.

Я солидно обменялся рукопожатиями с присутствовавшими, а именно, с самим хозяином, Джоном, Серёгой, Бобой и Раисом, после чего с мягким укором заметил:

– Что ж вы, судари мои, могли бы и без меня начать. Я бы понял и простил.

– Эть, ловкач какой! – заворчал за всех Раис. – Вкалывай тут за него... Так и похудеть можно!...

– Ну, это тебе не грозит... – заметил я не без оснований, поскольку с малолетства Раис отличался завидным аппетитом, отчего вырос не столько вверх, сколько вишьрь.

– А вот и грозит! – сурово не согласился Раис и насупился.

– А ты алкоголь пей, в нём калории, – хитро прищурившись, посоветовал Серёга, сам любивший усугублять за воротник.

– А что ж колдыри все такие засохшие? – усомнился Раис.

– Это от внутренних противоречий, – пояснил Серёга.

– Хватит базаров! – строгим старшиной прикрикнул Лёлик, в мгновение ока завернувши половик и откинув крышку. – Налетай с песнями!...

Делать было нечего кроме самого дела. Начали распределять обязанности сообразно с озвученной Лёликом диспозицией. Кому-то надо было лезть в подпол, чтобы копать там землю и насыпать её в ведро на верёвке, а кому-то это ведро тягать наверх и выносить землю на улицу. Добровольцев изобразить шахтёров-стахановцев не нашлось, потому мы стали выдвигать из своих рядов тех, кто меньше всего сему уделу мог сопротивляться. Перво-наперво выдвинули Бобу, который был хоть худ, но вынослив и силен. Боба пытался возразить, ссылаясь на свой немалый рост, из-за которого ему придётся пребывать в подполе в состоянии "три погибели", но свойственная нашему другу застенчивость не позволила ему преодолеть коллективный напор и заверения в полном доверии к его несомненной ловкости и сноровке.

Вторым кандидатом Лёлик попытался предложить Раиса, но тот и сам наотрез отказался, и коллектив не поддержал, предполагая, что Раису с его выпуклыми боками в узком помещении делать будет нечего. Казалось, дискуссия зашла в тупик, но тут составить компанию работающему Бобе вызвался Джон, судя по хитрому прищурившемуся в темноте подпола отсидеться за его широкой спиной. Итак, роли были распределены. Джон с Бобой полезли с кряхтением в подпол; Раис, Серёга и я приготовились тягать наружу ведра с удаляемым грунтом и выносить его во двор. Работа не столько закипела, сколько началась. Лёлик как-то сразу принял на себя административные обязанности: то есть суетился вокруг, поминутно напоминая, что де работать положено на совесть, и, как мог, мешал трудовому процессу.

Таким макаром, особо не напрягаясь – несмотря на гневные окрики Лёлика – проработали мы пару часов, после чего производительный пыл стал стремительно улетучиваться, а

мы принялись намекать хозяину, что пора бы того... перекурить, да и подумать не мешало по поводу отобедать, но Лёлик лишь кисло морщился и предлагал не забывать Бога. Мы пригрозили забастовкой, Лёлик предложил компромисс: ещё десять ведер и шабаш. Предложение было принято, ведра стали считаться вслух, и дело подходило уже к завершению, как вдруг в подполе, откуда доселе неизменно фонтанировали матерные прибаутки, ухнуло что-то с шумом, и сразу же воцарилось молчание. Затем после некоторого озабоченного бормотания вылезло наружу потное загадочно перекосившееся лицо Бобы.

Со странным недоумением атеиста, столкнувшегося в собственном клозете с чёртом, он оглядел нас, выдержал паузу и пробормотал:

– Братва, а там дыра какая-то...

Раис искусственно хохотнул и попытался смастерить похабную шутку, но тут встреपёнувшийся Лёлик кинулся к лазу, растопырил над ним руки и возбужденно затараторил:

– Забыл я это... клад, клад там, клад мой... дедушка оставил... и нечего зариться... копают тут!...

– Окстись, мздоимец! – я подошел к жадине и потянул его за рукав. – А если там ржавая бомба?

Озадаченный Лёлик задумчиво нахохлился, неуверенно пожал плечами и шагком за шагом пристроился за печку.

Я отпихнул продолжавшего торчать в лазе пробкой Бобу и слез вниз. Джон, сидевший в углу на корточках, молча указал на зиявшее в земляной стенке отверстие. Из отверстия тянуло кислой затхлостью, и угадывалась в нём обширная пустота. Сопевший за спиной Боба протиснулся вперёд и, молодецки ухнув, вдруг двинул ногой по стенке. Побежали от дыры трещины, часть стены тяжело осела, рассыпавшись глиняными комьями, и предстал перед нами ход неизвестно куда.

– Фонарик давайте, – скомандовал я трём головам, торчавшим в прямоугольнике люка.

Головы мигом исчезли, пол заскрипел от бурной беготни, и через минуту в нашем распоряжении имелся помятый источник света в прямоугольном оловянном корпусе с треснувшим стеклом. Лёлик, пожертвовавший сей предмет, не преминул напористо напомнить:

– Если клад, то я уже сказал...

– Мечтай... – рассеянно пробормотал я, щёлкнул пипкою и направил фонарь в дыру. Слабый луч растворился во мраке, ничего не осветив.

– Однако, целый зал... – резюмировал я, посмотрел на непривычно серьёзных коллег и, нагнувшись, пролез вовнутрь.

Пол там по уровню оказался ниже, чем в подполе; от неожиданности я оступился и забалансировал. Луч фонаря метнулся в сторону; в свете его мелькнуло что-то знакомое. Я навёл фонарь уже целенаправленно – на стенке имелся самый обыкновенный выключатель. Оставалось им только воспользоваться, что и было сделано незамедлительно; под тёмным от грязи потолком неярко загорелась пыльная лампочка, болтавшаяся на скрюченном проводе.

Да уж, престранное зрелище, скажу я вам, открылось взору! Узкое, но вытянутое помещение вид имело необычный, хотя и с тем знакомый как приступ дежа вю: серая морщинистая штукатурка стен едва проглядывала под причудливыми переплетениями тронутых ржавчиной труб, чёрных толстых кабелей, разноцветных проводов; торчали блестящие влажно на резьбе вентили, зияли слепо запylёнными стеклянными оконцами крашенные коробки, переплетались причудливо медные змеевики, и уж совсем необъяснимые загогулины виднелись то тут, то там.

– Никак котельная... – предположил напиравший сзади Раис.

Я оглянулся. Коллеги имелись в полном составе и походили изумлёнными лицами на дружный коллектив сельчан, неожиданно попавших на шоу затейника Копперфилда.

– Да откуда тут котельной быть? – с некоторой задержкой вяло возразил Лёлик. – Небось, при котельной дровами бы не топили.

– Слушай, а может тута подпольно самогонку гонют? – занятная мысль пришла Серёге в голову, и он уже было совсем собрался крутануть какой-нибудь вентиль в надежде, что прольется сейчас и засверкает живою водою обильная струя первоклассного первача, к коему наш друг всегда испытывал неподдельный интерес, но возглас Бобы остановил его:

– А это что за сейф такой?

Ближе к дальнему углу у стены притулился громоздкий салатого цвета несгораемый шкаф с белою трафаретною нашлапкою поперек: "Инвентарь".

– Я же говорю, клад! – нервно заорал Лёлик и кинулся к шкафу. – Семейные реликвии, фамильные ценности!...

– Ну так открывай... – предложил Джон, предусмотрительно сторонясь непонятного объекта.

Лёлик судорожно вздохнул и дёрнул как следует за приваренную скобу.

Дверь неожиданно легко отворилась, отчего Лёлик едва не шлёпнулся, и предстало перед нами весьма любопытное зрелище.

Мы вовсе не увидели ожидаемых полок. Вместо них во весь шкаф имелась серая пластмассовая панель, в верхней части которой помещался большой плоский экран, на котором плавно переливались муаровые сполохи. Снизу располагалось прикрытое металлическими створками прямоугольное окошко, над которым торчало несколько разноцветных лампочек.

– Ого! – воскликнул Боба. – Никак компьютер! Ты чего же, Лёлик, заховал и не докладываешь!?

– А ну давай, запускай машинку! – скомандовал Раис. – Сейчас в какую-нибудь стрелялку поиграем!

– Какая стрелялка!? Кто заховал!?... – прошипел Лёлик, ёжась неуютно. – Я первый раз эту штуку вижу!

Раис презрительно хмыкнул, но возражать не стал.

Мы принялись молча разглядывать странную конструкцию.

Вдруг на экране проявилась точка, которая стала расти и быстро превратилась в изображение большой прямоугольной кнопки, на которой горела алыми переливами надпись "Пуск".

– Ничего себе... – потрясённо прошептал Боба.

– Может, нажмём? – деловито предложил Раис.

– А вдруг тут центр управления полётами, – пробормотал Джон с опаскою.

– С чего это ему тут быть? – недовольно усомнился Лёлик.

– Ну так запасной... На случай ядерной войны... – предположил Джон. – Нажмёшь, и взлетит что-нибудь...

– Ага, – согласился Боба. – Что-нибудь этакое большое со ста боеголовками и в Америку в гости...

– И стартует из Лёликова сортира, прям из дырки! – развил гипотезу Раис.

– А они ответный удар прямиком по Лёликовой халупе... – закончил Джон.

– Не согласный я! – воскликнул Лёлик и насупился.

– Опа, дверь!... – крикнул с другого конца помещения Серёга, любознательно шаривший по закоулкам.

Мы подошли к нему.

Действительно, среди трубопроводных зарослей пряталась невзрачная дверь, крашенная серой матовой краскою. На двери имелся встроенный диск с цифрами – как на допотопных телефонах, над которым висел какой-то пожухлый листок с печатным текстом.

Я отпихнул полезшего крутить диск Раиса и принялся вслух по складам разбирать порядком выцветшие письма:

– Инструкция по... э-э... использованию филиала малой виртуально-стационарной машины... свет не загораживайте... времени... дискретного типа...

– Какого типа? – озабоченно переспросил Раис.

– Декретного, – авторитетно подсказал Серёга и подтолкнул меня в бок: – Ну ты давай, читай, интересно пишут...

Я продолжил чтение, и в дикции моей то слышались нотки иронизирующего сатирика, то прорезался и вибрировал торжественным баритоном металл официального сообщения, ибо никак не мог я взять в толк странные слова и сориентироваться в степени достоверности излагаемой мной же информации.

– ...Первое... Изделие предназначено для перемещения во временном континууме объективных субъектов (экскурсантов) и субъективных объектов (инвентаря) с целью экскурсионного ознакомления в дискретном масштабе исторических эпох, входящих в учебный план, путем оптимального внедрения в реальное состояние посредством осуществления овеществления согласно приложения (смотри ниже). Второе. Для совершения перемещения необходимо избрать маршрут экскурсии (смотри ниже), набрать соответствующий ему код и войти во временную камеру. Остальные манипуляции совершаются в автоматическом режиме. Приложение. Рекомендуемые маршруты. "В гости к сказочным драконам" (мезозойская эра) – код 01, "Здравствуй, племя молодое" (неандертальцы и кроманьонцы) – код 02, "Римские вакации" (расцвет древнего Рима) – код 03, "В поисках чаши Грааля" (средневековая Европа) – код 04, "Беспредельная перестройка" (конец XX века по среднему летоисчислению) – код 05. Маршруты экскурсий рекомендованы министерством всеобщей образованности. Примечание. Запрещается пользование данным филиалом несовершеннолетним без сопровождающего лицензированного наставника и лицам в неадекватных состояниях...

Я дочитал и медленно оглянулся. Коллеги жадно и молча поедали глазами удивительного содержания документ.

– Не шиша себе... – возбуждённо прошептал Лёлик. – Машина времени... Всамделишная...

– А про перестройку – это, что ли, про нас? – застенчиво спросил Боба и замолчал.

– А состояния там какие-то – это как? – наморщив лоб, спросил Серёга.

– Значит, выпимши... – пробормотал Джон.

– Ну так я с утра тверёзый... – пожал плечами Серёга.

Установилось молчание. Наконец Раис шумно откашлялся и хрипло произнёс:

– Ну так чего?... Может, того, прокатимся... У меня отгула как раз... – состоял он завхозом пожарной части, что позволяло ему рассказывать несведущим людям о своих чуть ли не ежедневных подвигах на стезе борьбы с огнём и возгораниями.

Остальные также являлись на тот момент птицами свободного полета. Джон, Боба, Лёлик пребывали в летних отпусках. Я был человеком творческой профессии и сам себе голова, а с тем и не имел строгого работодателя, имевшего право заставлять и не пущать. Серёга, если не изменяла память, ещё со времен завершения службы в рядах родной армии – что было достаточно давно – всё никак не хотел определиться с родом трудовых занятий и перебивался эпизодическими заработками сомнительного характера, что, собственно, не мешало ему иногда быть владельцем вполне приличных сумм.

– И в самом деле... – нервно хихикнул Боба и покраснел.

И тут словно прорвало. У всех появилась настоятельная потребность высказаться, и подвал наполнился безобразным гамом, не уступавшем ажиотажу взбесившейся очереди, причём как-то сразу полученная информация была принята на полную и бесповоротную веру.

Галдели долго, но безрезультатно, пока благоразумный Джон не предложил поставить вопрос на голосование. Почин был подхвачен с безотлагательным энтузиазмом.

– Итак, кто за то, чтобы туда!... – Джон, пылая взором, неопределённо задёргал головой и вскинул торжественно руку, которая недолго оставалась в одиночестве.

Последним оказался Лёлик.

– А как же погребок мой?... Копать надо... – тускло пробормотал он, но руку всё же поднял по привычке нашего человека никогда и нигде не отрываться от коллектива.

– Единогласно! – торжественно провозгласил Джон и несколько расслабился. – Ну, так куда путь держать будем?

– Айда в эту самую... в Мерзазойскую! – возбужденно выпалил Серёга, размахивая руками и подпрыгивая. – Давненько я хотел на этих самых... как там их... большезавров поохотиться!

– Ну, если куда и отправляться, так чтобы там сервис культурный был... – неопределенно возразил Джон.

– Какой сервис? – искренно удивился Серёга. – На вертеле жарить будем. Пикничок сооразим.

– Ну, видишь ли, – осторожно стал объяснять Джон, – любой пикничок и, вообще, отдых, если он культурный, предполагает прежде всего приятное всякое общение. Ну, а там, понимаешь, одни стегоцефалы и птеродактили...

– Что ты все темнишь? – обиженно запыхтел Серёга. – И не выражайся! Я ведь тебя по матери не крою, а ты тут всякими стегалосами бросаешься...

– Короче! К пикнику девочки нужны. Понял? – чётко разъяснил Джон, более всего охочий до нежного пола, после чего самодовольно взъерошил волнистую шевелюру, а заодно и любовно потрогал пшеничные усы, словно желая подчеркнуть свою репутацию завязатого ловеласа и неотразимого сердцеда.

– Ну так а чо ж? – разулыбался Серёга. – Чего, там не снимем, что ли?

Эта оптимистичная реплика встречена была с нашей стороны несколько оскорбительным смехом, отчего Серёга озадачился, повернулся к торчавшей на стене коробке, протёр рукавом стеклянное оконце и стал смотреться в него украдкой.

А дискуссия продолжалась. Поскольку красноречивая формулировка культурного отдыха показалась весьма убедительной, ящеры были решительно отвергнуты. Пещерные предки не устроили нас как своим шкурным обликом, что никак не соответствовало нашим эстетическим запросам, так и своими каменными топорами, которыми недоцивилизованные пращуры вполне могли проверить на прочность наши цивилизованные головы. Средневековые охладило наш пыл непозволительной строгостью нравов и инквизиторскими кострами, о чём больше всех высказался Раис, настойчиво при этом вспоминая вовсе не о тяготах своей профессии, а о том, как в пионерском возрасте он жестоко обжёгся при попытке поджечь сарай ненавистному соседу. Беспредельная перестройка, конечно же, нас не заинтересовала постольку, поскольку мы её не столь давно уже прошли, так сказать, естественным путём, и вновь в неё возвращаться никакого желания не было.

Оставалось одно – Рим, великий Вечный город на семи холмах, центр Ойкумены, властитель душ и властелин народов, бело-колонный, мраморный, увенчанный жарким солнцем Италии, ослепительный в своём великолепии, торжествующий в своих триумфах; город, принёсший в мир тяжкую поступь непобедимых легионов и чеканный звон латинского языка, словно бы предназначенного для торжественных богослужений и для лаконичных афоризмов... Всю эту кучу популярных стереотипов, оформленных в витиеватые формы, вывалил на нас единым духом Джон, в глазах которого отражались уже праздничными огоньками грядущие амурсы с римскими красотками.

Закончив агитационную речь, он отдышался и нервно спросил:

– Ну что?... Двинем?... На чуть-чуть...

– А не обман это? – неуверенно предположил Боба.

– Да какой обман в моём подвале!? – уязвлено воскликнул Лёлик и гневно заворочал глазами.

– Ну так давай попробуем! Жми педали! – нетерпеливо воскликнул Серёга.

Джон размашисто перекрестился отчего-то на католический манер и, сверившись с инструкцией, решительно крутанул диск, провернувшийся со страшным скрежетом. Раздался короткий звонок, замигала торчавшая над дверью в проволочном наморднике синяя лампочка, мелодично билинькнуло, и дверь легко отъехала, утонув в стене. Открылось нашим страждущим взорам тесное как пенал помещение, освещённое электрическим светом и подозрительно походившее на кабину обыкновенного лифта, тем более, бежевый пластик стены украшала тщательно выцарапанная надпись: "Эммануил Антаресов. 2117-5 млн."

– Ишь ты, – уважительно пробормотал Серёга. – Фамилия какая...

Эта надпись как-то сразу заставила нас расстаться с остатками сомнений. Мы единодушно уверились в полной серьёзности выпавшей нам возможности посетить в буквальном смысле исторические места.

– Ну что, заходим?... – отчего-то шёпотом сказал неуверенно Джон и было занёс ногу.

– Однако погодь... – остановил его Раис и практично предложил: – Надо бы приготовиться, на часок по домам разбежаться, собраться в путь-дорожку, домашних предупредить об отъезде командировочном, да и приодеться по такому случаю не помешает...

На том и порешили.

Глава 2. В которой новоявленные туристы экипируются надлежащим образом – как своими силами, так и при помощи интересного ящика.

Не забыв погасить свет в странном помещении, выбрались наружу; коллеги, не мешкая, заспешили по домам. Остались лишь мы с Лёликом, поскольку мои предки только что убыли на пару месяцев к родственникам в дальние края, и оповещать о своём убытии мне было некого, ну а Лёлик и без того был самостоятельный домовладелец и сам себе голова.

Время тянулось медленно и нудно, как на приеме у зубного врача. Скрипучие ходики с намалёванными медведями тикали с возмутительной неторопливостью, словно изнутри были забиты ватой. Я прошёлся по комнате туда-сюда, поглазел в низкие окошки на двор, не увидев там ровным счетом ничего интересного.

На подоконнике стояла жестяная коробка с намалёванными на крышке аляповатыми розами неестественной расцветки. От нечего делать я взял её и потряс. Из коробки раздался сухой стук.

– Угощайся, печенье там, – кисло молвил Лелик.

– Не дождёшься, все равно угощусь, – пробормотал я, но обещания своего выполнять не стал.

Лёлик загремел призывно доской с шашками, предложил сразиться в поддавки. Вяло подвигали по клеткам пластмассовые кругляши. Лёлик стал проигрывать и от этого хмуриться, ёрзать и обижаться; затем он вдруг вскочил со стула озабоченно, словно вспомнил о чём-то до крайности важном, подскочил к этажерке, вытащил том энциклопедии, начал рыться в нём усердно, бормоча под нос. Я подождал, пока энциклопедист удовлетворит свою любознательность и вернётся к доске коротать время, но не дождался. Дверь с треском распахнулась, и залетел в комнату запыхавшийся Раис.

Впрочем, мне не сразу удалось узнать его – настолько неопишуемым был его вид. Перво-наперво бросалась в глаза начищенная до парадного блистания медная каска из тех самых, которыми в стародавние времена brave brandmeisters сводили с ума сентиментальных кухарок. Каска была велика и постоянно норовила сползти хозяину на брызгавшие самодовольством молодецкие взоры. Ниже имелась рваная майка сеточкой, как следует обтягивав-

шая налитой колобок живота, за плечами помещался полупустой рюкзак. Штопаные галифе образца военного коммунизма предусмотрительно поддерживались брезентовым поясом, за которым грозно красовался пожарный топорик, крашенный в ярко-красный цвет. Тем же цветом отличалась и обувь удалыца – резиновые короткие боты, по виду бывшие подозрительно женскими. Ко всему на шее у Раиса болтался старомодный фотоаппарат с кургузым объективом, бывший достижением народного хозяйства в годы Карибского кризиса. Этим механизмом наш друг гордился и дорожил, наотрез отказываясь поменять его на автоматическую "мыльницу".

– Ну чо? – с горделивым достоинством спросил Раис из-под каски, приподнимая её пальцем, но услышать ответ не успел.

Грохнула пинком распахнутая дверь, и на пороге возник Серёга, одетый не менее экстравагантно и впечатляюще. Облачение его состояло из промасленных как бутерброд джинсов и потёртой десантной жилетки защитного цвета со множеством карманов, клапанов, пистончиков и даже газырей. Военного вида кепка с невероятно длинным, словно клюв пеликана, козырьком придавала Серёге образ вызывающий и грозный; тем более, за солдатским ремнем, перепоясывавшим его чресла, торчала громадная рогатка, которая, пожалуй, и взаправду смогла бы нанести существенный урон рядам динозавров, последуй мы вслед за Серёгиными мечтами в Мезозой. Ну а наиболее подходящей для дорог Рима обувью друг наш избрал те самые монументальные сооружения из пуленепробиваемой кирзы с бетонной подошвой, которые в народе кличут в том смысле, что ими крайне удобно давить кое-какие продукты жизнедеятельности. Впрочем, начищены они были до стеклянного блеска, что несколько скрадывало их тоталитарную сущность.

Серёга вышел на середину комнаты, уничижительно хехекнул в адрес Раиса и кокетливо повернулся на каблуках.

– Однако, бутик "Пьер Карден и Софи Лорен", – уважительно произнёс я и, почесав затылок, вслух подумал: – Так, пожалуй, и мне не помешает домой сгонять, приодеться, как подобает джентльмену для прогулки, а то на вашем благородном фоне я буду выглядеть форменным замарашкой...

– Ничего, сойдёт, – высокомерно бросил Раис, снял каску и принялся любовно натирать её об штаны.

Серёга снял со спины обшарпанный рюкзак и с важным видом выудил оттуда промасленный пергаментный свёрток.

Раис зыркнул и тут же заинтересованно спросил:

– Чего тут у тебя, никак пирожки?

– Да нет, не пирожки... Автомат у меня тут всамделишный, – храня театральное спокойствие, ответил Серёга и, помедлив обстоятельно, не спеша развернул свёрток, откуда и в самом деле явился нашим взорам тупоносый автомат времён вермахта, покрытый точками ржавчины и переводными картинками: – "Шмайссер" называется!...

– Ну, даёшь!... – восхищённо протянул Раис.

– Не шмайссер, а пистолет-пулемёт МП-40, – резонно поправил начитанный Лёлик и незамедлительно потянулся к оружию лапаты. – Где взял-то? Ещё есть?

– Нету больше, – строго заявил Серёга и поторопился сунуть автомат за спину. – Дедуля это мне давно на именины подарил... А сам ещё с войны привёз... Дай, думаю, прихвачу с собой...

За окнами послышались оживлённые речи Бобы и Джона, и через пару секунд в комнате появились ещё два очаровательно одетых гражданина, имевших на себе такую немислимую рвань, какую особенно обожают владельцы садовых участков. Боба к тому же напялил на макушку полотняную жёваную кепочку с целлулоидным сиреневым козырьком, отчего стал

походить на полоумного. В руках он держал оранжевый нейлоновый рюкзак, дно которого что-то оттягивало.

– Это вы что, сговорились насчёт туалетов парадных? – осведомился я у новоприбывших. – Однако, я начинаю себя чувствовать дурацким обсосом.

– Ничего, на вторых ролях будешь, – успокоил Джон и заботливо поправил булавку, скреплявшую прореху на футболке "Адидас", пошитой на просторах Великой Китайской равнины.

– Ага! – воскликнул вдруг навроде "эврики" замолчавший было Лёлик и кинулся в чулан.

В течение времени, потребного для сгорания спички, происходила там бурная возня со скрипением, шуршанием, сопением и чертыханиями, после чего Лёлик вновь объявился – скачущем на одной ножке, ибо завязывал он шнурок на дряхлой кеде. Одет он уже был по тому же направлению, что и остальные коллеги. Естественно, за исключением меня. Но мне не впервой приходилось оставаться в дураках, и я смирился.

Серёга, задетый тем, что Боба с Джоном не обратили внимания на его огнестрельный раритет, картинно прошёлся перед ними, небрежно помахивая автоматом.

Джон посмотрел внимательно и предположил:

– Муляж что ли?

– Сам ты муляж! – обиженно воскликнул Серёга. – Знаешь, как мы с дедулей из него на уток охотились! Одной очередью всю стаю!...

Джон недоверчиво усмехнулся, отвернулся от новоявленного снайпера и начал было молодецково:

– Ну что же, господа туристы, надо бы присесть... – но закончить не успел, ибо за дверями загремело всё то же ведро и кто-то тонко заойкал.

– Кого ещё!... – заскрипел зубами Лёлик и бросился к двери.

Дверь плавно отворилась, и предстала на пороге в картинной позе журнальной дивы соседская девчонка – голенастый недоросток лет пятнадцати с дощатыми формами, веснушчатой физиономией и тайными мечтами о скорейшем замужестве. Лёлика она рассматривала в качестве достойного претендента на матримониальные таинства, в связи с чем и посещала его частенько, отчего все мы состояли с нею в знакомстве.

Потенциальная невеста оглядела нас царственно, потом хлопнула белесыми ресницами, сморщила нос и смешливо фыркнула:

– Ой, да вы чо это оборванцы такие?...

– Не твоего ума дело! – мрачно отрезал Лёлик и, уперев руки в бока, встал неприступно прямо перед гостьей, отрезая ей путь в комнату.

Девчонка было скорчила плаксивую гримасу из тех, которые имеются на вооружении всякой мал-мальски сообразительной барышни, но по насупленной угрюмости Лёлика быстро поняла, что капризы не помогут, и в любом случае её не далее как через минуту вышибут вон.

– Да я, вообще-то, Лёличек, насчет газетки... – с неизъяснимой лаской забормотала она. – Ты ж меня сам звал... Про эротику почитать...

Лёлик коршуном метнулся к этажерке, схватил охапку газет, впихнул их под мышку девчонке наподобие градусника и стал настойчиво выталкивать незваную гостью за порог.

– Ну, прямо вообще, я же дама!... – успела пискнуть та и скрылась из глаз, теснимая Лёликом.

– Канай, пацанка!... – с отвращением бросил вслед Серёга.

В прихожей вновь загремело ведро, послышалась возня с невнятными возгласами, хрястнула с размаху входная дверь. Вошёл в комнату Лёлик – отчего-то донельзя довольный – пробормотал, потирая руки:

– Так, о чём это я...

– Всё о том же! – суровым командором бросил Джон. – Присядем на дорожку.

Мы расселись где придётся, молча поглазели в окна на знакомые до оскомины виды.

И всё-таки загадочна душа человеческая! Вроде бы совершенно невероятное событие должно было вот-вот развернуться во всей своей красе, а в голову вместо патетических рассуждений на высокие темы лезла всякая чушь навроде оставленного на столе кефира и намеченного на завтра randevu.

Коллеги сидели дисциплинированно и даже с некоторой сонливостью, будто мухи в холодке, и лишь один Лёлик озабоченно ёрзал и тёр макушку.

– Ну, всё!... – Джон хлопнул себя по ляжкам и резко встал.

– Погодь!... – воскликнул Лёлик, в унисон хлопнув себя по лбу, кинулся к этажерке и, пошуровав среди книг, выудил томик среднего формата в потёртой обложке.

– Ну ты, Лёлик, даёшь! – удивился Серёга, не обременённый уважением к печатному слову. – Прямо без этой ерунды жить не можешь.

Лёлик важно хмыкнул и, продемонстрировав нам книжку, пояснил:

– Называется "Римские древности". Тут как раз про древний Рим написано. Типа справочника.

– Пригодится! – лаконично одобрил Джон.

В молчании, подчёркивавшем важность момента, мы слезли в подпол и протиснулись в загадочное помещение.

Там мы приблизились к заветной двери и остановились нерешительно.

– Только на минуточку!... – с назревающей паникой пробормотал Лёлик.

– Как получится! – хехекнул Серёга и было полез вертеть диск.

Джон ловко его отпихнул, примерился и сам уже решительно набрал нужный номер. Замигала синяя лампочка, запиликало, дверь гостеприимно отъехала, открыв всё тот же интерьер.

– А влезем все?... – тихонько спросил Раис, озабоченно трогая свое солидное пузо.

– Попробуем... – ещё тише ответил Боба.

Джон глубоко вздохнул, помедлил и бдитительно потрогал ногою пол кабины, словно изнеженная купальщица воду в пруду. Ничего не произошло. Джон крякнул и осторожно вошёл.

Внезапно раздалось шипение как от заезженной пластинки, и мелодичный голос произнёс:

– Вниманию отъезжающих. Не забудьте получить инвентарь.

– Чего это? – придурковато спросил Серёга.

Мы недоумённо завертели головами.

– А, может, это про тот ящик, с компьютером, – предположил Боба.

Мы с ним согласились и гурьбой подошли к железному шкафу с экраном, на котором всё также горела приглашающе надпись "Пуск".

– Ну что, пускаем?... – неуверенно спросил Джон, медля и сомневаясь.

– А-а-а! – зачем-то взвопил Раис и ткнул пальцем в виртуальную кнопку.

Кнопка тут же рассыпалась разноцветными сполохами, которые закружились густо, а потом растаяли, явив несколько сиреневых прямоугольников с разными ярко-красными надписями. Надписи дублировали те названия экскурсий, с которыми мы уже ознакомились по прочтении справочного листка.

– Ага, меню, – с видом знатока заявил Лёлик, поправил очки, пролез поближе к экрану и нажал на "Римские вакации".

Изображение красиво рассыпалось на очередные радужные сполохи, и на золотистом фоне возникли новые прямоугольники, на которых было написано: "Вооружение", "Обмундирование", "Походный инвентарь", "Вспомогательный инвентарь".

Джон отпихнул Лёлика от экрана и ткнул в надпись "Вооружение". Экран снова украсился красивыми переливами, и возникли во множестве расположенные рядами квадратики с

мелкими, но чёткими рисунками на них. Рисунки изображали мечи, топоры, копья, кинжалы, луки, пращи и прочие причиндалы, применяемые в древние времена миролюбивым человечеством для решения спорных вопросов.

Джон, кривя рот и хмурясь, внимательно изучил предлагаемый ассортимент и саркастически спросил:

– Фехтовальщики, копьеметатели, лучники есть?

– Нет! – за всех твёрдо ответил Боба.

– А чего? – сварливо пробубнил сбоку Лёлик. – Мне бы меч или там ятаган какой не помешал бы...

– Ага, нарвёшься вот так на какого-нибудь местного, который с малолетства обучен мечом махать, он тебя враз и истыкает, – наставительно предостерёг Джон.

– Точно, – поддержал Раис. – Нам этого не надо. Всё должно быть чинно, благородно, по справедливости. У них мечи, у нас автоматы.

– Так это, вроде, не по справедливости, – усомнился Боба.

– Зато надёжно! – отрезал Раис.

– Ну и где же нам эти автоматы взять? – спросил Джон, внимательно изучая экран.

– Слушай, – пришла мне в голову мысль. – А ну-ка, вернись в главное меню.

Джон недоверчиво хмыкнул, но дотронулся до самого нижнего прямоугольника, на котором было написано "В главное меню".

Вновь на экране возник список возможных экскурсий.

– Ну и чего? – спросил Джон.

– Жми на беспредельную перестройку, – посоветовал я.

– Точно! – озарённо воскликнул Боба.

Джон нажал. Появился экран с кнопками "Вооружение", "Обмундирование", "Походный инвентарь", "Вспомогательный инвентарь", но уже с малиновым фоном. Джон нажал на "Вооружение".

Высыпали на экран очередные квадратики с рисунками. Мы вгляделись и с удовлетворением обнаружили на них искомое огнестрельное оружие всевозможных моделей. Были тут и пистолеты: от дамского карликового браунинга до револьвера с длинным дулом шикарного калибра, были и всевозможные винтовки, карабины, дробовики, были и автоматы разнообразных конструкций, и даже имелся переносной ракетно-зенитный комплекс.

– Опа! – воскликнул Раис. – Живём!...

– Смотри-ка и "калашников" есть, – обрадованно сказал Боба и ткнул пальцем в квадратик, показывая.

Квадратик от Бобиного тычка развернулся на весь экран и превратился в новое изображение. Слева красовался трёхмерно выполненный АКС-74 со складывающимся металлическим прикладом, справа чёрным чётким шрифтом описывались его характеристики. Снизу имелись очередные прямоугольники с надписями "Выполнить заказ", "Боеприпасы снаряжённые" и "Боеприпасы неснаряжённые".

– А ну, покажь спецу! – больно и предезько толкаясь, пропихнулся вперёд Лёлик и, недолго думая, ткнул пальцем в "Выполнить заказ".

Экран полыхнул радужно, мелодично пикинуло, замигали снизу разноцветные лампочки, металлические створки разъехались, и из чёрного нутра лихо выехал зеркальный металлический поднос с преспокойно красовавшимся на нём тем самым автоматом.

– Ого! – восторженно рывкнул Лёлик и, подняв с пола щепочку, осторожно дотронулся до свежее испечённого вооружения.

Ничего гадкого не случилось.

Тогда Лёлик по-хозяйски попытался автомат сцапать, но Джон ловко его отпихнул и завладел оружием сам.

– Чего ты?! – заныл Лёлик, обиженно сопя. – Я на кнопку жал, давай сюда!...

– Тебе дай, начнёшь жать, всех перепуляешь, – пробормотал Джон, вертя автомат и щёлкая предохранителем. – В армию надо было ходить...

– В армию пускай дураки ходят, – мрачно заявил Лёлик, нервно зачесавшись. – А я и так пулять куда знаю.

– Кажись, настоящий, – тем временем доложил Джон, окончив осмотр, потом отстегнул магазин, заглянул в него и показал всем.

В горловине изогнутого пенала маслянисто блеснул патрон.

– Как есть полнёхонек! – нежно молвил Раис и добавил восторженно, зажмурившись: – Ух, погуляем!...

– Ну чего? – спросил Боба. – Значит, вооружаемся и айда?...

– А как же! – довольно подтвердил Серёга.

– Значит так, – деловито произнёс Джон. – Я сейчас нажимать буду, а вы инвентарь принимайте.

Джон повернулся к экрану, замер на мгновение как пианист перед рапсодией, нервно покашлял и начал нажимать. Замигали скорострельными переливами лампочки, загудело полнотонно внутри, и створки стали то и дело разъезжаться, выпуская на подносе всё новые и новые необходимые для назревающего путешествия аксессуары.

Перво-наперво выпорхнул на подносе ещё один "Калашников". Его цапнул сноровисто Раис, прижал к груди и закричал восторженно:

– Ещё давай! Чтоб каждому!

– Чур, мне американскую, М-16! – ещё громче закричал Лёлик и скрючил воинственно руки, будто сжимал уже в них оружие заклятых наших стратегических партнеров, но вылез всё такой же доморощенный АКС.

– Нечего за границами гоняться. Небось, все прогрессивные силы только наши "калачи" и уважают, – наставительно пробурчал Джон.

Лёлик заворчал недовольно, но прогрессивный автомат принял.

– А мне вообще не надо! – гордо сказал Серёга, помахивая изделием немецких оружейников. – Мой шпалер лучше всех.

– Как хочешь, – пожал плечами Джон.

Выполз АКС и по мою душу. Я снял его с подноса, ощущая благородную тяжесть, вдохнул волнующий запах боевого металла, и некоторый трепет сладкой волной пробежал по жилам и заставил расправить плечи наподобие крыльев. Видно, в мужских генах накрепко успела засесть за века отсутствия гуманизма страсть к тем самым цацкам, посредством которых можно наиболее действенно указать конкуренту на его место.

– Эй, погодь, – Боба хватанием за локти притормозил Джона. – Давай-ка мне пулемёт. Я ведь как раз на службе пулемётчиком был.

– А который? – озадаченно спросил Джон, возвращаясь в экран с квадратиками.

Боба, прищурившись, всмотрелся и обрадовано ткнул пальцем в одну из картинок.

На экране появился пулемёт, походивший на сильно вытянутый АКС, с длинным стволом, с сошками, с откидным деревянным прикладом, с более большим, чем у автомата магазином. Ко всему сверху имелся громоздкий оптический прицел.

– РПКС- 74! – со вкусом выговорил Боба. – У меня такой и был. Только без оптики. Как раз и калибр такой же, как и у АКСов. Так что с боезапасом путаться не будем.

– Кстати! – поднял палец Джон. – Надо ведь и патронов набрать.

– Наберём... – рассеянно сказал Боба, нажал на кнопку и принял народившуюся штуковину как опытный акушер младенца.

– Ну, кажись, вооружились, – довольно молвил Джон. – У всех личное оружие имеется?

– Боезапас давай, – напористо посоветовал Раис.

Джон кивнул согласно и начал пихать нужные кнопки.

Начали вылазить магазины – для автоматов покороче, для Бобиного пулемёта подлиннее – потом цинки с патронами.

– Куда столько? Хорош! – всполошился Лёлик. – Кто потащит?

– Патронов в нужном деле никогда не много, – наставительно сказал Боба.

– Эй, эй! – озабоченно воскликнул Серёга. – А мне тоже патронов надо!

Джон перестал выдавать боезапас для "калашниковых", вернулся в меню оружия, при-
смотрелся и покровительственно заявил:

– Повезло! Есть тут такой агрегат.

Джон ткнул пальцем в картинку. Появилось на экране виртуальное изображение Серё-
гиного автомата.

– А, может, тебе новый справить? – спросил Джон.

– Не надо. У меня пристрелянный, – гордо отказался Серёга. – Ты давай, патрончиков
сообразь.

Джон выполнил заказ. Серёга с довольным видом начал хватать с подноса плоские пря-
мые магазины, распахивать их по накладным карманам, засовывать за голенища и просто скла-
дывать на бетонный пол.

– А ну-ка, не запастись ли нам гранатомётом, – мечтательно произнёс Боба. – На всякий
пожарный...

– Не помешает, – солидно ответил Джон.

– Ну давай тогда РПГ-7. Я из него в армии пулял, – заказал Боба.

– Ну прям, универсальный солдат, – несколько завистливо пробурчал Лёлик.

Джон нажал куда надо. Выполз на подносе гранатомёт, а за ним и набор зарядов в дере-
вянном ящичке.

В этот раз поднос вытянулся так, что труба базуки полностью на нём помещалась. При
этом длина подноса явно превышала глубину шкафа-самобранки. Лёлик даже подозрительно
посмотрел на шкаф сбоку и начал чесать затылок.

– Давай-ка и простых гранаток! – требовательно заказал Серёга.

Джон согласно кивнул и организовал выполнение. Вылезли гладкие чушки оборонитель-
ных гранат и ребристые Ф-1.

– Не у всех рюкзаки имеются, – резонно заметил Боба.

Джон, напевая себе под нос что-то весёленькое, залез в "Походный инвентарь", и споро
организовал потребное количество брезентовых рюкзаков защитного цвета. Затем счастливо
засмеялся и выдал: солдатские дерматиновые ремни с начищенными звездастыми бляхами,
сувенирный набор штопоров, школьный компас, который Лёлик тут же нацепил на руку, гео-
графический атлас, нитки с иглками, ножницы, моток капроновой бечевки, пять штык-ножей
и один морской кортик в белых с золотом парадного исполнения ножнах, несколько рулончи-
ков пипифакса, зубные щетки, тюбики зубной пасты, станки для бритья, пару баллонов пены
для бритья, флакон лосьона после бритья, расчёски, большой коробок спичек и ещё некоторые
нужные и полезные вещи.

Шкаф, следуя Джонову рукоприкладству, урчал утробно и переливался разноцветно;
Раис с Лёликом трудолюбивыми пчёлками суетились вокруг него, торопливо снимая с выез-
жавшего подноса предметы туристического скарба и складывая их в живописную кучу.

Наконец Джон сыто отвалился от пульта и, утерев размашисто лоб, устало молвил:

– Кажись, хватит...

– А чего там в обмундировании? – спросил Боба.

Джон влез в нужное меню и стал разглядывать открывшиеся картинки различных одежек,
одни из которых явно были достойны модных бутиков, а другие негодились бы и в самом
унылом секонд-хенде.

– А с размерами как?... – поинтересовался Боба.
– Да ну! – проворчал Раис. – Чай, не на месяц собрались... Своя одёжа привычнее.
– Точно, в своём походим, – сказал решительно Серёга.
– И вообще, чего столько набрали? – капризно заворчал Лёлик. – Кто потащит?
– Все и потащим, – миролюбиво сказал Боба.
– Ну вот дудки! – язвительно воскликнул Лёлик. – Кто заказал, тот и тащит!
– Разговорчики! – строго сказал Джон, подошел к куче амуниции, небрежно попинал её и предложил: – Начнем, пожалуй? – после чего зацепил из кучи парадный кортик с дерматиновым ремнем и стал этот кортик к ремню прилаживать, посвистывая доволью.

Коллеги полезли разбирать имущество, прилаживая его по рюкзакам.

– А чего это ты ножичек этот залапал? – с интонациями идейного правдоискателя осведомился у свистуна Лёлик. – Почему другим таких ножиков не наделал?

– Потому что! – коротко и аргументировано отвечал Джон и, спортивно подтянув живот, застегнул ремень с болтавшимся на нем плодом раздора.

– Да ладно тебе, – примирительно обратился к гневно задышавшему Лёлику Боба. – Вон же нормальные штык-ножи, уставные.

– А я, может, не желаю уставные, – зашипел Лёлик. – В командиры, вишь, метит, нацепил ножичек. А вот шиш, у нас демократия.

Дальнейшие наши деяния по пакованию багажа происходили при сосредоточенном молчании; лишь изредка раздавались в адрес Лёлика, пытавшегося набить свой мешок более воздухом, чем поклажей, короткие, но энергичные замечания.

Наконец, дело было завершено, упитанные рюкзаки переместились за спины. Можно было отправляться.

Глава 3. В которой герои вступают на древнеримскую землю и вскоре сталкиваются с аборигенами.

Нестройной гурьбой сгрудились мы у заветной двери.

Джон с размеренным тщанием в третий раз повертел диском. Повторились уже знакомые явления с пиликаньем, миганием лампочки и открыванием двери.

Теперь уже безо всякой опаски, гремя амуницией и пихаясь ею же, мы с трудом втиснулись в узкую каморку, которая, впрочем, словно бы и раздвинулась, поскольку даже Раису не пришлось поджимать свой мамон. После того, как мы все разместились, дверь незамедлительно задвинулась, сверху щёлкнуло, и раздался прежний голос:

– Уважаемые экскурсанты, перемещение началось. Просьба соблюдать адекватность. За время перемещения будет произведено ускоренное нейроналожение курса бытового латинского языка. Спасибо.

На мгновение погас свет, раздался противный пульсирующий свист, от которого заложило уши и зашумело в голове. К счастью, длилось это совсем недолго. Серёга поболтал в ухе мизинцем и удивлённо спросил на родном языке Цицерона:

– Какого языка? Чего говорят? – потом открыл рот, крайне удивленно скосил глаза, словно пытаясь заглянуть в собственные мозги, и добавил уже на родном: – Ух ты, етит твою мать!...

– Полиглоты мы теперь, – важно прогудел Раис по-латински, тщательно выговаривая слова, будто пробуя их на вкус. – Ну, значит, поговорим с римлянами, побалакаем...

– Внимание, пункт назначения. Приятного отдыха, – вновь прозвучало с потолка, дверь отъехала, и предстал перед нами серый размытый полумрак, в котором едва угадывалось нечто каменистое и угловатое.

– Ну... приехали... – тихо произнес Джон.

Лихорадочно выпихивая друг друга, мы выбрались наружу и оказались в пещёре. На дверной проём беззвучно напозла каменная плита, совершенно слившись с бугристой стеной. Впрочем, на плите бескомпромиссно имела красная, словно изнутри подсвеченная кнопка, на которую Боба не замедлил нажать. Плита тут же вновь отъехала, открыв успокоительный интерьер хитрой каморки, и, повременив немного, вернулась на место.

– Ну ладно, пора, пожалуй... – неуверенно произнёс Джон и, обогнув торчавший прямо посередине прохода каменистый нарост в виде гигантского боровика, направился к выходу, горевшему невдалеке оранжевым сиянием солнечного денька.

Продравшись сквозь концлагерные переплетения дикой ежевики, мы очутились на склоне горы, поросшей потрёпанным кустарником, кое-как торчавшем на каменистом склоне.

Восхитительные ландшафты открылись нам. По всему окоёму вдаль плыли в голубоватой дымке изломанные гряды гор; ближе, на круглых боках холмов зеленела трава, небольшими кучками толпились деревья. Скромная речушка, извиваясь змейей, нестерпимо сверкала расплавленным серебром под лучами полуденного светила. Под самой горой меж высоких темных кипарисов тянулась серая лента проселочной дороги. А дышалось бесподобно, полной грудью – со смакованием сладости ароматного, ещё не осквернённого дарами фабричных труб воздуха.

– Вот он, Рим... – мечтательно прошептал Джон, запрокинув голову в белесое, без единого облака небо.

Серёга подозрительно посмотрел вверх, и, не увидев там ничего подобного, возбуждённо бросил:

– Ну пошли, что ли!

– Приключений искать на свою... эту самую, – добавил Лёлик и скептически поправил очки.

Скача горными парнокопытными между повсюду разбросанных гранитных валунов, мы спустились к подножию горы. До дороги тянулся неширокий луг, в центре которого стоял покосившийся заросший выюнами каменный четырехгранный столб, плавно перетекавший в скульптурное изображение бородатой головы с классическими чертами.

– Никак, бог местный? – предположил Боба.

– Сейчас, сейчас!... – заторопился Лёлик, схватился за свой справочник, который он сжимал под мышкой, полистал страницы и торжественно проинформировал:

– Этот столб называется гермой. Ею отмечали свои владения. В смысле, отмечают... Это от имени Гермеса, – торопливо уточнил Лёлик, глядя недовольно на Раиса, который, щурясь скабрёзно, начал было рассуждать на тему двуполых существ.

Раис недоверчиво хохотнул, а потом приподнято заорал, расчехоливая камеру:

– А ну-ка, фотку на память! – он тут же схватил меня за рукав и порекомендовал: – Давай-ка сначала ты нас сфоткай, а потом поменяемся.

Я не нашёл причины отказаться, взял аппарат и, прослушав торопливые наставления по применению, отошёл подальше. Коллеги, оживлённо болтая, столпились плотно вокруг столба, стали принимать картинные позы, то и дело загораживая друг друга, так как каждый норовил оказаться на самом видном месте. Наконец, после препираний и толкания локтями всех устроившая композиция была создана; я поймал в видеоискатель живописную компанию, предложил враз напрягшимся коллегам расслабиться и сделал пару снимков. Раис без обману подменил меня, приткнулся к видеоискателю, и также разок щёлкнул.

Затем мы выбрались на дорогу и остановились.

– Ну так куда пойдём? – выразил общий вопрос Боба.

– Ну так, это, в Рим! – воскликнул Серёга, с превеликим любопытством разглядывая окрестности.

– А в какую сторону? – резонно уточнил Раис.

– Может, туда? – Боба неуверенно махнул рукой направо.

– Я полагаю, пойдём туда, – величественно возразил Джон и указал как вождь пролетариата в противоположную сторону.

Лёлик озабоченно посмотрел на свой компас, направляя его в разные стороны, но рекомендаций не выдал.

Я пригляделся к следам, запечатлённым на пыльной ленте дороги. Были тут прямые полосы от колёс, перечеркивавшие друг друга, следы копыт и обуви. Видно было, что путники по этой дороге шли, в основном, в одном направлении.

– А вот смотрите, почти все следы ведут в ту сторону, направо, – показал я.

Джон, поджав губы, искоса поглядел на меня, многозначительно поболтал кортиком и заметил:

– Это не показатель. Мало кто тут шастает и куда.

– Тоже верно, – покладисто согласился я. – Но хоть какой-то аргумент.

– Ладно, чего тут, до ночи будем стоять! – воскликнул Серёга, начавший уже нетерпеливо подпрыгивать на месте.

– Да пошли направо! – напористо гаркнул Раис и добавил с намёком: – А налево всегда успеем!

Возражать никто не стал.

Джон, не упустив возможность оставить за собой последнее командирское слово, браво гаркнул:

– Итак, в путь, господа!

Бодро и напористо мы зашагали по дороге. Вначале шли молча, дивясь по сторонам, но вскоре однообразный пейзаж из лугов, холмов и кипарисов притупил чувство неизведанного, отчего возникли чувства прозаические, как то: усталость, жажда и аппетит, потянувшие за собой мечты о пикнике в тени. Эта тема начала муссироваться всё настойчивей, но тут внимание наше оказалось отвлечено крайне неприятною находкою.

Поначалу слабый ветерок принёс сладковатый запах тления, затем послышалось басовитое гудение, а потом за поворотом открылась нам следующая неприглядная картинка: на торчавшем у дороги т-образном столбе из толстых жердей висел в распятом состоянии полуразложившийся труп без головы. На груди у него была приспособлена дощечка. Зажимая носы от нестерпимого смрада, мы молча постояли, разглядывая мрачную примету данного исторического периода, затем подошли поближе. С плеча трупа тяжело взлетела упитанная ворона и, ругательски каркнув, убралась от греха подальше. Жирные зелёные мухи, облепившие питательное лакомство, наше появление проигнорировали.

– Бег-лый раб, раз-бой-ник и лихо-дей, – по складам прочитал Раис надпись на дощечке. – По приговору пропретора Децима Туллия Варбатуса.

– М-да, – мрачно произнес Джон. – Зрелище пикантное... – потом подумал и добавил: – Однако, тут не шутят... Как бы и нас не того...

Лёлик побледнел, схватился за голову и промямлил:

– А, может, лучше того... В смысле, посмотрели и будя... Обратно пошли...

– Ничего, нас так просто не возьмешь! – боевито ответил паникёру Раис и вознамерился профутболить по валявшемуся на обочине серому кругляшу, но тут же со сдавленным всхлипом ногу отдернул, ибо кругляш оказался черепом, скалившимся в мёртвой ухмылке весьма многозначительно.

В подавленных чувствах, нервно прислушиваясь к утихавшему постепенно гудению пировавших мух, мы продолжили путь. Джон, видно пытаясь успокоить себя и других, пустился в пространные рассуждения:

– А что делать?... Какой строй, такие и порядки... Не самый гуманный в мире, не то что как у других... Эх... Вот я и говорю, строй рабовладельческий... Это когда не рабы владеют,

а совсем наоборот... Их тут видимо-невидимо, или, даже можно сказать, целая уйма... Бегут, конечно. А кому охота рабом быть?... Ни тебе выходных, ни тебе больничных... Вот их и подвешивают...

– А распятие – казнь позорная. Для рабов только! – подсказал Лёлик.

– Ну да... – согласился Джон. – ... Но мы не рабы... Рабы не мы...

– Это как сказать. Ксивы-то нету, – угрюмо заметил Серёга.

– Какой такой ксивы? – подозрительно поинтересовался Раис.

– Такой самой. Что мы не рабы, – объяснил Серёга.

– Ничего, – продолжал успокаивать Джон. – Тут закон развит. Эта действует, как её, презумпция... невинности. Так что не нам надо будет доказывать, что мы не рабы, а им, что мы эти самые. Тут государство правовое.

– Да? – удивился Боба. – А я думал, это только у нас.

– А вообще, в какое же мы время попали? – спросил я.

– Так сказано было: расцвет Рима! – пояснил Раис.

– Ну, это понятие растяжимое, – сказал я.

– Куда это растяжимое? – не понял Серёга.

– История древнего Рима насчитывает века, – поддержал меня Лёлик, помахивая своим справочником как весомым аргументом. – Сначала был Рим царский. Цари правили. Потом был Рим республиканский. Когда у них тут республика была. Тогда сенат правил. Потом после Цезаря стали императоры править. А они разные были. Например, Калигула или там Нерон любители были народ гробить. Так что как бы и нам не попасть под раздачу.

– Ничего, отобьёмся! – посулил Джон, но не совсем уверенно.

Дорога стала спускаться в низину, поросшую буковым лесом. Могучие деревья, радуя взгляд светло-зеленой листвой, располагались вольготно, отчего солнечный свет столбами падал между их пышными кронами на густой подлесок из можжевельника и прочего запутанного кустарника.

Примерно на середине низины под гранитным валуном прямо у дороги обнаружился родник, из которого мы принялись до отвала пить ледяную изумительно вкусную воду, а, напившись, накинудились на Джона за то, что тот прошляпил нажать нужную кнопку, и нету у нас теперь походных фляжек. Джон вяло стал огрызаться, но тут вдруг Серёга вскинул руку и прошипел:

– Глянь, мужик в кустах...

Мы завертели головами, пытаясь немедленно узреть первого аборигена, но в плотных зарослях никого не обнаружили.

– Спрятался, гад! – воскликнул Серёга и показал: – Вон там рожа вылазила.

Кусты, подступавшие к самой дороге, еле заметно шевелились.

– Испугался, что ли? – предположил Джон, вглядываясь из-под ладошки.

– А чего нас бояться? – удивился Боба. – Мы добрые.

– А может того, разбойники?... – нервно предположил Лёлик.

– Точно! – поддержал версию Раис. – Одного распяли, а другие прячутся!

– Уходим, – кратко резюмировал Джон.

То и дело оглядываясь, мы торопливо продолжили путь. Никакие разбойники из кустов не выскакивали. Лёлик успокоился и начал обвинять Серёгу в дезинформации, из-за которой он толком не успел напиться.

Низина закончилась, а вместе с нею и заросли. Дорога полезла вверх на пологий, но высокий холм, увенчанный каменной скалистой верхушкой. Идти становилось всё тяжелее, тем более, вопреки кляузам Лёлика, на самом деле водою каждый из нас залился изрядно. И она, под воздействием жгучего солнца и монотонной ходьбы, не замедлила начать выходить из организма обильным потом.

Наконец, изнемогая от ощущения многочасового пребывания в парилке и с трудом переведя гудящие от непривычных нагрузок ноги, мы выбрались на вершину холма и поравнялись с неровным каменным боком скалы, дававшей желанную тень.

– Привал... – прохрипел Лёлик и плюхнулся на обочину, не снимая рюкзака.

Мы повалились рядом, переводя дух. На вершине дул ветерок, который в сочетании с тенью навевал некоторое подобие прохлады. Некоторое время все молчали, разглядывая окрестности, полные природных пасторалей, но не предъявлявшие ни одной живой местной души.

– А, может, вообще, куда-то не туда попали, – сказал задумчиво Боба. – Может, тут и вовсе людей нет.

– Ничего себе! – возмутился Лёлик. – А чего тогда прёмся как ходоки.

– А, интересно, сколько прошли? – спросил Раис, с кряхтением стаскивая боты.

– Километров шесть, – предположил я.

– Однако, пилить ещё сколько?... – капризно пробурчал Лёлик.

– А самое главное, куда? – заметил Джон.

– Ничего, куда-нибудь когда-нибудь дойдём, – успокоительно сказал Боба.

– Я сюда не в марафонах участвовать явился! – возмущенно выкрикнул Лёлик. – А развлекаться культурно.

– Тихо!... – воскликнул Серёга.

– Что, снова разбойники?... – издевательски начал Лёлик, но тут же осёкся.

Из-за скалы, куда заворачивала дорога, слышались неясные голоса и жестяное бренчание.

– Ну вот они, римляны!... – со смесью испуга и эйфории прошептал Раис и начал лихо-радочно натягивать боты обратно.

Мы как по команде вскочили и вперились в угол скалы, скрывавший обзор. Звуки неотвратимо приближались, и, наконец, из-за поворота показалась целая процессия, вызвавшая в нас мнительное ощущение присутствия на съёмках исторического фильма.

Впереди, помахивая посохом размером с жердь с острым металлическим наконечником, вышагивал коренастый широкоплечий детина в рыжей шерстяной тунике с короткими рукавами, обнажавшими мускулы, достойные заслуженного культуриста. Его выпуклую талию плотно облегал кожаный шириной в ладонь пояс, украшенный бронзовыми бляшками; справа висел в ножнах то ли длинный кинжал, то ли короткий меч. На перевязи через плечо детина тащил туго набитый кошель размером чуть ли не с хозяйственную сумку, который при каждом шаге звякал глухо. Кошель, по всей видимости, был изрядно тяжёл, поскольку абориген для равновесия заметно отклонялся в сторону.

За ним на ушастом муле ехал багровый толстяк мрачного вида в белой хламиде. Сзади трусило ещё одно подобное животное, навьюченное всякой поклажей. Шествие замыкали два распаренных парня в потрёпанных туниках рыжего цвета. Каждый из них держал на плече крепкую длинную дубинку, окованную медными кольцами.

Вид явившихся аборигенов навязчиво казался каким-то странным и неестественным.

Процессия приблизилась. Дитина внимательно и даже с некоторой опаской присмотрелся к нам, а потом гаркнул:

– Эй, вы, прочь с дороги!

Мы, хотя и стояли на обочине, отошли на всякий случай ещё подальше, прижавшись к самой скале.

Процессия медленно прошествовала мимо. Дитина посмотрел на нас искоса, ухмыльнулся и покачал головой. Толстяк бесстрастно разглядывал кончик собственного носа. Парни, смотря на нас, неприкрыто загикали; затем один другому важно сказал про идиотов-варваров, не знающих, как одеваются цивилизованные люди.

Мы молча смотрели им вслед, впитывая детали.

– Уф! – громко выдохнул Боба. – Гляди-ка ты, совсем на людей похожи.

– А какие же ещё они должны быть? – резонно спросил Джон.

– Слушай, а чего они такие коротышки? – с довольным видом спросил Раис, сам имевший неудовольствие быть приземистым, что, впрочем, обильно компенсировалось габаритами в ширину.

Действительно, неестественность вида аборигенов была в том, что все они оказались низкорослыми как недоедающие подростки, хотя и отличались пропорциями взрослых людей. И даже мулы были какими-то миниатюрными, словно не совсем настоящими.

– Витаминов не доедают, – пояснил Лёлик, искоса поглядел на Раиса и добавил: – Все, кто витамины не доедает, коротышки!

– Ну не знаю... – пробормотал Раис и снова уселся, незамедлительно принявшись вторично снимать боты.

Мы тоже уселись, причём устроившись так, чтобы не упускать из виду медленно удалявшуюся от нас процессию.

– Эх, надо было в гости напроситься, – заявил Раис. – Глядишь, угостили бы нас чем-нибудь вкусно.

– Нужны мы им, – хмыкнул Джон. – Как телеге пятая нога.

– А в мешке у здорового чегой-то звенело, – деловито заметил Серёга.

– Точно, – обрадовано подтвердил Лёлик, поправляя очки. – Небось, деньги. А они нам нужны!... Слышь, Серёга! Чего сидишь? Свидетелей нет. Иди быстро, догоняй!

– Зачем? – не понял тот.

– Как зачем? – искренне удивился Лёлик, а потом туманно разъяснил: – Чик-чик, и деньги наши!

– Я на мокруху не подписывался! – мрачно отказался Серёга.

– И что ж теперь прикажешь, без наличных существовать во враждебном мире? – с пафосом воскликнул Лёлик.

– Сам иди и чикай! – огрызнулся Серёга.

Лёлик презрительно хмыкнул и отвернулся.

Повисло молчание, прерывавшееся посвистом ветерка и щебетанием каких-то птиц. Совершенно не хотелось шевелиться. Разум никак не желал проникнуться фантастичностью происходящего. Казалось, что мы, прогуливаясь в окрестностях родного города, просто набрали на какое-то незнакомое место и решили здесь передохнуть.

Вдруг со стороны низины раздался многоголосый сердитый вой. Мы быстро повскакивали и увидели, как из лесу выскочила целая ватага с дрынами и накинута на путешественников.

Детина было воздел свою жердь, но тут же был смят превосходящими силами, повержен и, по всему, получил коллективную трёпку, в процессе которой с него содрали всё, что на нём было надето. Оба арьергардных парня, не долго думая, покидали свои дубинки и кинулись наутёк напрямиком в лес.

Толстяк сделал попытку слезть с мула, но был немедленно окружён толпой нападавших, бросивших, наконец, колошматить детину. Тот шустро вскочил и, беспорядочно размахивая руками, припустил бежать по дороге по направлению к нам. Бег его был столь успешен, что через пару секунд он уже был на подходе.

– Эй! Это кто там? – крикнул ему навстречу Раис.

– Ра-а-азбой-ни-и-ки! – панически прокричал детина и нелепым голышом промчался мимо.

– Однако, налёт грабительский! – констатировал Джон. – Пошли, посмотрим.

– Это зачем? – всполошился Лёлик. – Там небезопасно!

– Ты ж сам предлагал деньжатами разжиться, – напомнил Серёга.

– Ну так... – замялся Лёлик.

– Сейчас спустимся, банду разгоним, а добычу имеем полное право реквизировать, – деловито обрисовал план действий Джон.

– Точно! – весело воскликнул Раис, спешно надевая боты. – Грабь, это самое, награбленное!

Мы быстро стали спускаться в низину. Бодрящее волнение шепотной щекоткой пробежало по организму. Вперёд вырвался Лёлик.

– Эй, мужики, чего делаете-то?! – воскликнул он издали и замахал грозно кулаком.

Налётчики, самозабвенно развлекавшиеся тем, что шпыняли толстяка и из-за всех сил хохотали в ответ на его жалобные стенания, встрепенулись и живо повернулись к нам, демонстрируя испуг застигнутых врасплох. Впрочем, разглядев нас и не посчитав, видно, опасными элементами, они расслабились. Все разбойники как на подбор выглядели диковато: были низкорослыми, смуглыми, с растрёпанными шевелюрами и неровно отросшими бородами, с нехорошим блеском в глазах и с лицами, которые не оставили бы равнодушным профессора Ломброзо.

Посмеиваясь и корча многообещающие рожи, лиходеи покинули толстяка и, сгрудившись тесно, сделали пару шагов по направлению к нам. Один из них выделялся как явный главарь: был он самым здоровым и высоким из всей шайки, имел властность в повадках и строгость во взоре, и, в отличие от прочих, вооружённых преимущественно дрекольем, небрежно помахивал хоть и тронутым ржавчиной, но всё же настоящим мечом. В левой руке он зажимал аппетитно позвякивавший кошель.

– Эй, чего надо? – лениво спросил он.

– А тебе чо надо?! – вздорным кочетом заорал Лёлик, словно псих во время приступа.

Разбойники от такой громогласности на миг опешили, потом ещё больше развеселились.

– Эть, варвары, совсем обнаглели! – покачал головой главарь и нахмурился, как хмурится строгий, но справедливый учитель перед тем, как задать трёпку шкодливому ученику.

Из шайки выпростался вперёд щуплый мужичок дурацкого вида и, широко разевая щербатый рот, заорал:

– А ну, отдавай мешки, а то сейчас враз прибьём!

Разбойники весело расхохотались, словно услышали сногсшибательную шутку.

– Сами отдавайте! – завопил в ответ Лёлик. – Всё что награбили, всё конфисковано!

– Чего сказал? – озадаченно переспросил щербатый, затем преданно заглянул главарю в глаза и жизнерадостно завопил: – Бей варваров!

Главарь поощрительно гыкнул, приглашающе махнул мечом и, пружиня на кривых ногах, двинулся к нам. Разбойники заулюлюкали и, заранее замахиваясь дубьём, последовали за ним.

Лёлик мигом утратил румянец и юркнул с ойканьем за меня.

Здесь следует признаться в том, что мы совершенно растерялись, ибо действительность мгновенно показалась нереальной смесью из съёмочной площадки и кошмарного сна. И Бог весть, что бы произошло, если бы не присутствовал среди нас не страдающий комплексами Серёга, который с восторженным боевым кличем выскочил вперёд и выпустил щедрую очередь под ноги злодеям.

Раздался оглушительный грохот выстрелов, перед толпой агрессоров всплеснулись фонтанчики пыли, со свистом разлетелись куски расколотых пулями камней.

Разбойники на миг остолбенели, застыв в нелепых позах как в конце пьесы Гоголя "Ревизор". Первым опомнился главарь. Он сдавленно охнул, выронил кошель, сиганул прямо с места вертикально вверх, в воздухе повернулся кругом и в стремительном темпе задал дёру. Его соратники, вопя, стеная и роняя дубинки, прыснули следом.

– Эй, меч отдай! – заорал Лёлик, но было уже поздно: лиходеи мощным галопом слетели с дороги, врезались в кустарник и, оставляя за собой образцовую просеку, умчалась в неизвестном направлении.

– А!? Как я их!... – гордо рывкнул Лёлик и, пригнувшись, боевито помолотил воздух кулаками.

От случившегося грохота мулы шархнулись в разные стороны; мул под поклажей запутался в упряжи, и, зычно заревев, повалился на бок. Другой из-за габаритов наездника особой прытью блеснуть не смог и, подёргавшись, остановился.

Небрежно помахивая шмайссером, Серёга вихляющей походкою подошёл к мелко дрожавшему толстяку и резким движением надвинул кепочку на самые нехорошо заблестевшие глаза, отчего толстяк панически зажмурился и так стиснул жирными коленками бока мулу, что тот задышал с сипением как бронхитик.

Серёга оглядел толстяка внимательно, двинул дулом автомата ему в живот и противным голосом потомственного дворового хулигана прогнусавил:

– Ну, и кто ты есть?

Толстяк дёрнулся и, вжав голову в плечи, проямлил:

– Тит Марций Эмилиан буду... Всадник...

Серёга на такое утверждение ответил хохотом, а Раис не на шутку возмутился:

– Ну ничего себе всадник! Залез на осла какого-то, а туда же – всадник!...

Лёлик хмыкнул и заявил:

– Всадником здесь называют не того, кто на коне ездит. Это у них тут типа местного сословия. Типа римский боярин. А название сие пошло с давних времен, когда ещё римляне общиной жили. Тогда в случае войны всей толпой в поход шли. И только богатые могли себе позволить на своём коне отправляться. Вот оттуда и пошло – всадники.

– Ага, – рассеянно пробормотал Серёга.

Тем временем Джон с Бобой, пытая тщательно, помогли подняться выючной животине, лежавшей на дороге и дрыгавшей поочередно ушами и ногами.

Мы все отвлеклись на это мероприятие. Толстяк, воспользовавшись моментом, осторожно слез с мула и, крадучись, стал передвигаться к лесу.

– А ну, стой! – рывкнул Раис, узревший сию ретираду.

Толстяк дико взвизгнул, одним прыжком вломился в кустарник и был таков.

– Вот и хорошо! Теперь всё барахло наше, – жизнерадостно сказал Лёлик и пошёл подбирать утерянный главарем кошель.

Мы незамедлительно принялись потрошить поклажу. Среди мешков, набитых чем-то мягким, имелась грубовато сплетённая из ивовых прутьев корзина с крышкою, заинтриговавшая вкусными запахами. Рядом был приторочен объёмистый кожаный бурдюк.

Джон наудачу распорол один из мешков: там были какие-то одежды. Серёга, не долго раздумывая, хватанул штык-ножом по верёвкам, крепящим бурдюк, схватил его и потряс, внимательно прислушиваясь к приятному бултыханию. Затем он сноровисто данную емкость развязал, хлебнул смачно и воскликнул:

– Мужики, живём! У них тут винцо!

Мы начали по очереди пробовать. Вино было из разряда красных сухих, но с медовым привкусом.

Тем временем Лёлик, повесивший приобретённый кошель себе на шею, откинул крышку на корзине, заглянул в неё с интересом, затем засунул туда аж обе руки воровато по локоть, пошуровал шустро, достал чего-то, запихал молниеносно в рот и стал торопливо жевать. Но несмотря на то, что внимание наше было привлечено к бурдюку, так просто это ему не сошло – бдительный Раис решительно отпихнул обжору и, загородив корзину спиной, заорал:

– Это что же делается?! Это как же понимать?! Да что ж это такое?! – возмущение его было столь горьким и неподдельным, что Лёлик испуганно подавился и закашлялся, побагровевши физиономией.

Откашлявшись, он скромно потупился и пробормотал:

– И вовсе ничего!... Я же просто проверить хотел – вдруг пересолили.

– Ну и как? – насторожился Раис.

– Да я ещё не распробовал, – заявил Лёлик и попытался вновь лезть в корзину, но теперь уже отпор ему дан был усилиями совместными.

Заинтересовавшую нас поклажу перетасили поближе к роднику, на зелёную травку, изумрудной шёрсткой покрывавшую уютный пригорок. Корзина рогом изобилия не показалась, но, тем не менее, имелось в ней с десятков не очень свежих пшеничных лепёшек, солидный катыш белого мягкого сыра, два огромных багровых граната; в чистый плат завернута была пара жареных цыплят.

Провизию живописно расположили на траве, Серёга пустил бурдюк по кругу. Начало трапезы как-то очень быстро перешло в её завершение: Раис запихал в алчный рот последний кусок лепёшки, Серёга с сожалением отшвырнул опустевший бурдюк, Лёлик, сладко причмокивая, употребил завалявшуюся гранатовую косточку, после чего на всякий случай пожевал кожуру, оказавшуюся бессовестно несъедобной, отчего и выплюнутой с гадливостью. После этого осталось лишь привольно развалиться на траве и сонно смотреть в наливавшееся глубокой синевой италийское небо, под которым мы находились вопреки всякому здравому смыслу образца двадцать первого века.

Раис всё что-то бормотал себе под нос, а затем вдруг с возмущением воскликнул:

– Слышь, а чего они всё: варвары да варвары!... – имея в виду недавнее общение с разбойниками.

– Вот, вот, – с ленцой поддержал его Боба. – Мы ж цивилизованные люди...

– Римляне штанов не носили, – важно пояснил Лёлик. – Штаны тут носят только представители варварских племён, всякие там готы, вандалы и прочие галлы. Поэтому-то и приняли нас за варваров.

– Так что теперь штаны снимать? – озадачился Раис. – Неудобно же без штанов. Поддувает...

– А вот хрен им! – резюмировал Серёга, – В штанах ходим.

– Слушай! – озарённо воскликнул Боба. – Это что получается? Если сейчас у нас там – в нашем времени – все в штанах ходят, это что же значит, что все мы потомки варваров?

– Выходит так, – сказал Джон. – Одни шотландцы со своими юбками потомки римлян.

– Так то юбки, а тут тоги всякие, – усомнился Лёлик.

Джон лениво пошарил в кармане, извлёк измятую пачку "Явы". Серёга с Бобой расслабленно потянулись взять сигаретку. Джон небрежно откинул опустевшую пачку, чиркнул одноразовой зажигалкой; неторопливо закурили, благостно выпуская голубой дымок. Вдруг Серёга подпрыгнул на месте как ужаленный, сделал дикие глаза и сдавленно произнёс:

– А курить-то я не взял! А вы?...

По вмиг побледневшим лицам курильщиков стало ясно, что все они допустили ту же оплошность. Начались взаимные обвинения в жмотничестве, склерозе и ярко выраженном тупоумии, после чего сигареты были докурены в мрачном молчании до возможного предела.

Вечерело. Солнце склонилось к вершинам гор, окрасив их киноварью; синие тени поползли по траве. Стали совещаться насчет ночлега: Боба предложил устроиться на травке по-походному, но тут вдалеке кто-то завыл протяжно, отчего родилась идея продолжить путь в поисках более надёжного пристанища.

– Стойте, а как же денежки? – вспомнил Раис и мрачно посмотрел на Лёлика, на шее у которого болтался добытый кошель.

– Точно, давай смотреть, – сказал Джон и требовательно протянул руку.

Лёлик презрительно хмыкнул, но кошель отдал.

Джон развязал тесёмки и высыпал содержимое на траву. Пролился поток монет; в основном преобладали серебряные, но с тем имелось немало медных неровных кругляков. Мы начали разглядывать местную валюту и обнаружили несколько золотых монет.

Лёлик открыл свою энциклопедию, нашёл нужный раздел и стал сличать натуру с имевшимися в книжке картинками.

– Так! – деловито сказал он, хватая медную монету с неровными краями. – Это, стало быть, называется "асс". Самая древняя римская монета. На аверсе изображение бога Януса. На реверсе нос корабля. Тут же цифра, означающая достоинство монеты. Так, посмотрим...

Мы все схватили по медяку и посмотрели. Действительно, на одной стороне имелось корявое изображение двуликой головы, а на другой грубое изображение носа древнего корабля, рядом с которым имелась римская цифра.

– Выпускались монеты достоинством в один, два, три, пять и десять ассов. Также из меди чеканились и более мелкие монеты, – старательно зачитывал Лёлик.

– А вот смотри, Лёлик, серебряная... – показал нашему знатоку и эрудиту кружок из светлого металла Боба.

– А это у нас... – Лёлик повертел монету, потом посмотрел в энциклопедию и пояснил: – Это у нас сестерций. Судя по этой башке в венке.

– А вот тоже серебряная, но картинка другая, – показал новый образчик Серёга.

Эта монета была побольше и на неё вместо головы в венке изображалась голова в замысловатом шлеме. На обратной стороне была изображена колесница.

– А это денарий, – нашел нужную картинку Лёлик. – В одном денарии четыре сестерция, а в одном сестерции четыре асса. Стало быть, в одном денарии шестнадцать ассов...

– Чего они не могли как у нас, по-простому, – проворчал Раис. – Один рубль – сто копеек.

– Они дюжинами считают, – сказал Лёлик.

– А золотая монета как обзывается? – спросил Джон.

– Сейчас посмотрим... – Лёлик перевернул страницу и объявил: – Ауреус. Равен двадцати пяти денариям. Или ста сестерциям. Или четырём сотням ассов. Начал чеканить Юлий Цезарь после своих походов в Галлию и Британию... – Лёлик захлопнул книгу и торжественно добавил: – Вот так!...

– Слушай, а там у тебя не написано: чего тут сколько стоит? – спросил Боба. – Короче, мы уже богатые или ещё бедные?

– Не написано, – пожал плечами Лёлик.

– Ну что, давайте денежки разбирать ... – сказал Джон.

Примерно поделив деньги поровну, приспособили их по карманам. Закончив погрузку денег, мы встали и вполне бодро тронулись дальше. Снова забрались на холм, спустились в низину. Шли молча, настороженно поглядывая по сторонам. Эффект от состоявшейся трапезы оказался недолгим, и голод снова начал одолевать наши натруженные организмы.

Глава 4. В которой герои познают местное гостеприимство.

Вскоре у дороги обнаружилась ещё одна герма – каменный столб с головой сверху. Тут же начинались цивилизованные виноградники, при виде которых мы воспрянули духом.

На гибких ветвях, привязанных к воткнутым в землю палкам, висели тяжёлые гроздья смуглых ягод. Мы свернули к этому богатству, норовя полакомиться, но раздался грозный басовитый лай, и выскочили нам навстречу два лохматых здоровенных пса, чей вид красноречиво сулил массу неприятностей. Только врасплох нас уже было не взять, и мы почти синхронно схватились за огнестрельное оружие. Но применить его не пришлось. Псы вдруг резко

затормозили всеми четырьмя лапами, принялись и, взыв дико, кинулись наутёк, чуть не сбив с ног вышедшего из-за кустов крепыша кубических форм, наряженного в мешковатую тунику и грубошёрстный плащ. По всему, запахи индустриального мира, исходящие от нас, привели кабыздохов в форменный шок.

Крепыш уставился на нас, хихикнул и изумлённо покачал головой, после чего вскинул небрежно руку наподобие арийского приветствия и сипло произнёс:

– Привет вам, уважаемые!

Мы чинно раскланялись и помахали руками; Лёлик попытался изобразить книксен.

– Чужестранцы, что ли? – помолчав, спросил римлянин, поигрывая сжатым в руке бичом.

– Да, в некотором роде, – туманно ответил Джон.

– Но не варвары! – веско уточнил Боба.

– А я и смотрю: одежда больно чудная, – вновь хихикнул крепыш. – И откуда?

Джон лихорадочно задумался и несколько невпопад ответил:

– Скифы мы, азиаты мы...

– Да? – удивился крепыш. – Никогда не слышал.

– Счас как пульну, так сразу услышишь, – пробормотал оскорблённо Серёга и взялся за автомат.

С официальной улыбкою я отпихнул патриота в сторону и нейтрально заявил о том, что погода нынче чудесная.

Крепыш посмотрел на небо и заметил:

– Нет, не будет дождя. Стороной пройдёт. Гром-то гремел, слышали?

Мы скромно не стали вдаваться в подробности.

– А как нам до Рима добраться? – после недолгой паузы осторожно спросил Джон.

– А как шли, так и идите, – равнодушно ответил абориген. – До темноты, конечно, не доберётесь. Завтра, если с восходом пойдёте, то до полудня, как раз, и доберётесь.

Перспектива ночевать под открытым небом не обрадовала, и после небольшой паузы я поинтересовался насчёт ночлега.

Абориген отчего-то обрадовался:

– А вон вилла моего хозяина, гостям он всегда рад, – крепыш указал на нечто белое и угловатое, маячившее вдалеке между деревьями. – Пойдёмте, я вас на тропу выведу.

Мы углубились вслед за ним в виноградники. Сзади опасливо семенили собаки, с повизгиванием принявшись к нам.

Проводник наш оказался на редкость словоохотливым. Был он в поместье сторожем за виноградниками, а заодно и надсмотрщиком за рабами, раньше служил на торговом судне да один раз чуть не потонул в шторм, после чего решил, что на суше спокойней; в Риме на примете имеется одна вдовья трактирщица, хоть и немалых лет, зато при деньгах, так что есть куда идти, хотя и хозяин неплохо платит, вот только...

Любитель богатых трактирщиц хитро поглядел на нас и осторожно спросил:

– А вы как, вино пьёте?

– Естественно, – надменно отвечивал Серёга и посмотрел на римлянина как на последнего идиота.

Тот же расслабился и захихикал:

– Это хорошо, хорошо... А то хозяин, скажу вам честно-благородно, усугубить ба-альшой любитель... Выпить может, страсть!... А особенно пить здесь начал, как его из Рима попёрли. В ссылке он здесь. Никто к нему не ездит. Оттого кто бы к нему не пожаловал, всех принимает, – крепыш оглянулся на нас и добавил с некоторым ехидством: – Даже таких чудных, как вы.

– А за что его в ссылку отправили? – любопытствовал Джон, пропустив мимо ушей сомнительный комплимент.

– Да на стороне Помпея выступал, – охотно пояснил римлянин. – Ну, Цезарь его и сослал.

– Ага! – пробормотал Лёлик. – Вот, значит, в какие времена мы попали!...

– А один он не пьёт. Меня заставляет... – продолжал сторож, помрачнев. – А у меня изжога.

– Ничего, – важно заявил Раис. – У нас с этим полный ажур.

Вышли к дорожке, проходившей по винограднику.

– Вот так пойдёте и прямо на виллу выйдите, – крепко вдруг хитро прищурился и вполголоса заговорил: – А я это... вот что скажу. Если хозяин предложит на спор пить – ни за что не соглашайтесь. В него как в прорву влазит...

– Ничего, нас не перепьёшь, – тоном, каким обычно говорят: всех не перевешаешь, сердито заявил Серёга и заторопился по дорожке в указанном направлении.

Естественно, мы от него не отстали.

– Так как, Лёлик, – спросил Боба. – В хорошие времена ли мы попали?

– Видно будет, – пожал плечами энциклопедист.

Дорожка вывела нас напрямиком к распахнутым настежь воротам в низкорослой стене из белого неровного камня. Мы осторожно вошли во двор и огляделись. Одноэтажный дом был довольно обширен и пропорционален, хотя и странного вида для глаза, привыкшего к сочетанию стекла и бетона. Вокруг всего дома протянулась крытая терраса с окрашенными в весёленький розовый цвет колоннами, на которую выходила полуоткрытая дверь. Прямо у террасы бродили голенастые куры, копошились пятачками в куче сухого навоза пегие свиньи со злыми красными глазками. По всему, подошли мы к вилле с тылу, то есть со стороны хозяйственного двора.

Во дворе не было ни единого человека, кроме малолетнего сопливого голыша мужского пола, который, выпятив грязный живот и с достоинством заложив руки за спину, задумчиво писал, норовя поточнее попасть в щепочку. Увидев нас, голыш изумлённо разинул рот, вытирачил глаза, да так и остался стоять; по пыльным ногам его потекла серая струйка.

На террасу из-за двери вылезла какая-то бледная физиономия и уставилась на нас.

– Эй, – повелительно воскликнул Джон. – Хозяин дома? Скажи, гости пришли...

– Дорогие! – веско уточнил Раис.

Физиономия молча скрылась. Мы удивлённо переглянулись и стали ждать, недоумевая по поводу столь непонятной тишины. Вдруг где-то в глубоких недрах дома послышались мажорные возгласы, загремело что-то, и выкатился на террасу колобкообразный пузан неопрятного вида с сизой внешностью страдающего хроническим похмельным синдромом.

– Ба, какое счастье привалило! – закричал он тонко и пронзительно как паровозный свисток. – Наконец-то пожаловали гости драгоценные! Хвала Юпитеру, гип-гип-ура всем! А я уж совсем заждался, ай-яй-яй, разве так можно?

Продолжая нести галиматью, пузан подлетел к нам удалым живчиком, закружился вокруг не хуже балерины, стал пихать в бока дружески, форменным образом заталкивая в дом, куда мы и вступили без задержки под напором столь наступательного гостеприимства.

Внутри царил серый полумрак, так как немногочисленные окна были прикрыты плотными ставнями, отчего глаза наши после хоть и приглушенных закатом, но ещё сочных красок снаружи, не могли разглядеть подробности интерьера. Лишь удавалось уловить смутные угловатые очертания какой-то мебели у гладких стен с тёмными узорами, да ещё вот запахи, непривычные совершенно, запахи горелого масла, сухих цветов и ещё чего-то тёрпкого и горьковатого.

Вслед за продолжавшим радостно бормотать хозяином мы миновали пару комнат и оказались на крытой просторной террасе, выходившей в садик на внутреннем дворе, где под стремительно темневшим небом с первыми проблесками звезд плескал тихонько в шестиугольной мраморной чаше сладкозвучный фонтанчик. Терраса была освещёна – кругом стояли на гнутых ножках высокие бронзовые поставки в виде фигурных столбов, к которым приспособ-

лены были масляные лампы, походившие одновременно на сплюснутые заварочные чайники и на пресловутую лампу Алладина. Такое освещение для нас, привыкших к обильным люксам электрического света, показалось тусклым и неубедительным. Но с тем лепестки жёлтого пламени весьма живописно и причудливо отражались в неровных камешках разноцветной стеной мозаики, отчего по аналогии с понятием "живой звук" всплывало в сознании понятие "живой свет".

Посередине террасы на каменном полу стояли вокруг низкого круглого стола три широкие лежа, обтянутые тонкой кожей и заваленные разноцветными подушками.

– Ну что же, прошу располагаться, – римлянин подошел к центральному лежа и мягким жестом указал на лежа по бокам.

Мы замялись, не понимая: как же на этой мебели располагаются, но затем скинули у стенки рюкзаки и прочую амуницию и с некоторой робостью присели – Серёга, Лёлик и Раис с одной стороны, а Джон, Боба и я – с другой.

Джон хмуро зыркнул на нас, как бы невзначай прикрылся от пузана ладошкой, скроил бесподобную гримасу и приглушённо просипел:

– Болваны, на них не сидят, а возлегают, – затем решительно на лежа плюхнулся, вытянулся на нём в полный рост и, заложив руки за голову, стал с достоинством смотреть в потолок.

Хозяин, отвесив мокрую губу, во все глаза поглядел на невозмутимого Джона, неуверенно откашлялся и с прежней живостью обратился к нам:

– Сейчас прикажу с дороги омыть вам ноги, а затем побеседуем да перекусим с возлияниями, – он хлопнул в ладоши и продемонстрировал настоящий способ возлежания, то есть залез на центральное лежа лицом к столу и прилёг на левый бок, опёршись на руку и подпихнув под себя пару подушек. Джон, искоса наблюдавший за хозяином, тут же переменил позу на правильную и как ни в чём не бывало начал насвистывать шлягер про зайцев, которым всё равно.

Появилась на террасе чрезмерно смуглая девица в потрёпанной одежде ниже колен с медным тазом и узкогорлым кувшином. Так как это была первая видимая нами представительница нежного пола местных кровей, то все мы, естественно, с живым интересом уставились на неё, пытаясь по данной личности определить основные черты особо небезразличной нам половины жителей Римской империи, но девица была настолько невзрачной, что интерес наш улетучился незамедлительно, а Джон даже заметно приуныл.

Шлёпая босыми ногами, она подошла к располагавшемуся с краю Лёлику, присела перед ним на корточки, поставила на пол таз с кувшином и, ни слова не говоря, принялась развязывать шнурки на непотребных кедах Лёлика. Лёлик разинул рот, потом густо покраснел и, быстро спрятав ноги под лежа, пробормотал:

– Ну что вы, не надо...

Девица изумленно посмотрела на него, потом перевела растерянный взгляд на хозяина.

– Давай подмывайся, дурак... – негодуяше прошипел Джон и украдкой показал конфузцу кулак.

Лёлик нехотя вытянул конечности; девица ловко стащила с него кеды с носками, отчего сладкие ароматы вечерней свежести были успешно изгнаны победоносным запахом давно нестиранных портянок. Лёлик сунул ноги в таз, девица слегка плеснула из кувшина, льняным полотенцем, висевшем у неё на шее, совершила процесс промокания, и на этом процедура для Лёлика была закончена, после чего мы все подверглись той же участи.

– Ни тебе мыла, ни тебе воды горячей, никакой, понимаешь, гигиены... – забурчал после омовения Раис, забираясь на лежа с ногами и принимаясь сосредоточенно копать между пальцами.

Расположились мы на лежах по трое, благо ширина данной мебели это позволяла. Судя по тому, что хозяин глаз на это не пучил, то поступили мы сообразно с местными порядками.

Тем не менее, привычки к такому размещению у нас, конечно же, не было, а потому мы ворочались как медведи в тесной берлоге, стараясь улечься поудобнее и посматривая в качестве примера на хозяина, возлежащего совершенно естественно и непринужденно.

Лёлик с Раисом не поделили пространство и начали вполголоса ругаться.

– Ну а теперь приступим к трапезе! – приподнято объявил хозяин и ещё раз хлопнул в ладоши.

Четверо грязноватых патлатых пареньков в несвежих туниках, не слишком торопясь, поставили на столе медные блюда и миски, от которых пошёл аромат, не оставивший равнодушными наши тут же забурчавшие желудки.

При ближайшем рассмотрении в них оказался ассортимент не слишком разнообразный, но недурственный. Были уже очищенные варёные яйца под кислым соусом, много бледного сыра, похожего на брынзу, горки салата, петрушки и укропа, плоские румяные пшеничные хлебцы, сложенные стопочкой. Но главным блюдом был окорок, запечённый до коричневой маслянисто лоснившейся корочки, порезанный крупными ломтями, демонстрировавшими на разрезе влажно слезившуюся нежную розовую мякоть, укутанную белым жирком. Изголодавшийся Раис схватился за голову и, зажмурившись, с чувством простонал:

– Ай-яй-яй...

Римлянин понял его по-своему и пробормотал извинительно:

– Да уж, так неожиданно... Не подготовились... – но приободрился и закончил: – Зато винцо отменное. Из собственных подвалов.

Неопрятные отроки во второй заход наделили нас медными тарелками для личного пользования, но столовых приборов не дали.

– Вилка чего-то нет... – тихо пробурчал Боба.

– Их ещё не придумали... – столь же тихо пояснил Джон.

Отроки притащили пузатые амфоры, расставили по столикам широкие серебряные чаши, наполнили их до краев рубиновым вином.

– Только у меня все пьют винцо неразбавленным, – значительно произнес толстяк. – А то обижусь!

– Так чо ж его разбавлять? – удивился Серёга и отхлебнул.

– Ну как? – с превеликим интересом осведомился хозяин.

Серёга пожал плечами и полез ломать хлеб.

А вино более всего походило на тёрпкий сок, имея градусов не более чем пиво, поскольку до открытия процесса дистилляции оставалось ещё ой как далеко, и креплёным напиткам взяться было неоткуда. Потому сей напиток не столько пьянил, сколько утолял жажду, и отрокам пришлось изрядно попотеть, наполняя наши чаши, пока мы насыщались с непринужденной жадностью.

Местная пища на вкус казалась несколько непривычной. В ней явно не хватало чего-то родного синтетического.

В положении полулёжа есть было непривычно и неудобно. Такая поза стесняла свободу движений, поскольку приходилось опираться на левый локоть, отчего можно было двигать только правой рукой, которой приходилось брать заранее нарезанные куски, класть их на свою тарелку, зажатую в левой руке, и так трапезничать. Поэтому мы постоянно ворочались. Лёлик в конце концов чертыхнулся и уселся на пятки как истинный японец. Его примеру тут же последовал Раис, с чем получивший возможность действовать обеими руками, что ему, собственно, только было и надо.

Наконец, по очереди мы с сытым равнодушием отвалились от столов; последним с благостным вздохом упал на подушки Раис, напоследок через силу запихнувший в себя солидный кус сыра. Хозяин, с внимательным добродушием наблюдавший за нами, махнул отрокам; те мигом сгребли разгромленные блюда, а взамен выставили вазы с яблоками, грушами, сли-

вами и виноградом. Раис было сунулся чего-нибудь схватить, но со стоном повалился обратно, накрыл лицо каской и вскоре переливчато захрапел.

– Ну что ж, уважаемые гости, станем беседы беседовать, – хозяин потёр ладошками и радостно улыбнулся Серёге, располагавшемуся по соседству. – Ибо как говаривал мне Эпикур, – толстяк значительно поднял палец вверх, – первое место среди жизненных услад занимает дружеская беседа...

Мы согласно закивали, будто неоднократно имели удовольствие перечитывать наставления античного философа; один лишь Лёлик – видно, заранее прочитав в своей книжке про то, что данный мудрец проживал куда как ранее – недоумённо пробормотал:

– Позвольте, а как же...

– Ну так вот, – толстяк театрально задрал лохматые брови. – Я теряюсь в догадках: откуда вы будете?

– М-м... из Скифляндии, – на ходу выдумал Джон и замер настороженно в ожидании новых щекоотливых вопросов.

– Ну как же, как же! Читал... У Плутарха как раз писано... – блеснул эрудицией хозяин. – Ну а как там у вас с вином?

– Плохо, – с надрывом ответил Серёга. – Дорого... А что подешевле, так травятся...

– Отлично, отлично, – невпопад обрадовался толстяк. – То есть это... соболезную, конечно. Но зато у меня можете, так сказать, до отвала. Или как?

– Само собой, – важно подтвердил Серёга.

– Ну так давайте, чтоб не зазря, посостязаемся в честь Вакха, – со всей душой предложил хозяин. – На интерес, конечно, но так, пустяки. Скажем на сто денариев... Кто больше выпьет, тот и выиграл... Ну как? – толстяк замер в ожидании, как замирает рыболов при слабом подёргивании поплавка.

– Ну что ж, – согласно кивнул Серёга, не имевший вредной привычки отказываться от выпивки. – Можно...

– А денежки у вас есть? – не замедлил уточнить хозяин и зыркнул алчно.

– Найдём, – солидно сказал Серёга и начал вытаскивать из карманов монеты, складывая их перед собой.

Римлянин любовно окинул взором образовавшуюся кучку и пробормотал:

– Маловато...

– Добавим... – ответил Серёга и приглашающе помахал нам.

Мы, нисколько не сомневаясь в непобедимости коллеги, внесли свою лепту, освободив карманы от местной валюты.

Римлянин, узрев вполне солидное количество монет, шумно сглотнул, весело нам улыбнулся, захлопал из-за всех сил в ладоши и заливисто заголосил:

– Эй, фирменного моего сюда! Бегом!...

Появился хромой хмурый мужик в бронзовом ошейнике с двумя примерно так пятилитровыми амфорами, обильно покрытыми пылью. Он поставил амфоры перед соперниками, ловко их откупорил, содрав смоляные печати каменным ногтём, наполнил чаши вязкой как мёд багровой до черноты жидкостью.

– Это самое крепкое вино во всей Италике, а, может, и в мире, – важно заявил хозяин. – Сто лет выдержки. Сенат даже издал эдикт, запрещающий пить его неразбавленным.

– Ого! – Серёга уважительно заглянул в чашу, шумно выдохнул и изящным движением с аппетитным бульканьем нарушил волю Сената.

Толстяк изумлённо подался вперёд и болезненно скривился.

– Это что ж такое?! – возмущенно воскликнул Серёга. – Да где ж тут градусы, ась? Кефир и то крепче!

– Не знаю, не пил... – пролепетал враз поскучевший римлянин, доселе, видно не сталкивавшийся с закаленными бойцами ликёроводочного фронта, а потом добавил с надеждою: – А, может, отложим? Я ведь понимаю, вы с дороги притомились...

– Ну уж нет! Продолжим, а то чавай-то меня сухотка замучила! – отрезал Серёга, цапнул амфору и накрепко присосался к горлышку.

В наступившей тишине слышны были только могучие глотки, перемежавшиеся сочным бульканьем, да ещё и прикорнувший от чрезмерной сытости Раис стал пускать из-под каски совсем уж бессовестные рулады. Амфора в руках Серёги медленно, но верно вздымалась вверх дном, пока не достигла критического пика – последним лихим глотком Серёга втянул остатки и с молодецкой удалью хрястнул сосудом об пол, отчего хозяин подпрыгнул и схватился за сердце.

– Ну так, папаша, твой черёд!... – Серёга недобро взглянул на съжившегося бедолагу.

Тот, светясь малиновой блямбой носа на залитой мучнистой бледностью физиономии, неуверенно оглянулся, дрожавшей рукой вытер испарину с лысины, потом, кривясь и вздрагивая, с поспешностью, с которой входят на эшафот, взял свою амфору и принялся из неё пить, давясь и пуская пузыри. Но, разумеется, куда было этому изнеженному предку, в жизни своей не пившему ничего крепче перебродившего виноградного сока, до закалённого потомка, не раз баловавшегося чистым спиртом. С мутным взором толстяк отвалился от и вполовину не опустевшего сосуда и заплетавшимся языком страдальчески проямлил:

– Клянусь богами, я бедный несчастный человек... не могу больше... Болен очень и бесповоротно... И нет денег, клянусь Меркурием...

– Ты, давай, плати! – скандално закричал Лёлик – Нечего тут прикидываться!...

– Подожди наезжать, – осадил скандалиста Джон. – Слышь, почтенный, – обратился он к охавшему хозяину: – Деньги свои можешь себе оставить, – потом стеснительно покашлял и с надеждой спросил: – У тебя рабыни есть?

– Рабыни?... – удивлённо переспросил римлянин. – Как же без рабынь?... Есть...

– Ну так ты нам их предоставь в наше распоряжение, – вкрадчиво предложил Джон. – А мы тебе долг простим.

– Рабыни дорого стоят... – насутился хозяин.

– Так нам не насовсем, нам до утра, – объяснил Джон с интонацией учителя младших классов.

Римлянин, наконец, понял всю выгоду предлагаемого компромисса и, воспрянув духом, закричал:

– Ну конечно! Для вас всё, что угодно! – и хлопнул в ладоши три раза.

Появился негр, дебелий, словно заслуженная работница общепита.

– Мой управляющий, – отрекомендовал хозяин и приказал: – Давай рабынь сюда...

Негр подумал и озадаченно спросил:

– Всех, что ли?

– Всех, всех давай! – требовательно закричал Лёлик. – И чтоб не вздумали прятать!

– Нет, всех не надо! – заторопился поправить Джон. – Слышь, любезный, – обратился он к негру, – вон ту... – Джон кисло скривился и помахал рукою замысловато, – с умывальником, не надо.

Негр оглядел нас подозрительно, пожевал вывернутыми губищами как недовольный верблюд и ушёл.

– Ох, сейчас и поозорует тычинками! – сладострастно потёр руками Джон.

– Чего? – не понял столь тонкой метафоры Боба.

– Я говорю, сейчас побалуемся с девочками методом тыка! – разъяснил наш селадон и женолюб.

– А? Что? Где девочки?!... – подпрыгнул мигом пробудившийся Раис.

- Спи, малыш, тебе приснилось, – ласково, словно сказочник из радио, произнёс Джон.
- Ты меня не путай, – хмуро буркнул Раис и стал протирать кулаками глаза.

Послышался нестройный топот. Коллеги горящими взорами уставились на дверной проём, прикрытый занавесями. Но это были не искомые девочки. Гурьбой вошли прислужники-отроки, споро подхватили хозяина под всевозможные микитки и как муравьи потащили его в глубь дома. Мы остались одни.

– Однако, чего-то не идут, – нервно бросил Лёлик, вскочил с ложа и начал ходить кругами.

Раис также встал, зачем-то нахлобучил свою блестящую каску, подошёл к столу, покопался в вазе с фруктами и стал чавкать грушей.

– Вот проглот! – бросил в его сторону Лёлик. – Тут, понимаешь, момент лирический, а этому всё бы брюхо набить.

– Одно другому не мешает, – примирительно произнес Боба.

Раис презрительно посмотрел на Лёлика и невзначай запустил в него огрызком.

Снова послышался за дверью шум шагов.

– Идут... – с придыханием предположил раскрасневшийся Джон и начал жмуриться сладко как кот, подбирающийся к кринке со сметаной.

Переваливаясь как утка, вошёл с озабоченным видом управляющий, ведя за собой вереницу местных барышень в количестве примерно дюжины. Он выстроил их перед нами, довольно гмыкнул и приглашающе повёл рукой.

Воцарилось молчание.

Мы разглядывали предъявленных представительниц так называемого прекрасного пола и с каждым мгновением всё более убеждались в том, что ничего прекрасного в них нет.

– Это что? – хрипло осведомился Джон.

– Где? – озадаченно закрутил головой управляющий.

– Вот, – указал перстом на барышень Джон.

– Ну... это... рабыни, – пожал плечами негр и оттопырил слюнявую губу.

– Все? – мрачно спросил Джон.

– Ну так, без этой... – заволновался управляющий. – Как сказали...

– Ладно, апартеид, свободен, – хозяйственно махнул рукой Раис и, продолжая чего-то жевать, подошёл к строю рабынь.

Негр, неуважительно хмыкнув, испарился.

– Э-хе-хе... – тяжело вздохнул Джон и в сердцах воскликнул: – Ну никакой эстетики!... – после чего сделал трагическое лицо, словно только что потерял веру в светлое будущее.

– Ну и мымыры! – более определённо высказался Лёлик, в который раз исподлобья оглядывая рабынь.

Те молча переминались с ноги на ногу, смотря на нас с некоторым интересом вялого качества.

Рабыни все как одна были наряжены в мешковатые туники без рукавов из грубой блекло-рыжей шерсти, отчего походили на интернатовских воспитанниц. Все они обладали внешностью, не вызывающей желания поинтересоваться второй раз: были они то ли смуглые, то ли грязные, имели спутанные тёмные волосы, невыразительные черты лица, тусклые рыбы глазки. Все они были однообразно невысокого роста, с короткими ногами, с коренастыми непропорциональными фигурами. Ко всему несло от них явственно щедрым чесночным духом.

Всё это не способствовало ощущению радости от происходящего бытия и, более того, даже оскорбляло эстетический вкус тех из нас, кто его имел. Впрочем, не все коллеги были столь разборчивы.

Раис, сдвинув каску на затылок, прошёлся вдоль строя и остановился напротив совсем уж приземистой толстухи, главным украшением которой были огромная волосатая бородавка на подбородке и засаленный до невозможности фартук, о который она то и дело вытирала руки.

– Ты кто? – строго спросил её Раис.

Толстуха сердито посмотрела на него и грубо ответила:

– Стряпуха я...

– Ну так иди, стряпай, – сказал Раис.

– Чего стряпать-то, ночь на дворе, – сварливо возразила толстуха.

– Завтрак стряпай! – прикрикнул Раис.

Толстуха, бурча под нос, зашаркала в дом.

Раис снова прошёлся вдоль шеренги непригожих красавиц, встал напротив девицы, отличавшейся огромными подушкообразными грудями, и оптимистически воскликнул:

– А чё? Вон каковы бадейки, чего ещё надо?

– Точняк, – поддержал его Серёга, вставая рядом.

– Фи, плебеи духа... – уничижительно пробормотал Джон, но тоже на всякий случай подошёл поближе.

Раис, дружелюбно ослабившись, словно бы ненароком хватанул рабыню за грудь. Руку он тут же на всякий случай отдернул согласно социальным инстинктам выходца из общества победившей демократии. Но рабыня, не знакомая с понятием сексуального домогательства, лишь глупо захихикала. Раис расплылся в довольной ухмылке и уже всей пятерней хватанул девицу за перси и начал обстоятельно их мять, словно практикующий маммолог.

Боба, скривив рот на бок, прегадко подмигнул толстухе с пухлыми на выверт губами, подгрёб к ней матросской нарочитой походкой и осторожно приобнял за выпуклую талию, распиравшую тесную одежду. Та посмотрела на него свинячьими глазками и флегматично икнула.

Серёга, узрев сию картину, загыкал в радостном оскале, внимательно оглядел бёдра рабынь и выбрал себе девицу с задницей, по окружности превышавшей охват вековой сосны. Он извлёк её за руку без церемоний из общего девичьего ряда и стал придирчиво осматривать со всех сторон.

Лёлик, ревниво наблюдавший за действиями неразборчивых коллег, подскочил к Серёге, схватил его пассивную за свободную руку и стал целеустремленно тянуть к себе.

– Ты чего? – вполне миролюбиво спросил захватчика Серёга, но на всякий случай прихватил девицу покрепче, двумя руками, и стал тягать в другую сторону.

– А ты чего? – сварливо взвопил Лёлик, и не думая отпускать рабыню.

Та, оказавшись в виде распяленного цыпленка табака, сдавленно крикнула и завертела головой, с интересом разглядывая кавалеров, польстившихся на её прелести.

– Я... первый её... увидел!... – сдавленно просипел Лёлик, тягая рабыню как невод, полный рыбы.

– А я первый подошёл! – гаркнул Серёга, начиная сердиться.

– Эй, вы, хватит! – прикрикнул на них Джон, поскольку другого занятия у него не было.

Серёга внезапно рабыню отпустил, отчего Лёлик с криком повалился на пол, увлекая барышню за собой. Возникла куча-мала, в которой Лёлику не повезло оказаться снизу, на что он среагировал приглушёнными, но выразительными ругательствами.

Серёга сдавленно захмыкал. Коллеги также продемонстрировали дружное веселье.

Кое-как спихнув с себя крупногабаритную тяжесть, Лёлик поднялся и мрачно засопел.

Серёга гыкнул в последний раз и предложил заливчато:

– Так, может, в картишки разыграем? В очко?

– Тут не то что карты, тут домино задрипанного не сыщешь, – капризно пробурчал Лёлик.

– Да у Серёги есть! – радостно закричал Серёга и извлёк из нагрудного кармана замусоленную колоду.

Лёлик засомневался, но затем махнул рукой, соглашаясь. Серёга профессионально потасовал и на раз-два выдал Лёлику перебор, а себе туза с десяткой.

– Шулер мелкий!... – выругался Лёлик, вжал голову в плечи и тревожно зазыркал глазами, торопясь выбрать новую зазнобу.

Мы с Джоном с интересом наблюдали за его потугами, так как выбирать было явно не из чего.

Тем не менее, наш коллега, помявшись и посомневавшись, поманил к себе полную противоположность своему первому выбору – худую девицу, кудлатую как нестриженная болонка, с приплюснутым носом и с широкой челюстью, которой она непрерывно двигала, словно сонная корова.

– Чего чесноком воняет? – отрывисто спросил её Лёлик, поправляя очки и внимательно вглядываясь в черты рабыни, будто пытаюсь найти там нечто пригложее.

– Ну... кашу кушали с чесночной заправкой, – после некоторого раздумья ответила рабыня.

– Понятно, – поморщился Лёлик, но девице в своей благосклонности не отказал.

Итак, Раис, Боба, Серёга и присоединившийся к ним Лёлик, не привередничая, зазнобами отоварились. Мы с Джоном решили пока что остаться холостяками – в полном соответствии со своими убеждениями завязанных ценителей прекрасного. Впрочем, Джон, глядя не без зависти на составившиеся пары, бросил задумчивый взгляд в сторону стола, где стояла недопитая хозяином амфора, но потом пробормотал как в плохом анекдоте:

– Не-е, столько не выпью...

Раис громко откашлялся и, потеряв ладошками, довольно произнёс:

– Ну так, приступим, что ли?...

– А где? – смущённо уточнил Боба.

– Может светёлки какие найдём изолированные? – предложил нервно Лёлик.

– Эй, есть тут светёлки? – лениво осведомился Раис, ущипнув при этом сразу двух девиц, оставив свою на потом.

Рабыни ойкнули и недоумённо пожали плечами.

Раис задумчиво поглядел на мирно плескавший фонтанчик и озарённо предложил:

– А, может, на лоно природы? Чтоб, так сказать, и водные процедуры? Слышь, бабёнки, тут речки-озера имеются?

Рабыни с готовностью закивали головами и наперебой проинформировали о наличии пруда поблизости.

Возражать против посещения одного никто не стал, ибо ночь не принесла желанной прохлады – зной дня сменился на липкое дурманившее тепло.

– Ну так ведите, – милостиво разрешил Раис.

– А этих куда? – спросил Боба, глядя на шеренгу невостребованных замарашек.

– С нами пойдут. Мало ли чего... – туманно сказал Раис.

– Однако, и мы прогуляемся, – молвил мне приглашающе Джон.

Предложив рабыням показывать дорогу, мы покинули виллу.

Уже всю царила южная ночь; небо, обсыпанное яркими звёздами, было скорее не чёрным, а очень густой синевы. На востоке край неба смутно розовел, намекая на предстоящий рассвет. Было не то чтобы светло, но не настолько темно, чтобы не ориентироваться в окружающем.

Давешней тропой мы прошли через виноградники и свернули на поросший густой травой луг. За ним начинался яблоневый сад. На деревьях в тёмной листве смутно светлели круглые плоды. Я на ходу сорвал яблоко и вгрызся в сочную кисло-сладкую мякоть. Коллеги также не замедлили воспользоваться дармовщинкой. Особенно усердствовал Раис, чавкавший как голодный поросёнок.

Серёга, решив, видно, что следует оказать на дамский пол впечатление, начал взхлёб травить похабные анекдоты, над которыми сам же и хохотал заливисто. Его никто не поддерживал, так как в двадцать первом веке нашей эры эти перлы уже успели набить оскомину, а для первого века не нашей эры они были слишком мудрёными.

Деревья расступились; мы вышли на пологий берег небольшого пруда. Вода в нём была настолько спокойна, что напоминала брошенное на землю зеркало. Умиротворяющим покоем веяло от представшей картины, и хотя где-то невдалеке заливисто голосило лягушачье племя, а кругом трещали цикады, всё равно казалось, будто окружала нас незыблемая тишина – торжественная и значительная, как в пустом храме.

Да только какая уж тут незыблемость может быть в присутствии носителей плюрализма и поборников демократии?

– И как тут у вас купаются? – во весь голос поинтересовался Раис у рабынь, сноровисто скидывая майку с ботами и стаскивая галифе. – Купальников, кажись, ещё не придумали, – Раис звучно щёлкнул резинкою чёрных сатиновых трусов, заглянув при этом в них не без удовольствия, затем вдруг крикнул молодецки и, крикнув: – Эх, все свои! – сорвал и трусы, шмякнул ими о песок и, сверкая сметанными ягодицами, влетел с воплем в пруд, словно тяжёлый танк, форсирующий водную преграду.

Благой пример был усвоен живо: быстренько соорудив звуковое оформление в виде рёва, свиста и улюлюканья, Серёга, Боба и Лёлик резво разнагишались и бесноватым табуном попрыгали в воду, организовав при этом немалую волну.

Мы с Джоном, блюдя подобающую строгость, степенно разделись до исподнего и также занялись водными процедурами, держась подальше от оголтелой компании.

Рабыни же продолжали стоять на берегу, будто они были здесь совсем и ни при чем.

– А вы чего это? – укоризненно заорал Раис. – А ну, сей момент раздеться голыми! И к нам, к нам!...

– Ура! – жизнерадостно поприветствовал инициативу коллеги Серёга и, подумав, ловко соорудил актуальный лозунг: – Девчата, даёшь этот... как его... муди́зм!

Рабыни, правильно восприняв призывы, неторопливо освободились от своих балахонов, под которыми не оказалась ровным счётом никакого нижнего белья, и, белея формами, вошли в воду. Нагота их нисколько не сковывала, и ладошки наподобие фиговых листочков применять они не стремились.

Коллеги, умерив буйство, подгрести к ним, похохатывая глупо, и повели себя совсем как подростки, то есть принялись брызгаться, поначалу осторожно, а затем все смелее и решительнее, с подобающими кличами.

Джон нерешительно похмыкал, затем пробормотав о том, что ночью все кошки серы, а девушки приятны, осторожно начал подгребать к компании.

Я не видел удовольствия принимать участие в происходивших забавах; стоя по грудь в воде и наслаждаясь прохладой, скептически наблюдал за развитием буйства коллег, действовавших по сценарию, привычному им самим, но, похоже, совершенно загадочному для ошалевших рабынь.

Брызганье плавно перешло в непосредственные телесные контакты – первым вступил в дело Раис, ринувшийся наподобие влюблённого бегемота в гущу жавшихся друг к другу девиц и принявшийся лапать их как попало. Лёлик с Бобой наперегонки последовали примеру сластолюбца, да только в пылу страсти Боба перепутал ориентиры, отчего Лёлик возмущенно заорал, обвиняя того в неодобряемой склонности. Серёга, узрев, что верхний эшелон основательно заполнен, счастливо догадался начать под дам подныривать, отчего то одна, то другая стала вскрикивать и шарахаться в сторону.

Джон, наконец, подобравшись к общей куче, схватил крайнюю рабыню за руку, и, как бы ненароком, поволок её к берегу.

Полная тишина установилась за спиной.

– Эй! – неуверенно воскликнул Боба. – А ты которую взял?

– А-а! Всё равно ничего не видно! – залихватски гаркнул Раис. – А ну, где титьки большие!?

Он лихорадочно пошарил в рабынях, схватил нужную и поспешил на берег, поднимая могучую волну.

Оставшиеся коллеги тут же бросились с похвальной деловитостью разбирать девиц; слышны были лишь деловитое сопение и шум рассекаемой воды.

Не успел я оглянуться, как остался лишь в компании невостребованных рабынь, продолжавших стоять по грудь в воде и о чём-то переговаривавшихся еле слышно. Я почувствовал себя совсем одиноким и было подумал о примере коллег, и даже придвинулся к девицам, но тут одна из них с полной непосредственностью шумно высморкалась в пальцы, а затем начала эти пальцы полоскать в воде.

Весь мой не успевший набрать обороты интерес тут же иссяк; я поскущел и поспешил выбраться на берег. Там я нашёл свою одежду, подобрал её, переместился к деревьям, на травку, где и привольно расположился. Лёгкий ветерок приятно трогал кожу; было тепло и комфортно.

Рабыни также вылезли из воды, оделись и куда-то побрели не спеша.

Горьковатые запахи ночи струились в лёгком ветерке, холодившем лицо, яркие звезды торжественно мерцали в бездонном небе, и было всё это столь реально и осязаемо, что в смятенный рассудок тут же вкрались сомнения в реальности происходящего. Показалось, будто всё это всего лишь странный сон и вот-вот он прервётся, и проснусь я в своей комнате, смутно озаряемой Луной, и, приподнявшись, стану вертеть головой ошалело, с трудом отличая навязанные фантазии от привычного интерьера; и я уже было совсем собрался просыпаться, как тут случилась тому помеха в виде пронзительного гласа Лёлика, недовольно возвестившего о том, что время потехи по его разумению было да сплыло.

– Что шумишь? – окликнул я его.

Лёлик, уже одетый, энергично чертыхаясь, подошёл, уселся рядом и стал с зубовным скрежетом пояснять:

– Ну никакой культуры! Я ведь не босяк какой, я романтик и эстетик... К обходительности привык, чтоб всё по чину... Даже поцеловать захотел. А она как раззявилась, так чесночищем попёрло как от вурдалака! Тьфу!...

– Ты что-то путаешь, – поправил я разгневанного коллегу. – Это как раз вурдалаки от чеснока шарахаются. Так что ты сам, часом, не из оных будешь?

– Да иди ты!... – обозлённо заругался Лёлик и вновь призывно завопил.

Из кустов стали выбредать степенным ходом коллеги с дамами, белея телесами как при видения. Они сходу принялись энергично высказываться в адрес Лёлика в смысле сомнений в его возможностях как полноценного мачо, а более всех раздосадованный Раис даже завопил обидно:

– Да какой он мачо?! Он чмоча!

Лёлик в ответ шипел возмущённо и, гордо вскидывая голову, вновь и вновь рассказывал о настигшем его в самый ответственный момент чесночном зловонии.

Последним из кустов появился Джон; он судорожно зевал и загребал ногами песок. Подошедши, Джон ткнул указующе перстом в надувшегося Лёлика и открыл рот, намереваясь вынести тому очередное порицание, но лишь махнул рукой и раззевался на полчаса. Это оказалось столь заразительным, что все мы стали зевать и потягиваться, после чего без всяких альтернатив высказались за скорейший отход ко сну.

Обратная дорога проходила без суеты и лишних слов; один лишь Лёлик всё продолжал обиженно зудеть, что, впрочем, не мешало ему сдирать с веток яблоки и с нервной поспешно-

стью их поедать; при этом он как бы невзначай швырял огрызками в свою несостоявшуюся любовницу.

– А ты как решил чесночно-луковый вопрос? – спросил я Джона.

– А-а, просто... – деловито ответил тот. – Запихал ей пару яблок, и дело с концом.

– Куда запихал? – застенчиво уточнил Боба.

Джон посмотрел на него как на заговорившего клопа, после чего чётко, с подчёркнутой артикуляцией, произнёс:

– Заставил съесть.

Боба смущенно закашлялся и более вопросов не задавал.

На вилле нас никто не встречал; тем не менее, мы вполне по-хозяйски проникли на внутреннюю террасу, где разлеглись не без уюта на ложах, и вскоре сладкий сон явился завершением первого дня нашего пребывания не совсем понятно где, но, по всей видимости, на земле древнего Рима.

Утро для меня началось с того, что рядом раздался звонкий грохот и приглушённые проклятия. Я разлепил глаза; несколько опухший Серёга раздраженно перебирал на столах чаши и амфоры, заглядывая в них с надеждой, но поскольку надежды не оправдывались, следопыт всё усугублял резкость и бескомпромиссность своих высказываний. Впрочем, дело не ограничилось лишь словами – на полу валялась вдребезги разбитая амфора.

– Какого чёрта?... – невнятно прохрипел пробудившийся не по своей воле, а оттого недовольный Джон.

– А тебе-то что?! – огрызнулся Серёга. – А ежели у меня душа горит!...

– Сейчас наплюю, остынет! – мрачно пообещал с другого конца Раис.

– Пить меньше надо, – нравоучительно добавил Боба, переворачиваясь на другой бок, и миролюбиво добавил: – Шёл бы куда-нибудь и там бы искал.

Серёга, морально подавленный превосходящим количеством оппонентов, перестал греметь посудой и угрюмо пошмыгал носом; потом, на всякий случай пообещав всем отрезать уши, сунул под мышку шмайссер и пошёл вовнутрь дома.

А утро ещё только затевалось. Небеса окрасились с пастельной нежностью в золотистые цвета, синие тени заполнили внутренний дворик, в утреннюю свежесть вкрадчиво вплеталось тепло восходящего светила; лишь многоголосое щебетание пернатых да лёгкий плеск фонтанчика нарушали тишину.

Вновь начало клонить ко сну, который по утру, как известно, особенно сладок, но тут вдруг заставили подскочить загрохотавшие дико и внезапно выстрелы в доме, за которыми последовали вопли ужаса, паническая беготня, падение чего-то тяжёлого и боевые кличи измученного жадной коллеги.

– Что, совсем сдурел?!... – истерично заорал вскочивший ванькой-встанькой Джон.

А звуки безобразия приближались к нам, занавеси на дверном проёме резко разлетелись, и сначала рыбкой влетел на террасу насмерть перепуганный хозяин, а за ним и негр-управляющий. Следом важно вошёл Серёга; одну руку он использовал для небрежного помахивания автоматом, другой бережно прижимал к груди пузатую амфору.

Серёга наслаждался сценою нашего вопиющего изумления, двинул сапожищем по очереди в спины норовивших подняться с карачек хозяина и управляющего и объяснил:

– Вот ведь какие дела! Заговор, понимаешь... Я тут тихо-мирно забрёл на кухню пошукать кое-что, ну нашёл, конечно, разве Серёга не найдет... Ну, здоровье маненько поправил, только собрался выходить, слышу, а в комнатёнке рядом шушукаются. Я, конечно, бдительность проявил, слушаю, и чего?! – Серёга обвел нас засверкавшим взглядом. – Вот эта волчина позорная, – последовал новый тычок обувью в спину толстяка, – негру свою подучает двигать бегом в Рим насчёт на нас настучать, будто бы это мы того терпилу на дороге обчистили. Ух, ты!... – Серёга скроил ужасную гримасу и погрозил сжавшемуся на полу римлянину амфорой.

– Вот и делай людям добро! – в сердцах бросил Раис.

– ...Ну а я, значаща, на разборки ломанулся, ты чо, бакланю, козлить вздумал? Ну, и стрельнул слегка, для порядку, а то эти надумали ручонками махать. А опосля их за шкирон и сюда...

– М-да, ситуация, – озабоченно произнёс Джон. – Чего делать будем?

– Когти... это... рвать, – неуверенно предложил Лёлик и боязливо оглянулся по сторонам.

– А с этими чего? – показал Джон на мелко дрожавших аборигенов, норовивших как можно незаметнее заползти под стол. – Надо бы их как-нибудь обезвредить, что ли, чтоб время выиграть...

– Тикать надо, говорю!... – продолжал гнуть свою линию Лёлик.

– А я думаю, – встрял нетерпеливо Раис, – по темечку тюкнуть в самый раз будет, – он выудил из кучи снаряжения свой топорик и помахал им энергично.

– Нашёлся тут, Раскольников!... – осуждающе проворчал Джон.

– А у меня предложение! – озарённо воскликнул Боба. – Давайте напоим хозяина как свинью последнюю. Пока проспится, мы уже далеко будем.

– Ага! – встрепенулся Джон. – Глядишь, и белая горячка начнётся... Серёга, давай амфору.

Серёга заворчал мрачно, но сосуд отдал, не преминув, впрочем, торопливо из него отхлебнуть.

– Эй, римлянец, вылазь давай! – Раис, не терпевший проявить свой деятельный пыл, всласть попинал хозяина по тугой заднице, торчавшей из-под стола. – Да не бойсь, тюкать не будем.

Толстяк жалобно застонал и попытался залезть ещё глубже, но Раис, проявив находчивость, стол поднял и переставил в сторону, а строптивцу молча сунул под нос топорик, отчего тот судорожно икнул и бодро вскочил на ноги. Негр на карачках отполз в сторонку, где и затих, стараясь казаться безобидным предметом интерьера.

– А ну, пей! – вручил хозяину наполненную до краев чашу Джон. – За личное здоровье.

Хозяин затрясся, принял чашу, жалобно огляделся и, зажмурившись, выцедил вино сквозь стиснутые зубы.

– А ну-ка, ещё, – Джон вновь наполнил чашу.

Римлянин выпил уже более спокойно.

– Долго больно! – досадливо простонал непрерывно озиравшийся по сторонам Лёлик. – И вообще, тут смекалка нужна...

Он торопливо залез в свой рюкзак, вытащил оттуда небольшую склянку, взял со стола пустую чашу и плеснул в нее из склянки что-то прозрачное, пробормотав:

– Эх, для натираний берёг...

Затем подошёл к прибодрившемуся хозяину, уже успевшему без видимых результатов всосать литр вина, и сахарно залепетал:

– А вот водичка запить, ваше сиятельство...

Римлянин одобрительно усмехнулся, взял чашу и сделал большой глоток. И тут же с ним случилась метаморфоза: глаза его полезли на лоб, он налился краскою, замахал руками, выхватил у Джона амфору и, сипя страшно, выхлебал её вмиг до дна.

– Никак, каюк!... – с надеждою предположил Раис.

Но это был не каюк. Толстяк счастливо хихикнул, свёл взоры к переносице и сполз на пол, где и захрапел вполне мирно.

– Вот так-то! – гордо произнес Лёлик и уничижительно добавил: – А всё-таки слабаки они тут: со стопарика спирта в отпад уходят, – затем с сожалением покрутил пустую склянку и отшвырнул её в сторону.

Склянка ударилась об стенку и разбилась. Притаившийся в углу негр испуганно крикнул и зашевелился.

Раис посмотрел на него и деловито спросил:

– А с негркой чего? Всё-таки по темечку?...

– Может, тоже напоим? – предложил Боба.

– Нечем уже, – скривился Лёлик. – Спирта нету.

– Всё-таки по темечку, – продолжил гнуть свою линию Раис.

Негр сдавленно залепетал о своей полной лояльности и абсолютном отсутствии у него синдрома Павлика Морозова.

– Та-ак, – туманно сказал Серёга. – Сейчас я с ним поговорю...

Многообещающе эгекая, наш коллега подошёл к управляющему, схватил его за шкуру и споро выволок на середину. Затем резким движением выхватил штык-нож, отчего негр утробно вскрикнул и затряс головой как припадочный. Серёга широко оскалился в нарочитой улыбке, показав при том фиксу, и стал мягко покачивать лезвием перед ошалелыми глазами страдальца. Негр водил выпученными зенками вслед за матово блестящей сталью и, похоже, стал впадать в транс.

Серёга резко мотнул головой, словно вознамерился врезать от души лбом управляющему по переносице, отчего тот, стеная, затрепыхался, и веско произнес:

– Слушай, чего скажу... Если заложишь нас, я вернусь и уши тебе отрежу, – в знак полной серьезности намерений Серёга быстро переместил лезвие к левому уху негра и сделал резкое режущее движение.

Управляющий обессиленно ахнул, закатил глаза и бесформенным кулем начал оседать. Серёга отпустил болезного, и тот мягко повалился на пол без всякого сознания.

– Молодец! – похвалил Джон Серёгу. – Действительно, но гуманно.

– Пару часиков проваляется, а мы уже тю-тю!... – удовлетворенно потер ладошками Лёлик.

– Однако, не евши как? – Раис озабоченно похлопал по обвисшему животу. – Надо хоть сухим пайком захватить.

– Ну давай по быстрому, найди чего-нибудь, – скомандовал Джон.

Раис подобрался как гончая и мягким шагом пошёл в дом.

– Эй, погоду, мне тоже надо! – кинулся вслед за ним Серёга.

Добытки долго не задержались. Первым появился Раис, выступавший торжественно, словно только что коронованный монарх. Нёс он корзину, откуда из-под белой холстины вылазил лоснившимся бочком копчёный окорок. Серёга, вышедший следом с ослепительной улыбкой на челе, нежно баюкал амфору. Можно было трогаться в путь.

Мы осторожно прошли через дом, совершенно пустой и безмолвный. Во дворе тоже никого не было.

Раис посмотрел на солнце, только-только поднимавшееся из-за крыши, потом кинул взгляд на свой "Ориент", купленный в ларьке на базаре, и озабочился:

– Однако, утро, а у меня что-то ещё только два часа ночи показывает... Или отставать стали?... – пробормотал он, потряс рукою, приложил часы к уху, послушал, насупившись, а потом сказал досадливо: – Эх! Хотел ведь "Ролекс" брать!...

– А что не взял? – спросил Боба.

– Да не завезли в тот день, – пояснил Раис. – А продавец-ловчила "Ориент" посоветовал...

Боба не без гордости выставил напоказ свои "Командирские" и заявил:

– Вот какие часы иметь надо!

Раис криво усмехнулся и бросил:

– Ага! При помощи молотка и напильника сделанные.

– Ну, положим, ты не прав, – с достоинством ответил Боба. – Уж сколько лет, а не разу не подвели. И сделаны на нашем отечественном часовом заводе. А твои откуда?

– Из Швейцарии... – пробормотал Раис без страстной убеждённости.

Мы посмеялись столь нелепой версии, а потом сверили часы – у кого они были. Все механизмы показывали примерно два часа после полуночи.

– Вряд ли это время соответствует местной действительности, – витиевато сделал вывод Джон.

Глава 5. В которой герои продолжают свой путь и наконец входят в Рим.

По знакомой тропинке мы выбрались через виноградник на дорогу, не преминув нарвать тяжёлых гроздьев, и сноровисто зашагали дальше, вкушая виноград. Белая крыша вскоре скрылась за холмами. Их пологие склоны неровными заплатами покрывали клочки полей с вовсю колосившейся пшеницей, с метёлками проса, со спутанными зелёными стеблями гороха. За холмами потянулась дикая роща, где преобладали приземистые деревья с большими белыми цветами, дурманявшими густым ароматом кружившихся вокруг пчёл.

Раис поначалу тащил корзину гордо и непринуждённо, но затем начал пыхтеть, переключая её из руки в руку и утирать обильный пот. Наконец, он остановился, брякнул корзину на дорогу и решительно заявил, что надо быть круглыми идиотами, чтобы шастать на пустой живот при наличии питательной провизии, и, вообще, он под пытки не нанимался, а вдыхать аромат копчёностей в голодном виде и есть для него самая что ни на есть жесточайшая пытка.

Лёлик, оглядываясь назад, заворчал, что надо тикать без остановки, а то как бы погони не случилось, тем более что перекусили виноградом. Тем не менее, всё же решено было уважить мнение Раиса да и личных желудков тоже. Посему мы свернули с дороги и расположились в тени деревьев перекусить. Раис извлёк из корзины окорок, сыр и несколько лепешек, Серёга сковырнул штык-ножом смоляную затычку с амфоры. Некоторое время слышались лишь сопение, чавканье и смачные глотки. Ели торопливо, ибо Лёлик вытащил из рюкзака театральный бинокль в оправе из поддельного перламутра и начал поминутно вскакивать для того, чтобы взглянуть на окрестности в оптику и испуганно заахать. Хотя ахи при внимательном рассмотрении оказывались ложными, всё-таки они нервировали достаточно, чтобы мы более глотали, чем жевали. Наконец, трапеза закончилась по причине оприходования последней крошки.

– Так-то вот! – назидательно произнёс Раис, вытирая жирные пальцы об траву. – Если бы не я, то и убежали бы без провианта.

– Молодец! – с сытой ленью похвалил Джон. – Отныне будешь интендантом-каптенармусом.

– Ну так... уж... м-да... – довольно забормотал титулованный Раис и развалился кверху пузом. – Вот сейчас вздремнём мальчика...

– Да ты что, на кресте давно не болтался?! – взвился Лёлик и стал суматошно собираться. – Кругом земля чужая, силы враждебные, того и гляди, налетят, заметут не понарошку, а он вздремнёт, тыфу!...

– Да ладно тебе, – миролюбиво заметил Боба. – Нас ещё попробуй возьми. И, вообще, ничего не видели, никого не трогали!

– А денежки откуда? – саркастически спросил Лёлик.

– Нашли, – невозмутимо пояснил Боба.

– А точно, чего валяться, – вольготно потягиваясь, сказал Джон. – Мы как-никак сюда на активную экскурсию прибыли...

С этим доводом было трудно не согласиться, отчего, растолкав впавшего в недовольство Раиса, мы продолжили путь. Солнце поднялось уже заметно и стало припекать, но вдоль дороги потянулись высокие кипарисы, дававшие приятную тень.

– Глянь, народ, – указал глазастый Серёга.

Между кипарисами виднелся пологий холм, на склоне которого ровными рядами росли виноградники. Между ними копошились люди.

– Смотри ты, какие трудолюбивые, – уважительно заметил Боба. – В такую рань и уже работают. Я б так не смог.

– Смог бы. Куда делся, если бы рабом был, – усмехнулся Джон. – Пырял бы как миленький от рассвета до заката.

После холма обнаружилась тропка, вливавшаяся в нашу дорогу. По тропке приближался местный житель, имевший при себе осла под объёмной поклажей из замызганных мешков.

– А чего? – просипел как заговорщик Раис. – Может и этого... Того...

– Я тебе дам того! – вскричал Лёлик. – Ишь ты, жиган нашёлся!... – потом подумал и добавил: – Да и выглядит он на три копейки...

Шли мы уже побольше часа. Стало совсем по дневному жарко, да и зелёные насаждения по обочинам закончились. Лямки тяжёлого рюкзака немилосердно натирали влажные от пота плечи, красноватая пыль, подымавшаяся от наших ног, не давала покоя идущим сзади, отчего, в конце концов, мы перестроились в одну шеренгу, заняв, тем самым, всю дорогу.

Лёлик напористо заявил, что для пользы общего дела он прямо-таки в спешном порядке и незамедлительно обязан изучать свою энциклопедию, чтобы прибыть в Рим во всеоружии знаний о местных реалиях, а посему его следует безотлагательно освободить от поклажи. Мы нашли его слова вполне резонными. Выносливый Боба принял рюкзак энциклопедиста, я получил несомненно почётное право нести его автомат. Сам же Лёлик с довольным видом одной рукой уцепился за Бобу для обеспечения правильного направления своего движения, в другой зажал книжку и стал читать прямо на ходу, то и дело многозначительно хмыкая и говоря: "Тэк-с, тэк-с" и "Кто бы мог подумать?!...".

Впереди показалась роща, и мы решили в ней устроить привал. Но по мере приближения к роще стали слышны устойчивые звуки мирного оттенка: скрип повозок, человеческие голоса, какое-то шарканье и даже куриное кудахтанье.

Мы углубились в рощу и через некоторое время увидели между поредевшими деревьями небольшое строение из серого камня, а за ним дорогу, перпендикулярную нашей, на которой имелся вполне оживлённый пассажиропоток. Немного не доходя до неё, мы с облегчением уселись на обочине и стали оглядываться. Новая дорога выглядела весьма солидно и была сплошь вымощена камнем. Ширина её составляла метра три.

На дороге имелось ещё невиданное нами изобилие местных жителей, большинство которых двигалось в одну сторону. То и дело проезжали гружёные повозки, шли люди, кто с набитыми котомками, а кто и налегке; два пастуха с загнутыми посохами, покрикивая гортанно, прогнали стадо коз. Все они были также как на подбор малорослыми, и даже животные выглядели какими-то приземистыми, словно были специальных карликовых пород.

– Ох, пить охота! – стал ныть Лёлик. – И чего фляжек не взяли?! Имели бы сейчас запас ключевой водицы...

Джон промолчал с видом английского аристократа.

Лёлик украдкой показал ему кулак, затем с мрачным видом оглядел строение и поинтересовался:

– А это что за домик?... Может магазин местный?

Строение на вид было совсем не новым. Стены его были сложены из неровных каменных блоков. Имело оно прямоугольную форму; спереди приделан был портик с полуразвалившимся фронтоном треугольных очертаний. Портик подпирали четыре оштукатуренные колонны лаконичного дизайна. Штукатурка местами осыпалась, являя их кирпичную сущность. За колоннами виднелся тёмный прямоугольник входа, к которому вели выщербленные ступени; двери из потемневшего дерева были распахнуты настежь.

– Ага! – саркастически усмехнулся Раис. – Сельпо. Там тебе и морс, и лимонад, и "Пепси-кола" с квасом.

– А что?! – завёлся Лёлик. – Сейчас пойду и посмотрю. Боба, пошли со мной!

Боба с готовностью встал, оставив свою амуницию на земле. Я тоже решил присоединиться к любопытствовавшим.

Мы поднялись по ступеням и заглянули вовнутрь. Там было не особенно темно; из-под потолка из прямоугольных отверстий косыми полосами падал дневной свет. Внутри было тихо и никого не наблюдалось. Мы осторожно вошли.

Два ряда колонн подпирали потолок. На стенах еле-еле проступали фрески. У противоположной стены на постаменте стояла статуя. Перед ней располагался массивный тренажник, в чаше которого слабо дёргалось тусклое пламя.

Мы подошли поближе.

Статуя, выкрашенная в телесные тона, изображала крепкого, но стройного мужика, в одной руке державшего короткий жезл, обвитый двумя змеями, в другой круглый мешочек. На мужике из одежды были лишь круглая шапка и сандалии с крыльями. В нужном месте совершенно непринуждённо красовался срам.

– А почему фигового листка нет? – шёпотом спросил Боба.

– А их уже потом приделали, – блеснул эрудицией Лёлик. – Во всякие там эпохи просвещения. Чтобы народ не смущать.

– Кхе-кхе... – раздалось вдруг сзади.

Мы торопливо повернулись. За нами стоял непонятно откуда взявшийся субъект, весьма походивший на безумца в состоянии психического обострения. Был он плешив, смугл и неимоверно худ. На его измождённом лице со втянутыми щеками, поросшими неопрятной щетиной, торчал огромный орлиный нос и горели нездоровым маслянистым блеском вытаращенные глаза. Одевание его состояло из замысловато завернутой грязноватой тоги, конец которой волочился по полу. В руке он держал медную плоскую тарелку.

– Хорошо, хорошо, – пробормотал субъект, глядя на нас ласково. – Значит, хоть и варвары, а чтите Меркурия.

– Ага... – на всякий случай подтвердил Боба и опасливо попятился.

– А я жрец этого храма, – пояснил субъект и протянул нам свою тарелку.

Повисла пауза. Жрец требовательно потряс тарелкой. Лёлик заглянул в неё, и, обнаружив её пустой, пожал плечами.

– Ну так жертвуйте, жертвуйте, – деловито призвал жрец. – И Меркурий – покровитель путников – присмотрит за вами на вашем пути.

Боба облегчённо выдохнул, суетливо пошарил в кармане, достал горсть монет и аккуратно положил их на тарелку. Жрец разглядел серебро, радостно хмыкнул и протянул тарелку уже целенаправленно к Лёлику.

Лёлик поправил очки, поглядел на сделанное подношение и веско произнёс:

– Это за всех.

Жрец тяжело вздохнул и насупился.

– Ну, мы пошли, – заявил Боба, и мы заторопились к выходу.

– Что они тут, недоедают? – озадачился Лёлик, как только мы вышли из храма. – Наши то служители культа все как на подбор, гладенькие да сытенькие. А этот прямо как из Бухенвальда...

– Ну что?! – увидев нас, заорал Раис. – Каков ассортимент?

– Опиум для народа, – проинформировал Боба. – Храм это, Меркурия.

Мы подошли к коллегам. Раис заухмылялся и было решил сказать ещё что-нибудь саркастическое, но Лёлик перебил его, напористо вопросив:

– Ну чего? Так и будем сидеть сиднем как тридцать три богатыря?

Критика была оценена положительно; мы споро собрались и зашагали дальше.

Прямо на повороте торчал высокий каменный столб, на котором вырезана была надпись печатными буквами.

Мы подошли поближе. Лёлик, шевеля губами и водя пальцем по строкам, попытался осилить текст.

– Ну, чего пишут-то? – нетерпеливо осведомился Серёга.

– Ишь, приткий какой... – пробормотал Лёлик и, откашлявшись, по складам прочитал: – Ти-бур-тинская до-ро-га. До Рима пять мил-ла-риев.

– Это сколько же топать?! – возмутился Раис.

– Чего это за миллarii такие? – с подозрением спросил Серёга.

Лёлик достал свой справочник, пошуршал страницами и выдал:

– Милларий – римская миля. В ней одна тысяча пятьсот девяносто восемь метров.

– Стало быть, – прикинул я в уме, – километров восемь. Так что почти мало.

– Ничего себе мало! – обиделся Раис, будто в этом была моя прямая вина.

Мы пошли дальше. Через некоторое время обнаружилась невдалеке от дороги небольшая каменная беседка с изящной колоннадой.

Возле неё гуртовались давеча прошедшие козы.

– Никак водопой! – обрадованно воскликнул Серёга.

Мы торопливо направились к беседке.

Внутри неё имелась прямоугольная стенка, облицованная палевым камнем и украшенная барельефом нахальной бородатой рожи с рожками и игривой ухмылкой. Из стенки торчала медная труба, из которой в круглую каменную чашу чистой струйкой стекала вода. Уже из чаши тянулся желоб до располагавшегося вне беседки длинного каменного корыта с низкими бортиками, откуда, толкаясь и мемекая, утолял жажду мелкорогатый скот.

В беседке торчал один из пастухов, крепкий детина, весь заросший чёрным курчавым волосом. Он наполнял водой кожаный бурдюк на пару литров.

Мы ввалились внутрь, стали пить из чаши, кто хлебая прямо из неё, кто зачерпывая воду в ладошки.

Пастух вытаращился на нас с изумлением, перемешанным с испугом; он осторожно отодвинулся в угол беседки, где затих, глаза без зазрения совести.

Раис, напившись, поглядел на пастуха. Тот с восторгом уставился на медную каску нашего друга и стеснительно хехекнул. Раис внимательно изучил бурдюк, который пастух заботливо прижимал к груди. Бурдюк был славный: из хорошо выделанной мягкой кожи с завязками из витых ремешков с костяными шариками. Имелись также широкие длинные лямки.

Раис придвинулся к пастуху и напористо предложил:

– Эй, продай сосуд!

Пастух недоумённо ухмыльнулся, обнаружив вопиющее отсутствие передних зубов.

– Я говорю, бурдюк продай, – повторил Раис, достал серебряную монету и для убедительности повертел у пастуха ею перед носом.

Пастух зачарованно поглядел на платёжное средство, потом ни слова не говоря быстро выхватил монету, сунул бурдюк Раису в руки и, неуважительно растолкав нас, выскочил из беседки.

Раис, любовно повертев бурдюк в руках, показал нам с гордостью и, насвистывая, стал его наполнять водой под завязку.

– Ты не думай, что один пить будешь! – сварливо воскликнул Лёлик, с завистью глядя на приобретение.

Пастух-коммерсант подбежал к своему напарнику, стал что-то ему оживлённо втолковывать. Выслушав, тот кинулся к нам, на ходу снимая с себя такой же бурдюк, висевший на ремне через плечо.

– Бери, бери! – заорал Лёлик и кинулся навстречу.

Процесс купли-продажи был совершен молниеносно. Лёлик вернулся с покупкой и тут же полез к трубе за водой, норовя оттолкнуть Раиса.

Наконец, мы, напившись и умывшись, покинули приятную беседку и продолжили свой путь.

Идти было легко и вольготно. Какое-то окрылявшее нетерпение овладело нами. Мы споро шествовали, обгоняя многочисленных путников.

Практически все шли в ту же сторону, что и мы. Тянулись длинными вереницами под завязку гружёные повозки с неуклюжими деревянными колёсами, влекомые сонными волами под управлением не менее сонных погонщиков; местные пейзажи в коричневых балахонах, загорелые до черноты, везли на ушастьях ослах плотно набитые мешки и корзины, с бережением повязанные поверху грубой рогожкой. Нехотя тащились по обочине понурого вида мужики, скованные между собой бронзовыми цепями – по всей вероятности, рабы. Их опекали три дюжих надсмотрщика, вооружённых крепкими палками. И все путники как один при виде нас пучили глаза и удивлялись до неприличия.

Паниковавший Лёлик поначалу закрывал лицо ладонями, бормоча про фотороботы и прочие ментовские штучки, но потом пообвыкся и лишь морщился надменно.

Так мы шагали пару часов, иногда присаживаясь под кипарисы, которые росли рядами вдоль дороги, давая тень, не лишнюю при крепко жарившем итальянском солнце. Лёлику надоело тащить лишнюю поклажу в виде приобретённого бурдюка, и он то пытался вручить его Бобе, то наперебой предлагал нам испить водицы. Впрочем, мы столь часто прикладывались к сосудам, что вскоре они весьма облегчились.

Дорога полезла на обширный, но пологий холм, убедительно закрывавший горизонт. Мы стали, пытая и отдуваясь, подниматься на него, обгоняя при том обоз из длинных телег, на которых везли массивные сосновые балки. Погонщики вопили и стегали кнутах коренастых волов, но телеги еле двигались.

– Ну и где этот чёртов Рим? – заныл Лёлик, утирая пот.

Шедший впереди Серёга первым достиг верхней точки холма и вдруг замер как оглоушенный. Мы поравнялись с ним, и нас постигла та же участь. И было отчего, ибо этот самый чёртов Рим, наконец-то, открылся перед нами картиной чудной и впечатляющей.

Разумеется, это был вовсе не вид с птичьего полёта, поскольку холм, на котором мы находились, вовсе не являлся горой Монблан. Но, тем не менее, мы увидели массовое нагромождение зданий и сооружений, раскинувшееся широко и привольно и протянувшееся до самого горизонта, на краю которого виднелась невысокая горная гряда.

– Чего-то я не понял! – обиженно протянул Раис. – А где стены крепостные? Где стены, я вас спрашиваю?

Действительно, никаких городских стен не наблюдалось.

Лёлик уничижительно хмыкнул и заявил:

– Вообще-то тут говорили... говорят, что лучшие стены Рима – это его легионы.

Телеги с балками стали со скрипом въезжать на вершину холма. Мы отошли в сторонку и со вкусом принялись разглядывать город. Лёлик достал театральный бинокль и озирали окрестности с видом профессионального туриста.

Рим начинался с каких-то маленьких невзрачных домишек, которые вначале располагались редко, окружённые деревьями, а затем группировались, росли в размерах и далее сливались в сплошную мешанину разнообразных архитектурных форм.

В изобилии имелись блеклые коробки, весьма похожие на унылые пятиэтажки из нашего времени – только не хватало антенн на плоских крышах, да окна были непривычных размеров и расположения, и не являли стеклянных блесков. Вид этих строений, конечно же, не воодушевлял. Но было и множество изящно выглядевших зданий, искрившихся на солнце мраморной облицовкой, с обильными колоннадами, под треугольными крышами из красной черепицы. Кое-где парили в синем небе тонкие столбы, увенчанные скульптурами. То тут, то там вздымались сооружения штучного изготовления, радовавшие глаз изысканными пропорциями и множеством архитектурных излишеств типа фриз, фронтонов, кариатид, архитравов, всё тех же колонн с дорическими, ионическими и прочими капителями – то есть, теми штуками, которые призваны скрывать параллелепипедную сущность любого строительного сооружения. Впрочем, кое-где виднелись и закруглённые формы.

Всё это располагалось как-то бессистемно, словно в городе вовсе и не было прямых улиц. И даже двухъярусный акведук, наискось входивший в город, тоже затейливо извивался.

То тут, то там вздымались холмы с крутыми склонами. Одни из них были густо застроены, на других имелись анклавы зелёных насаждений, среди которых выглядели редкие черепичные крыши. На плоской вершине одного каменистого холма имелись столь любезные сердцу Раиса крепостные стены, за которыми возвышались образцы классической архитектуры с величественной колоннадой. Вспомнилось, что называется этот холм Капитолийским. Замелькали в памяти и прочие ранее слышанные названия: Авентинский холм, Палатин, Тарпейская скала, Пантеон, Форум, базилика, термы, портик, а также Карцер и Клоака.

– Вот он какой... на семи холмах... – восторженно пробормотал Джон.

– Да-а! – протянул мечтательно Серёга. – Стало быть, здесь эти... Чук и Гек выросли...

– Какие ещё Чук и Гек? – недоумённо спросил Джон.

– Ну, которые Рим построили, – объяснил Серёга. – Не знаешь, что ли? Их ещё волчица вскормила... А чо? Я в школе тоже учился. Помню кое-что.

– Направление ваших знаний правильно, юноша, – наставительно сказал Лёлик, оторвавшийся от оптического прибора. – Но только звали их Ромул и Рем.

– Да не всё ли равно!... – сконфуженно отмахнулся Серёга.

– Ну что? – хриплым голосом произнёс Раис. – Пора и идти, – он обеими руками поглубже натянул каску и, вперившись прямо перед собой как лунатик, быстро-быстро засеменил по дороге к вождьленному городу.

Мы поспешили следом. Откуда-то появилось второе дыхание, и, уподобившись лошади, почуявшей близость дома, мы, позабыв про тяготы пути, зашагали ходко и споро, обгоняя прочих странников, имевшихся на дороге в неизменном изобилии.

Спустившись с холма, мы миновали обширную рощу и вышли на финишную прямую.

Дорога проходила прямо между двух арочных опор акведука, сложенного из больших каменных неровных блоков. Местный водопровод вздымался на высоту четырёхэтажного дома и внушал своими размерами неподдельное уважение.

Впереди обнаружилось небольшое одноэтажное строение из красного кирпича, располагавшееся прямо у дороги. Рядом со строением торчал массивный каменный столб. На нём красовалась здоровенная бронзовая доска, на которой имелись только четыре выпуклые буквы, складывавшиеся в приятное для нас слово: "ROME".

– Ишь ты! – восхитился Раис. – Прямо-таки название населённого пункта.

– Ага! – поддержал Боба. – Чтоб никто с Пупыркиным не перепутал.

Возле столба стояла группа делового вида мужиков в одинаковых туниках горчичного цвета, стянутых широкими поясами. У каждого на боку имелся короткий меч в украшенных чеканными блямбами ножнах. Мужики с ленцой озирали грузопассажирский поток, направлявшийся в город. Наша компания заставила их немедленно востропнуться. Они дружно загоготали, закрутили выразительно пальцами у висков, стали громогласно делиться впечатле-

ниями о совершенно не знакомых с современной модой варварах; впрочем, на пускавшую ослепительных зайчиков каску Раиса глядели они весьма завистливо.

– Смотри-ка, и здесь патрульный пост, – тихонько назвал вещи своими именами Боба.

Мы осторожно прошли мимо местных блюстителей порядка; Серёга надвинул кепочку на самые глаза и пошёл на полусогнутых, прячась за нас. Боба попытался со стражниками раскланяться, но лишь нарвался на очередную порцию острот про варваров. Впрочем, никаких препятствий нам не чинили.

Далее зашагали уже без опаски, лавируя среди людей, повозок и навьюченных ослов.

– Слушай, а чего даже ксивы не проверяют? – спросил Серёга.

– Так их ещё не придумали, – пояснил Лёлик.

– Ну тогда погуляем!... – туманно воскликнул Серёга и довольно заухмылялся.

Впереди уже виднелась целая череда строений классического вида: с колоннами, с треугольными фронтонами, со статуями наверху. Были они небольших размеров и вида вполне зажиточного: одни крашенные свежей краской, а другие и вовсе облицованные плитами из травертина – матового узорчатого камня буро-жёлтых и коричневых цветов.

– Эге, снова храмы! – догадался Лёлик. – А ну, шибче пошли, а то снова денежки выжуливать начнут.

Впрочем, тут и без нас было кому поддерживать благосостояние учреждений культа. То и дело из толпы путников кто-нибудь торопливо высказывал и взбегал по ступенькам в один из храмов. Навстречу выходили уже пообщавшиеся с богами, спеша продолжить путь.

За храмами оказалась обширная вымощенная площадка, усаженная по краям лаврами. На ней имелась круглая каменная чаша метров пять в диаметре, наполненная водой. Посередине основной чаши имелась чаша поменьше, из которой неторопливо проливались вниз прозрачной пеленой водяные струи. Многие из путников утоляли здесь жажду. Мы тоже вволю напились, и порекомендовали владельцам бурдюков наполнить их под завязку, но Лёлик авторитетно заявил, что согласно его справочнику Рим славится обилием общественных источников воды, так что нужды таскать полные бурдюки не имеется.

Далее вдоль дороги в массовом порядке торчали скучные кособокие, сложенные из неровных камней, домишки, крытые серыми от времени досками. Подле них за кривыми плетнями имелись огородики, на которых почему-то в основном росла только капуста.

В говорливой толпе прибывавших в город мы шли, охваченные любопытством, вертя головами и вытягивая шеи. Поначалу особо смотреть было нечего, так как после домишек потянулись какие-то сараи, к которым то и дело сворачивали гружёные повозки.

Но потом как-то вдруг мы оказались между домами уже вполне городского вида – в несколько этажей, со множеством окон и даже с балконами.

– Ну вот, прибыли! – с чувством сказал Лёлик, снял очки и стал взволнованно протирать их специальной тряпочкой.

Глава 6. В которой герои самостоятельно знакомятся с жизнью и бытом древнего мегаполиса.

Наша дорога плавно перетекла в улицу метров пяти в ширину, на которой наблюдалась уже форменная мешанина: катились повозки, деревянные колеса которых безжалостно грохотали по неровной каменной мостовой, сновали туда-сюда римляне в мешковатых одеждах, на ходу громко переговариваясь, а то и ругаясь во всю глотку, потные носильщики таскали тюки, корзины, огромные амфоры, путались под ногами шустрые дети. Здесь имелись даже тротуары: всего в метр шириной, но зато поднятые над мостовой неестественно высоко. Но никаких правил дорожного движения не соблюдалось, и все – пешеходы и гужевой транспорт – передвига-

лись вперемешку, создавая невыносимую толчею и беспорядок, поднимая при этом в воздух серую пыль, густым слоем покрывавшую улицу.

Примерно через каждые двадцать метров проезжую часть пересекала цепочка прямоугольных камней вровень с тротуаром, отстоявших друг от друга как раз на шаг.

– А это ещё что за надолбы? – недоумённо спросил Раис.

– Так, наверное, как дождь тут пройдет, так грязюка страшная, – поразмыслил Боба. – Вот по камням этим и скачут. Типа пешеходный переход.

На римских улицах не воняло тем бензиновым и прочим химическим смрадом, к которому привыкли наши носы. Но и без того в воздухе царили запахи застарелой пыли, прогорклого масла, гари; от людей несло вперемешку сложным чесночно-луковым перегаром, потом и тяжелыми ароматами благовоний; ко всему то и дело примешивалось доносившееся откуда-то с задворок зловоние застарелых экскрементов, чей характер подтверждался назойливым пилютажем чёрных жирных мух. Всё это смешивалось в сложный коктейль, вызывавший желание дышать неглубоко и пореже.

Возвышаясь над всеми, как баскетбольная команда на прогулке, мы протискивались сквозь уличную неразбериху, пытаясь одновременно наблюдать за разворачивавшимися вокруг нас достопримечательностями и не терять из виду друг дружку.

Улица проходила вдоль длинной глухой стены. На ней в изобилии имелись надписи, сделанные красками разных цветов. Были они содержательны и разнообразны, и служили, по всему, в некотором роде, заменой отсутствовавших газет.

Присутствовала тут и явная реклама типа: "свежие маслины из Пицена в лавке Страбона на Гончарной улице" или "грамматик из Греции, чья школа в Бычьем переулке, набирает учеников для обучения чтению, письму и счёту", были частные объявления на тему, что такой-то почтенный имярек объявляет о помолвке своей дочери, были и объявления общественные про то, что "в амфитеатре Фламиния состоятся гладиаторские бои, даваемые магистратом, посвященные празднику богини Цереры". В одном месте имелось нечто и вроде "Их разыскивает милиция": чернела обведённая в рамку надпись "у чеканщика Диомеда, чья мастерская на Священной дороге, сбежал раб Африканик со шрамом на правой щеке".

Были надписи и просто ругательные. В одном таком настенном послании один римлянин, смело указывавший своё имя, поносил другого, не забыв не только того поименовать, но и указать его местожительство. Ругань строилась на посулах развратных действий противоположного характера, задуманных с особым цинизмом. Что интересно, рядом имелся и достойный ответ, не менее изощрённо описывавший соответствовавшие ответные действия.

Присутствовала и явная крамола: кривая надпись заявляла, что "Цезарь – тиран".

Некоторые надписи были новые, некоторые полустёртые. В одном месте два умельца споро наносили на стену свежую штукатурку. Рядом другой умелец худосочного телосложения старательно выписывал очередное объявление: "Гней Луций Диоген сдаёт квартиры в инсule у храма..."

Лёлик полистал энциклопедию и сообщил:

– Такая стена для объявлений называется албум. Отсюда пошло слово "альбом".

– Кто бы мог подумать... – со сквозившим сарказмом пробормотал Джон и тут же сделал стойку возле следующего объявления: "Новые блудницы из Сирии в лупанаре у Приапова жертвенника на Субуре", а после внимательного изучения одного уже вполне вежливо у Лёлика спросил: – А ну глянь, что это за лупанар такой?

– Это у них тут так бордель называется, – пояснил Лёлик, даже и не заглядывая в источник знаний.

– Эх, где ж его искать... – вздохнул умильно Джон.

Совсем рядом, перекрывая уличную какофонию, раздался глухой низкий рёв, от которого невольно стало не по себе. Мы оглянулись. На телеге, запряжённой парой волов, везли

клетку из железных полос, в которой находился поджарый лев с чёрной густой гривой. За повозкой шли зеваки, весело переговаривавшиеся и норовившие подразнить хищника. Двое сопровождавших телегу крепких мужиков пытались одновременно управлять вяло паниковавшими волами и приструнить толпу. Лев стоял, оскалившись и напружинив мускулистое тело. Его янтарные глаза горели яростной злобой; хвост судорожно хлестал по впалым бокам.

Телега проехала мимо.

– В зоопарк, что ли, повезли? – риторически спросил Серёга.

– Может, и в зоопарк, – согласился Боба.

Мы пошли дальше и шли достаточно долго, пока впереди не обнаружился затор из телег, гружёных бревнами. Возчики, виртуозно ругаясь с южным темпераментом, пытались телеги растащить, но только усугубляли ситуацию. Скопившаяся вокруг толпа не переставая орала, вопила, надрывалась.

Как раз кстати подвернулась узкая боковая улочка, в которую мы не преминули свернуть.

Здесь лепились друг к дружке кривые дома с кирпичными стенами, имевшие на удивление по четыре, а то и по пять этажей. Вид их был совсем обшарпанный; кое-где стены пересекались глубокими извилистыми трещинами.

– Инсулы, – сказал Лёлик.

– Чего? – переспросил Серёга.

– Я говорю, дома эти жилые многоквартирные называются инсулы, – пояснил Лёлик.

Из окон, разумеется, не обременённых стеклами, вперемежку с сохнувшим бельём высывались расхристанные жильцы; они в изобилии грызли орехи и громко переговаривались, делясь местными новостями и обсуждая наиболее импозантных прохожих, в число коих мы, без сомнения, входили. Поэтому, не успев сделать и десяти шагов, мы узнали о себе много чего нового, о чём доселе и не догадывались. Новости носили характер нелицеприятный, однобокий и даже клеветнический. Особенно досталось приглянувшемуся населению Раису, в адрес которого не только выпускалось множество моральных стрел, но и происходило массовое плевание ореховой скорлупой с попытками попасть в залихватски сверкавшую каску. Раис, кривясь и вздрагивая, старался идти зигзагами и, втягивая голову в плечи, бормотал:

– Ну счас кого-то тюкну, ну счас пульну... – попеременно хватаясь то за топорик, то за автомат.

Шедший рядом Джон придерживал его за локти, препятствуя кровопролитию, и, высоко вскидывая голову, улыбался изо всех сил, пытаясь казаться послом мира, переполненным дружелюбием и доброжелательностью. Уж не знаю, чем бы это всё закончилось, если бы не случился один эпизод, отвлёкший от нас всеобщее внимание.

Впереди нас важно вышагивал субъект явно восточного вида. Он имел буйную курчавую жгуче чёрную шевелюру, покрытую причудливой шапкой, и огромный изогнутый нос, который он являл нам, вертя туда-сюда головой. Одет он был в длинную бесформенную хламиду лазоревого цвета, украшенную богатым шитьём. То и дело чужеземец спрашивал аборигенов про какого сапожника Скавра, живущего в Пыльном переулке. Аборигены гоготали и сообщали ему всякую чушь типа того, что этого самого Скавра засыпало пылью и теперь его не отыскать.

Внезапно из верхнего окна выплеснулась мутной волною струя помоев и окатила беднягу с головы до ног. Он резко остановился и ошалело огляделся по сторонам. Из окна невозможно выглянула неопрятная толстуха с грязной бадейкою в руках. Пострадавший задумчиво почесал нос, машинально попытался разглядеть безобразно слипшиеся одежды, посмотрел вверх и вдруг затопал ногами, заорал бешено и даже начал подпрыгивать, пытаясь добраться до покойно созерцавшей его толстухи. Впрочем, покой её был не долгим. Послушав бывшего в исступлении чужеземца, она, глубоко вздохнула и извергла вниз ещё один поток нечистот, но уже словесных, среди которых наиболее невинными были: "носатая задница" и "поганный рогоносец". Заметно было, что сия почтенная матрона имела богатый опыт в подобных дис-

куссиях; выражения её отличались замысловатостью и оригинальностью при полной раскованности в эпитетах и аллегориях. Восточный человек, не ожидая такого контрудара, на первых порах ещё пытался вставить слово-другое, но быстро сник и лишь открывал беззвучно рот, как пескаришка на песке, да тарашил глаза, разводя руками, пытаясь тем самым найти сочувствие в толпе тут же набежавших зевак.

Как люди цивилизованные, мы не стали искать развлечений в людском горе, а, напротив, тактично обойдя по стенке место инцидента, заторопились дальше. Раис, воспрянув духом и расправив плечи, принялся с едким осуждением бормотать:

– Ах, какая!... Ну, народ!... Что позволяют, никакой культуры... А бедняжке-то как не повезло!... – при этом в голосе его отчетливо прорывались нотки несказанного удовольствия по поводу того, что сей болван подвернулся как нельзя кстати.

Переулок сделал замысловатый зигзаг и влился в следующую улицу. Мы вышли на неё и остановились, не зная: куда податься дальше.

Здесь также сновало туда-сюда местное население, вызывая создаваемой суматохой некоторое головокружение. Народ был одет достаточно однообразно. Мужчины носили мешковатые туники длиной чуть ниже колен с короткими, не доходившими до локтя рукавами. Большинство имели кожаные пояса, украшенные металлическими бляхами и висюльками. У некоторых поверх туник намотаны были и тоги, похожие на простыни, поскольку цвет их был или белым, или серым – от грязи. На ногах римляне носили кожаные на мягкой подошве башмаки различного фасона: или глухие, похожие на ичиги, или с обрезанными носками, позволявшими разглядеть то, что жители Рима, в целом, ещё не придумали педикюр. Головных уборов на мужчинах не наблюдалось.

Женщины носили одежды, похожие по крою на туники, но более длинные, до пола, с живописными складками. Все они подпоясывались высоко, под самую грудь. У многих головы покрыты были платками или лёгкими накидками.

Цвета мужских одежд были преимущественно белыми или буро-коричневыми. Женские одежды были, в основном, или целиком белыми, или белыми с разноцветными узорами. И лишь иногда в толпе мелькала фигура в цветном наряде, причём всё равно все цвета были неяркими, приглушёнными.

Лёлик достал свой справочник, полистал его и начал бубнить под нос:

– Туника имела вид рубахи без рукавов или с недлинными рукавами. Длинные рукава считались признаком изнеженности... Туника являлась повседневной и рабочей одеждой. Считалось непристойным выходить из дому не подпоясавшись... Рабы ходили в коротких туниках и часто без пояса... Тогу имели право носить только римские граждане... Считалось недопустимым выходить патрицию на улицу без тоги, в одной тунике... Тога представляла собой продолговатый овальный кусок ткани... Без посторонней помощи тогу надеть было практически невозможно... Женская одежда напоминала мужскую и состояла из туники, столы и паллы. Женская туника была длиннее мужской. Стола напоминала тунику, но обладала множеством складок, имела сзади шлейф и была настолько длинной, что волочилась по земле. Столу имели право носить только почтенные замужние женщины...

Как раз akurat мимо нас проходила пожилая матрона в одежде озвученного стиля. Сама её стола была белого цвета, но вот низ, тянувшийся по булыжникам мостовой и оставлявший в уличной пыли заметно чистую полосу, был неопрятно серым и пятнистым от грязи.

– Ну, пыль метёт! И дворников не надо!... – развеселился Серёга и сделал вид, что хочет наступить сапожищем на шлейф.

– ... Паллой называли широкую длинную шаль, а которую можно было совершенно укутаться... – продолжал нравоучительно бубнить Лёлик. – Голову покрывали только замужние женщины... Яркие цвета противоречили античным вкусам... Яркие одежды носили женщины лёгкого поведения...

– Вот как? – приятно удивился Джон и стал вглядываться в толпу внимательно.

– ... Но к концу республиканского периода нравы стали мягче, и римские женщины, особенно из богатых семей, начали носить одежды всевозможных цветов... – выдал заключительный аккорд Лёлик.

– Как бы не перепутать... – озадаченно пробормотал Раис.

Мимо нас потные негры рысью проволокли крытые носилки, откуда из-за голубой занавеси выглянуло на миг премиленькое личико. Джон посмотрел вслед удалявшемуся средству передвижения и приподнято гаркнул:

– Ну, значит, куда пойдём?

– Прямо! – с показной серьёзностью провозгласил Боба и даже вытянул вперёд руку наподобие памятника, не преминув, впрочем, при этом счастливо захохотать.

Только сейчас до нас стала доходить вся грандиозность нашего разворачивавшегося путешествия, отчего накатило ощущение эйфории.

Мы пошли дальше и вскоре вышли на небольшую площадь, на которой имелся источник водоснабжения местного образца. Источник представлял собой украшенный потёртыми барельефами каменный четырёхугольный столб с полукруглым углублением посередине, из которого торчала медная труба. Из трубы лилась вода, попадая в продолговатую средних размеров каменную чашу, примыкавшую к столбу. Рядом стояла немалая группа римлян с разной тарой: кувшинами, амфорами, кожаными вёдрами. Все они отчего-то не черпали воду из почти доверху заполненной прозрачной водой чаши, а подставляли свои бадейки по очереди под струю. При этом аборигены оживлённо и с видимым удовольствием болтали. Увидев нашу команду, все они разом замолчали и вытаращили глаза, а затем стали громогласно и неловко обсуждать наши недостатки, в упор не желая замечать наши несомненные достоинства.

Мы прошли мимо как ни в чём не бывало, а Боба даже дружелюбно помахал им рукой, после чего заметил резонно:

– Хорошо тут, в древности. Гуляем себе, и ничего... А вот если бы у нас, в нашем времени, такие чудики как мы появились, то их бы быстро замели...

– Да уж! – поддержал Джон. – Сплошная толерантность и никакой бдительности!...

Откуда-то выскочили вездесущие во все времена мальчишки и, зыряка чёрными маслинами нахальных взоров, увязались за нами, запев гнусавыми голосами дразнилку всё про тех же варваров в грязных штанах.

– Дались им наши штаны... – пробормотал Джон и украдкой погрозил охальникам кулаком.

С площади мы свернули в узкий извилистый пустынный переулок. Мальчишки направились было за нами, но Серёга, воспользовавшись отсутствием свидетелей, скорчил им столь гнусную гримасу, что те с визгом убежали.

Переулок вывел нас ещё на одну площадь, с которой открылся вид на возвышавшийся над крышами домов склон холма. В отличие от римских улиц, на которых мы не встретили ни одного деревца, верхушка холма радовала взгляд пышной зеленью, обрамлявшей роскошные здания, облицованные травертином и даже мрамором и украшенные с местным шиком колоннами, фронтонами, барельефами, статуями и прочими излишествами.

– Небось, местные олигархи проживают, – неприязненно предположил Боба.

Лёлик пошуршал своим справочником и сказал:

– Это, скорее всего, холм Палатин. – он поправил очки и зачитал: – Палатин был застроен многочисленными святынями республиканского Рима. В роскошных домах проживали римские аристократы. В настоящее время от всех этих сооружений остались лишь груды развалин...

– Ты что, Лёлик! – захохотал Серёга. – Очки протри! Какие развалины? Всё целое!

– Сам дурак! – огрызнулся Лёлик. – Это про наше время пишут, а не про прошлое, – потом подумал и добавил: – Которое нынче для нас теперешнее.

– Ну, туда мы пока не пойдём... – сказал Джон, глядя при том на островок роскоши с вождением.

– Но к этому надо стремиться! – заметил Боба, блаженно ухмыляясь.

Мы свернули в боковую улицу, застроенную двух- и трёхэтажными домами, плотно сомкнувшими боковые стены. Во всех домах первые этажи представляли собой открытые галереи, в глубине которых имелись каменные прилавки с разложенными на них всевозможными товарами. За прилавками находились продавцы – все сплошь мужского пола. Тяжесть верхних этажей поддерживали прямоугольные колонны. Между ними висели вывески с рисунками и надписями, информировавшими о специализации торговых точек. Например, в одном месте красовались изображение огромного кривоватого кувшина и надпись "Коринфская бронза у Поллукса Грека". И, действительно, прилавок был заставлен всякой утварью из ярко блестящего золотистого металла, а за прилавком, действительно, сидел носатый и курчавый грек.

На улице было много народу. Люди, оживленно переговариваясь, неспешно прохаживались, заходили в лавки, разглядывали товары. Многоголосый гомон отражался от стен, сплетаясь в волнообразный шум, так привычный уху горожанина.

– Опа! – возбуждённо воскликнул Раис, потирая руки. – Никак торговые точки! Надо бы харч прикупить, а то с утра не жрамши!

Мы медленно пошли по улице, заглядывая в лавки и присматриваясь к ассортименту товаров, каждый из которых, на наш взгляд, мог бы занять достойное место в коллекции любого исторического музея нашего времени.

В одной лавке продавались мраморные и бронзовые статуэтки, треножники на вычурных ножках, масляные светильники разных форм, зачастую весьма причудливых. Другая специализировалась на стеклянной посуде. Стекло имело бледно-зелёный или голубоватый окрас и было неровным и мутноватым, но имелись образчики, явно напоминавшие прообраз хрусталя.

В следующей лавке на специальных деревянных перекладинах висела готовая одежда, а на прилавке стояли рядом сандалии и башмаки разных фасонов.

– Эй, варвары, заходите! – закричал при виде нас ушлый продавец, улыбаясь до ушей. – Вы что, прямо из своего Тевтобургского леса? Пора вам переодеться в цивилизованную одежду!

– Ничего, – проворчал Серёга. – Мы и в своих варварских штанах ходим.

Впрочем, следует признаться, знойная жара заставляла задуматься о практичности местной одежды.

– Что, если бороды свои дремучие сбрили, так думаете, за римлян сойдете!? – крикнул нам вслед торговец, перевесившись через прилавок.

– Что это он? – удивился Боба. – Отродясь бороды не носил.

– Ну так варвары не только своими штанами отличаются, – пояснил Лёлик. – Они ещё и бородатые. А римляне все бреются... Как и мы.

В одной из лавок выставлена была местная мебель: ложа с изогнутыми изголовьями, табуретки, стулья с далеко откинутыми спинками, разнокалиберные столы. Всё это было обременено столь пышным и вычурным декором, словно мебель предназначалась вовсе не для использования по прямому назначению, а для долгого и пристального разглядывания.

Важного вида упитанный римлянин с капризным лицом, наряженный в белую тогу, приценивался к столу с круглой столешницей из красно-коричневой древесины с красивым рисунком в виде извилистых полос и с одной ножкой из слоновой кости, украшенной серебряными фигурными накладками. Шустрый малый, натирая тряпочкой блестящую матовую столешницу, интимно нахваливал товар. Покупатель сомневался и щупал древесину толстыми пальцами, оставляя неопрятные следы, которые продавец тут же тряпочкой и затирал.

В соседней лавке, над которой огромными буквами написано было: "тюфяки из шерсти апулейских овец", лежали горами эти самые тюфяки, а также подушки и покрывала, демонстрируя пестроту расцветок.

– Что за безобразия! Где же продукты питания?... – возмущённо бормотал Раис, озираясь по сторонам.

Впереди у одной из торговых точек на земле в окружении восьми крепких губастых эфиопов стояли крытые носилки. Из лавки выскочил торговец с отрезом голубой ткани. Лёгкая занавеска откинулась, высунулись из носилок тонкие руки в золотых браслетах, приняли отрез.

– Никак красotka местная, – умильно пробормотал Джон.

Негры подняли носилки и потащили навстречу нам.

– А сейчас глянем! – бесшабашно воскликнул Серёга и, дождавшись, когда носилки с ним поравняются, ловко занавеску отодвинул.

Внутри сидела, вольготно развалясь на подушках, матрона не первой свежести со сложной столбообразной прической. Оказавшись на виду у столь странных типов как мы, она сдавленно квакнула и вытаращила глаза.

Эфиопы угрожающе заголосили, но сделать ничего не могли по причине занятых рук. Лишь один – ближний к Серёге – попытался изловчиться и пнуть нашего коллегу ножицей в стоптанном башмаке, но Серёга вьюном ускользнул и негр чуть не повалился, отчего носилки угрожающе наклонились, а матрона истерически заголосила.

– Да чего ты-ы?! – противным голосом заныл Серёга. – Я ж только посмотрел!...

Эфиопы носилки кое-как выровняли и понеслись прочь чуть ли не галопом. Очевидцы жизнерадостно веселились, переговариваясь насчет диких варваров.

Следующая лавка специализировалась на продаже всяческих ларцов: от крохотных шкатулок до здоровенных сундуков, куда мог запросто поместиться даже долговязый Боба или, в качестве альтернативы, два местных жителя.

В другой лавке толпилось немало народу. Торговец держал на весу небольшую изящную вазу с затейливым рисунком по чёрному блестящему лаку и легонько стучал деревянной палочкой по её дну. Любопытствовавшие тут же начинали напряжённо прислушиваться; некоторые даже оттопыривали уши ладонями, но при имевшемся уличном шуме вряд ли что можно было услышать.

Навстречу нам шли в сопровождении многочисленной челяди два толстяка надменного вида. Оба они одеты были в белоснежные туники с широкой пурпурной полосой спереди и не менее белоснежные тоги. На ногах у них были высокие кожаные ботинки с чёрными ремнями.

Люди перед ними расступались и почтительно раскланивались, на что толстяки не особо и реагировали. Мы также на всякий случай отошли в сторонку.

– Сенаторы, – тихонько пояснил Лёлик. – Местная верховная власть.

– Откуда знаешь? – спросил Боба.

– По красной полосе, – пояснил Лёлик. – Только сенаторам так разрешается.

Толстяки поравнялись с нами. Один из них брезгливо оглядел нас и громко сказал другому:

– Цезарь совсем распустил этих варваров. Шастают уже и по отчему Риму.

– Да-а, – поддержал второй сенатор. – Помпей бы такого не допустил.

Они прошли мимо. Лёлик украдкой показал им вслед непристойный средний палец, и мы пошли дальше.

Торговая улица заканчивалась.

– Опа-на! Золото, бриллианты... – томно пробормотал Серёга и указал на надпись большими красными буквами "Цецилий Юкунд, ювелир. Украшения из Греции и Египта".

Мы зашли внутрь полюбопытствовать, но у прилавка сгрудилась немалая толпа, словно тут продавали не предметы роскоши, а товар злободневный и крайне необходимый.

Народ занимался руганью. Два римлянина в тогах не поделили какое-то ожерелье, которое каждый из них желал приобрести. Толпа делилась на две группы поддержки, увлеченно ругавшиеся между собой. Кое-кто уже начал распускать руки, толкая оппонента по принципу: "А ты кто такой?". На прилавке кучками лежали украшения, в которых лихорадочно копался ювелир, приговаривая, что он сейчас подберёт ещё что-нибудь этакое.

– Ну народ!... – укоризненно покачал головой Раис. – Тут того гляди с голоду опухнешь, а они за какие-то цацки глупые воют...

Мы вышли на улицу, прошли немного вперёд и оказались на небольшой площади, посередине которой приятно журчал скромных размеров фонтан. Мы освежились, зачерпывая воду из мраморной чаши.

– Вот так... – с тоскою произнёс Раис. – Стало быть, одни тут промтовары местные. А покушать-то и не видно!...

– Да уж. Подкрепиться не помешало бы, – поддержал Джон.

Среди прохожих, которых здесь было на удивление немного, обнаружился угрюмый мужик в короткой грязной тунике, тащивший большую корзину.

– Эй! Чего несёшь? – напористо спросил Боба.

Мужик остановился и невежливо спросил:

– А тебе-то что?

– Любезный! – обходительно осведомился Джон. – А нет ли у тебя в корзине чего-нибудь вкусенького?

Мужик недоумённо нахмурился и раскрыл секрет корзины:

– Репу несусь!

– А откуда несёшь? – продолжил допрос Джон.

– С рынка, – ответил мужик.

– А рынок-то где? – задал свой вопрос Лёлик.

– Да вон! – мотнул мужик подбородком назад.

– Тогда свободен! – напористо посоветовал ему Раис.

Мужик скорчил обиженную гримасу и заявил:

– Как у хозяина выкуплюсь, так и освобожусь! – после чего стал смотреть на нас как на последних подлецов.

– На-ка вот денежку, – участливо сказал Боба и протянул ему медную монету.

Мужик, не выпуская корзину из рук, ловко изогнулся, цапнул монету губами и прытко убежал.

– А чего это он про выкуп сказал? – поинтересовался Боба.

– Ну так раб, наверное, – предположил Лёлик. – У них тут заведено такое. Раб может хозяину заплатить за своё освобождение.

Раис озабоченно нахмурился и заторопил нас:

– Ну давай, пошли!...

Боба повертел головой и удивился:

– А Серёга-то где?

Серёга в поле зрения отсутствовал. Мы затолкались на месте, вставая на цыпочки и озираясь по сторонам, но не успели ещё как следует развернуть наблюдение, как пропавший обнаружился сам, выскочив на площадь с ранее покинутой нами торговой улицы.

Коллега был возбуждён и весел, и зачем-то постоянно оглядывался назад.

– Ты что это коллектив задерживаешь? – сварливо спросил Раис.

Серёга ухмыльнулся и молча распахнул рубаху: на шее у него болталось массивное ожерелье – то ли золотое, то ли позолоченное – усыпанное мелкими красными самоцветами, игравшими на солнце резкими искрами.

– Спёр? – лаконично спросил Джон, сурово сведя брови и кивая на украшение.

– Чего это сразу спёр? – загнусавив наподобие школьного хулигана, стал защищаться Серёга. – И ничего не спёр, а на память взял... То есть это... Вообще сами дали... – он снова оглянулся и порекомендовал: – Но, всё-таки, тикать надо!

Мы ходко пошли в указанном направлении.

От площади начиналась улица, застроенная всё теми же стандартного вида жилыми многоэтажными домами. Впереди послышался разноголосый шум, присущий большому скоплению народа. Следуя затейливому изгибу улицы, мы произвели потребный зигзаг и увидели перед собой большую площадь, застроенную П-образными кирпичными торговыми рядами с глубокими портиками. Кругом было полно народа. Течения толпы прихотливо переплетались, сталкивались, кружились вокруг торговых рядов. Но с тем было видно, что люди норовили пребывать в заманчивой тени портиков.

– Ну, нашли, наконец!... – радостно произнёс Раис.

Приноровившись, мы органично и даже с некоторым артистизмом вписались в многочисленные потоки, что, разумеется, для нашего человека особенного труда никогда не составляло, ибо он, наш человек, с малолетства приобретает тугоплавкую закалку среднестатистического горожанина и не понаслышке знает: почём фунт лиха и центнер живого веса в час пик, а уж стихийные законы движения толп, по сравнению с которыми броуновский хаос выглядит стройной системой, для него ясны и понятны как снег в январе.

Итак, мы влились в общий поток и потекли в толпе, проникая внутрь портиков и обходя все торговые точки с обстоятельностью завязтых шопоголиков. И словно попали в калейдоскоп, вертящийся так и сяк как балаганная карусель и складывающий всё новые и новые пёстрые узоры из ярких красок.

Изумительное изобилие всевозможного продовольствия в первозданном своём не обременённом цивилизованными упаковками виде было великолепно и потрясающе. И чего только там не имелось!

Рядами стояли распяленные мешки и высокие плетёные корзины, доверху набитые бобами, фасолью, каштанами, чечевицей, горохом сушёным, лущённым и просто в стручках; хрустело под ногами рассыпанное пшено, и вездесущие воробьи лихо склёвывали зёрнышки прямо из-под ног.

На холщовых подстилках высились пирамиды из разлохмаченной капусты, пупырчатых огурцов, оранжевой с белым налётом моркови; красовались целые горы свежего салата, радовавшего глаз нежной своей зеленью, вповалку лежала отменная репа, располагались аккуратные кучки чеснока и внушительные кучи отливавших перламутровыми боками луковиц; громоздились друг на дружке тыквы – не привычные нам пузатые как китайские фонари, а бутылочные.

Целый ряд отведён был оливкам. Продавались как свежие, сложенные в корзины, так и солёные, густо плававшие в рассоле в глиняных глубоких посудилах. Здесь же продавалось и оливковое масло. Загорелые, бойкие до навязчивости продавцы медными черпачками зачерпывали его из широкогорлых ведёрных амфор и, громко расхваливая товар, проливали густую жёлтую струей обратно.

Мы вышли к ряду, где продавали снедь фруктовую: перво-наперво присутствовал виноград – просто горы лакомых гроздьев, светившихся сквозь матовый налёт затаённым огнём разных оттенков – от нежно-золотистого до густо-багрового; помимо того имелись: медовые дурманившие пчёл груши, янтарный просвечивавший на солнце инжир, фиолетовые пускавшие блики, словно лакированные, сливы, бугристые гранаты, яблоки всяческих калибров и всех светофорных цветов, – и всё это в такой аппетитной живописности и в таком изобилии, что сводило скулы.

– Однако, грушу хочу, – заявил Раис и свернул к прилавку, где имелись особенно смачные, чуть ли не лопающиеся от сока, плоды, разложенные по низким широким корзинкам.

Продавец – вертлявый малый с оттопыренными ушами – яростно уговаривал потенциального покупателя отведать товар. Но тот на поэтические описания невиданных достоинств данных фруктов лишь поморщился с сомнением, а затем и вовсе ушёл.

Продавец, увидев нас, поначалу изумился, а потом схватил одну грушу, протянул её нам и замычал, делая свободной рукой странные жесты.

– Чего мычишь? Мы, чай, по-латински кумекаем, – важно сказал Раис и указал на самую большую доверху полную корзину. – Нам вот эту корзинку давай...

Продавец мигом возрадовался и обрушил уже на нас поток рекламы, предрекая несомненный праздник вкуса.

Раис достал из кармана золотой ауреус и, протянув его торговцу, настороженно спросил: – Хватит?...

У торговца отвисла челюсть; он как-то сразу согнулся и, растерянно заулыбавшись, забормотал, что ему очень приятно услужить столь богатенькому варвару, но вот только сдачи у него столько не наберётся, даже если он продаст все свои фрукты по двойной цене, и, вообще, может всё же у богатенького варвара найдётся по квадранту, то бишь, по четверти асса за грушу, а вместе – продавец быстро сосчитал плоды в корзине – три асса и ещё один асс за корзинку, итого четыре асса, коими он полностью и удовлетворится.

Раис растерянно отобрал у торговца золотую монету и сунул взамен серебряный денарий.

Римлянин торопливо выудил из-за пазухи висевший на шее кожаный кошель, начал в нём сосредоточенно рыться, доставая по одному медные кругляки и кладя их на прилавок.

– Сдачу возьми, – скомандовал Раис Лёлику, а сам схватил корзину и поспешил в сторону.

Мы последовали за ним, на ходу разбирая груши и тут же впиваясь в их ароматную мякоть, так и брызгавшую сладким соком.

Лёлик заметался между сдачей и корзиной, затем пригляделся с отвращением к нарасставшей куче медяков, плюнул и бросился за своей долей, на ходу бросив:

– Сдачи не надо!...

Торговец окончательно одурел, но уже с некоторым оттенком счастья, и стал приглашать заходить ещё, ещё и ещё.

Раис, мрачно посмотрев на торопливо занявшегося трапезой Лёлика, пробурчал:

– Экономить надо... Копейка не казнённая, а трудом добытая.

– Вот и таскай сам медяки гадкие. Небось, привычный, вон на башке меди-то сколько, – огрызнулся Лёлик и в сердцах швырнул огрызком в зазевавшегося голубя.

Мы разобрали последние плоды и пошли дальше; Раис, вздохнув с сожалением, поставил корзину на землю, тут же подхваченную ловким босяком.

– Однако, подкрепились, – сказал довольно Боба.

– Ерунда это, – с надрывом воскликнул Раис. – Баловство одно. Мясца бы надо!...

Мы обогнули фонтан, попавшийся на пути, предварительно, конечно, щедро умывшись, и попали в новые торговые ряды, где имелось изобилие цветочное.

На прилавках рядами стояли глиняные миски и баклаги, в которых уютно чувствовали себя целые снопы и охапки произведений Флоры. Пышные бутоны, шарообразные соцветия, изящные колокольцы, нагретые солнцем, источали прихотливые ароматы. Наибольшим почётом пользовались розы, плававшие в отдельных мисках; на их бархатных лепестках маленькими бриллиантиками сверкали симпатичные капли.

Пренебрежительно поглядывавший по сторонам Раис внезапно изобразил нечто наподобие стойки и начал жадно принюхиваться.

– Ты чего это учуял? – подозрительно поинтересовался Серёга и тоже на всякий случай зафыркал носом.

– Небось, ещё какие-нибудь орхидеи ненужные, – поторопился брюзгливо предположить Лёлик, успевшей где-то зацепить ядовито-жёлтый цветок со множеством лепестков и изводивший его мечтательным выдёргиванием оных по принципу "любит – не любит".

– Ха! – небрежно бросил Раис, а потом со значением добавил: – Я цветы не кушаю. А пахнет жареным, – после чего заторопился вперёд.

Торговая площадь закончилась.

– Куда теперь? – спросил Боба Раиса.

Тот молча поспешил в узкий переулок.

За переулком оказалась ещё одна площадь, также застроенная точно такими же П-образными торговыми рядами. И здесь народа было столько, что о вольготном передвижении приходилось только мечтать.

Раис, поводя носом как ищейка, сунулся в первые ряды. Там продавались дары царства Нептуна. На каменных прилавках щедро навалена была разнообразная рыба: от отливавших серебром кучек всякой мелюзги до полутораметровых упитанных тунцов. Возвышались горки бурых раковин разнообразных форм и размеров, сморщенными мехами лежали осьминоги, лупила глупые зенки камбала, торчали угловатым кустарником ходульные ноги здоровенных крабов. Отдельно как брёвна лежали осётры с дерзко загнутыми носами и костистыми наростами на зеленоватой шкуре.

Посередине двора находилось круглое сооружение: под куполообразной крышей, опиравшейся на колонны, имелся неглубокий бассейн, в котором густо плескалась живая рыба. Продавцы с длинными сачками в руках по указке покупателей вылавливали приглянувшиеся экземпляры. Тут же купленную рыбу чистили и разделявали. Кругом разбросана была чешуя. Внутренности собирали в узкогорлые глиняные кувшины, откуда ощутимо несло смрадом. Вокруг крутились сытые кошки с наглыми мордами, которым то и дело перепадал кусочек.

Немного в стороне всё это рыбное богатство жарилось на медных сковородках в кипящем масле, запекалось в углях, варилось в глиняных кастрюлях и наперебой предлагалось прохожим.

– Однако, нюхалка работает, – уважительно покивал Серёга.

– Не то это! – поморщился Раис. – Сегодня не рыбный день. А жарят мясо... Вон там... Небось, вкусно... – он в умилении зажмурился и прямо в таком состоянии продолжил движение к источнику лакомых запахов.

Мы протолкались сквозь толпу и очутились в следующем ряду, где, действительно, нашли искомые мясные продукты.

Словно ёлочные игрушки висели на стенах лавок нанизанные на крюки куски туш, на каменных прилавках лежали перламутровые внутренности, комья жёлтого жира и ободранные коровьи, овечьи и свиные головы, громоздились бледные тушки кур, гусей, цесарок, ещё каких-то мелких птиц чуть крупнее воробья. Дюжие мясники в кожаных фартуках, лихо махая неуклюжими топорами, разделявали на дубовых колодах цельные туши. Предлагали здесь и готовые продукты: розовую ветчину, копчёные рёбра, свиное сало, колбасы всевозможных сортов: кровяные, вяленые, прокопчённые до черноты, сыры, прикрытые полотняными тряпочками, яйца, лежавшие в корзинках со стружкой, творог в деревянных мисках, молоко в сосудах, похожих на кринки с ручками.

Отдельно продавалась охотничья добыча: туши оленей, диких коз, кабанов, которых предлагалось особенно много: от полосатых поросят до матёрых секачей с внушительными клыками. Кучами лежала пернатая дичь: куропатки, перепёлки, лебеди, самые обыкновенные голуби, дрозды и даже журавли.

Какой-то коротышка с обрюзгшим лицом обиженного евнуха пухлыми пальцами в перстнях копался в фазанах, настолько свежих, что даже радужное оперение их не успело ещё поте-

ряд нарядной яркости, перекалывал по одной птичке в корзину, которую держал крепкий раб в опрятной тунике. Кто-то в толпе сказал вполголоса, что это личный повар Цезаря.

Раис, не отвлекаясь по сторонам и ловко лавируя в толпе, вскоре вывел нас к искомому месту, где над медной жаровней в виде глубокого таза, полной пышущими жаром раскалёнными угольями, попевала на вертеле мясистая баранья ляжка.

– Эй, эй, мы берём! – бросился с криками к крутившему неспешно вертел коренастому дядьке Раис.

Дядька, не глядя на нас, задумчиво почесал за ухом, потыкал в ляжку поднятой с земли щепочкой и сердито сказал:

– Не готово ещё.

– Ну вот... – Раис расстроился и убито уставился на мясо, но затем встрепенулся и, веско чеканя слова, заявил: – А мы ждать будем!

Кашевар взглянул на нас, удивлённо хмыкнул, и высказался:

– Ничего себе! Варвары!... А вы, варвары, небось, мясо-то сырым жрёте?

– Мы трепачей сырыми жрём! – свирепо процедил Серёга и добавил: – Давай, крути педали, пока не дали!

Дядька захотел было продолжить дискуссию, но, увидев увесистый Бобин кулак, решил не усугублять. Взамен он с кислой миной ещё разок потыкал мясо, потом стянул ляжку с вертела и, примостив ее на плоскую широкую каменную плиту, тут же лежавшую на земле, стал принаравливать обкромсать длинным ножом.

– Эй, эй, чего творишь?! – заорал Раис. – Мы всё берём и в цельном виде!

Кашевар убрал нож, протянул руку и процедил:

– Десять сестерциев.

Боба отсчитал монеты. Дядька их принял и без единого слова удалился.

– Ну, налетай! – сглатывая шумно, пригласил Раис и выхватил топорик.

– А что ж без хлеба? – недовольно проворчал Лёлик, но, тем не менее, первым отхватил штыком изрядный кус и запихнул его в рот.

– А вон и хлеб идет! – весело проинформировал Боба и замахал приглашающе кому-то рукой.

Из толпы выскочил бойкий подросток. На шее у него висел объёмистый лоток, на котором горкой лежали круглые пшеничные лепешки.

– Почём? – коротко осведомился Джон.

– Один асс две штучки, – ответил паренёк, недоумённо нас разглядывая.

Мы взяли по лепешке и предались чревоугодию. Конечно же, особенно усердствовал Раис, ловко вырубавший из ляжки увесистые куски и с достойной удивления скоростью их заглатывавший.

Из толпы вынырнул пацан дошкольного возраста в немыслимо грязной тунике и бочком подрулил к нам. Хитрая чумазая его рожица ясно давала понять, что её хозяин со временем непременно предполагал заделаться продувной бестией. Пацан шагнул осторожно, остановился, шагнул ещё; затем, уверившись в нашей относительной безобидности, деловито спросил:

– Эй, варвары, понимаете, что ли, по-латински?

– Ну, понимаем, – важно ответил Серёга.

Тогда оголец жалобно сморщил нос и цыганским речитативом заканючил:

– Подайте бедному голодному сиротке на пропитание! Подайте, я вам говорю! – при этом он звонко хлопал себя по круглому как глобус животу, видневшемуся в изрядной прорехе.

Естественно, мы не могли остаться безучастными к голодавшему детству и оттого немедленно соорудили из имевшегося провианта увесистый бутерброд.

Но малец неожиданно скорчил презрительную рожу, брезгливо отодвинул протянутый паёк и, независимо заложив руки за спину, высокомерно отвернулся.

– Ишь ты!... – изумлённо протянул Раис и от удивления перестал есть.

– И чего ж тебе надо? – спросил огольца Джон.

Тот насупился и напористо пробурчал:

– Чего, чего... Денежку давай!

– Ого! – развеселился Серёга. – Молодец! Узнаю себя в детстве, – затем пошарил в кармане и выудил пару монет. – На, пацан!

Малец принял в ладошки щедрый дар и шустрым козлёнком принялся скакать вокруг Серёги и даже вроде бы обнял его словно младший братик. Серёга от столь нежной благодарности растроганно заухмылялся; похлопал осторожно мальчика по худеньким плечикам, а тот вдруг отскочил прытко с довольной физиономией и, блестя воровато глазёнками, шмыгнул в толпу.

– Подозрительный какой-то, – с сомнением покачал головой Раис, нехотя дожёвывая очередной кусок. – Я когда ребёнком был, никогда от угощения не отказывался.

– Ага... – с рассеянной улыбкой невпопад пробормотал Серёга, углубившийся в себя, где происходило неприкрытое смакование совершённого доброго поступка, не имевшего доселе аналогов в Серёгиной биографии.

– А я говорю: подозрительный!... Не жрёт ничего! – с навязчивой настойчивостью закричал Раис.

– Ну? – продолжая отрешённо улыбаться, сказал Серёга; но вдруг улыбка стала медленно сползать с его лица, он побледнел, похлопал себя по накладному карману и растерянно произнёс: – Мужики, а он у меня гранату свистнул!...

– Ну я же говорил! – всплеснул руками Раис в благородном негодовании.

– Однако... – пробормотал Джон и завертел головой, вглядываясь в толпу.

– Какую стянул? – осведомился Лёлик.

– РПГешку, – ответил нервно Серёга.

– Да вон он!... – Боба ткнул пальцем, первым обнаружив с высоты своего роста юного воришку.

В метрах двадцати от нас позади торгового ряда монументально располагался массивный котёл на трёх ногах, под которым горел костёр. Малец, примостившись рядом на корточках, как раз вкатывал в огонь нечто подозрительно яйцеобразное.

Мы остолбенели.

К мальцу сзади подкрался толстый мужик в замызганной тунике, схватил его за ухо и, разразившись руганью, наподдал сорванцу могучего пинка, отчего тот, пролетев пару метров, шлёпнулся плашмя, с рёвом вскочил и стремительно удрал.

Мужик беззаботно повернулся к огню задом и начал копать в куче поленьев. Мы же, как лягушки на змею, продолжали оцепенело смотреть на костёр, чреватый взрывом.

– Ложись... – кто-то из коллег просипел сдавленно, и мы, будто выведенные из ступора, мешками повалились на землю.

И тут же тускло блеснула вспышка взрыва, и громко бухнуло; котёл с медным гулом взлетел в небо и страшно грохнулся оземь.

Народ, присутствовавший поблизости, заголосил, но, на удивление, не слишком и панически. На месте костра дымилась воронка; вокруг неё, вопя нещадно, носился кругами мужик, держась руками за окровавленные ягодицы. Более пострадавших не наблюдалось. Похоже было на то, что основной удар пришёлся на котёл.

Мы вскочили, очумело отряхиваясь.

– Шухер, смываемся!... – Серёга втянул голову и засеменил, убыстряя шаги, куда подальше.

Мы без задержек последовали за ним. Раис дёрнулся было хватать оставшийся недоеденным харч, но лишь махнул с отчаяньем рукой и бросился догонять коллектив.

Глава 7. В которой герои знакомятся с клиентом Валерой, который за обещание не обидеть соглашается потрудиться в качестве чичероне.

Направление мы держали к видневшимся невдалеке домам, у которых рыночная площадь заканчивалась. Мы шмыгнули в тесный переулок, быстро прошли его и выскочили на улицу, на удивление безлюдную.

Мы перевели дух и пошли медленно и чинно. Улица, попетляв замысловато, вывела нас на пустырь, на котором неопрятно громоздились развалины большой инсулы. Мы остановились поглазеть.

- Ничего себе! – удивился Серёга. – Никак бомбёжка была.
- Бомбы ещё не придумали, – сказал Лёлик. – Да и бомбардировщиков нету.
- А чего ж тогда дом-то так рухнул? – не унимался Серёга.
- Да кто его знает... – лениво процедил Раис, усердно ковыряясь в зубах.

Непонятно откуда взявшись, возле нас нарисовался римлянин праздного вида. Был он худощав, моложав, черняв, кудряв, чисто выбрит и выглядел заправским плутом. На нём была вполне приличная туника почти что белого цвета; в руках он держал какой-то сверток.

Римлянин стал внимательно разглядывать развалины, критически хмыкать, бормотать себе что-то под нос. Потом принялся покачиваться с пяток на носки и коситься на нас хитрым глазом, то поджимая губы, то вытягивая их в трубочку.

- Чего это он всё зырит и зырит? – недовольно спросил Серёга на родном языке.
- Шпион, может?... – нервно предположил Лёлик также не на латинском.
- Мутный какой-то, – согласился Раис и, скорчив гневную гримасу, предложил: – Может топориком тукнуть да сховать в развалинах?

При этом он почему-то за свой топорик хвататься не стал и даже отошёл от римлянина подальше.

– Душегубцами стать всегда не поздно, – пробормотал Джон и, солидно откашлявшись, спросил римлянина уже по-латински: – Слышь, друг, а с чего это дом такой разрушенный?

– Ух ты! – удивлённо воскликнул римлянин, словно узрел заговорившую зверушку, потом захихикал, словно после зверушки увидел клоунов, и спросил: – А вы чего, варвары, что ли?

- Нет! – мрачно заявил Серёга. – Римлянцы мы самые натуральные.
- А одеты так, – поддержал его Лёлик, – потому что в командировке были... В дальних странах... Только приехали...

Римлянин недоверчиво ухмыльнулся, покачал головой и продолжил любопытствовать:

– А из каких краев будете?

Раис нахмурился и недовольно пояснил:

– Из Скифляндии. Скифляндцы мы.

– А-а, скифы, – проявил осведомлённость абориген. – Говорят, там у вас чудища со львиными туловищами и орлиными головами обитают. Грифонами зовутся. Несметные сокровища сторожат.

– Орлы у нас водятся двуглавые, – сообщил Лёлик, явно имея в виду изобретение византийской геральдики, прижившееся на родимой почве.

Римлянин понимающе угукнул и поинтересовался:

– А где вы так хорошо на латыни разговаривать выучились?

– В школе, где же ещё! – гордо пояснил Серёга, в ученические свои годы редко посещавший данное почтенное заведение.

– Ишь ты! – удивился римлянин. – И у вас, значит, школы есть.

– А как же! – солидно сказал Раис.

– А ты сам-то кто будешь? – дружелюбно поинтересовался Боба у римлянина, почесал затылок и конфузливо уточнил: – Из патрициев али плебеев?

Римлянин хмыкнул, удивляясь столь глубоким познаниям явных варваров в социально-гражданском устройстве римского общества, после чего не без важности представился:

– Я Валерий Туллий Маниций, римский гражданин.

– А чем занимаешься, Валера? – панибратски спросил Серёга.

Наш новый знакомый приосанился, выставил вперёд ногу в потрёпанном башмаке и спесиво сказал:

– Я клиент Гая Кассия Лонгина.

– Клиент? – удивился Серёга. – Так он что, цирюльник? А чего тогда в очереди не сидишь?

Валерий уязвлённо сморщился и кичливо воскликнул:

– Он патриций и уважаемый человек!

– И зачем ты тогда клиент? – безмерно удивился Серёга. – Что делаешь-то?

Римлянин посмотрел на нашего коллегу уничижительно и объяснил величаво и подробно:

– Я нахожусь под его покровительством. С утра к нему прихожу, приветствую его, потом, если надо, сопровождаю куда он идёт. Также выполняю всякие его поручения... Советы даю... И, вообще, помогаю всячески... А за это он мне помогает... Материально... Вечерами трапезничаю с моим патроном...

– Важный ты! – сказал Раис и живо поинтересовался: – А ты один такой?

– Ну нет... – скучно ответил Валерий. – Чем влиятельнее патриций, тем больше у него клиентов.

– Короче, шестёрка, – резюмировал по-своему Серёга.

Валерий подумал и добавил аргумент в свою пользу:

– Мой патрон меня больше всех ценит и поручает самые серьёзные дела. Вот и сейчас я здесь по его поручению. Как раз насчёт этих вот развалин.

– И чего тут? – спросил Джон.

– Это была инсула Помпония, отпущенника Красса, – сказал Валерий.

– Отпущенника? – с нехорошим подозрением переспросил Серёга. – А чего это этот Красс его опустил?

– Не отпущенника, а отпущенника, – поправил Лёлик. – Рабом сначала был, а потом его отпустили.

– А-а, – успокоился Серёга.

– Помпоний-то ещё тот выжига, – продолжил пояснения Валерий. – Когда строил, сэкономил на материалах. Сваи вместо кирпичных поставил деревянные, для кладки вместо красной порцеланы взял дешёвую серую, а сам маханул пять этажей. Дом-то ещё перед мартовскими идами трещину дал от крыши до земли, а он только подпорки поставил да всё жильцов успокаивал.

– И что? – заинтересованно спросил Боба.

– Ну и рухнул домишко, – с удовлетворением сказал римлянин. – Без малого с десятков жильцов задавило да покалечило. А меня сюда патрон послал посмотреть: что и как. Хочет место это купить да сам дом построить.

– Слышь, Валерик, а тебе когда к этому своему патрону с докладом идти? – осведомился Джон.

– Ну, вечером, – сказал римлянин и посмотрел на нас с хитрецей.

– А не хотел бы ты нам немного Рим показать, места всякие интересные, – предложил Джон.

– Ага! – подхватил Лёлик. – Устроить, так сказать, экскурсию для гостей вашего города.

– Гости нашего города?!... Так вас что, сенаторы пригласили?! – несказанно удивился римлянин.

– Да нет, мы сами по себе, – скромно признался Лёлик.

Валерий задумчиво почесал затылок, скроил прехитрую гримасу и сокрушённо покачал головой:

– Занят очень... Но, впрочем, могу и показать... Только времени совсем нет... – после чего замолчал выжидательно, при том явно никуда не торопясь.

– Не бойся, не обидим! – многообещающе заявил Серёга и хлопнул римлянина по плечу так, что тот чуть не свалился.

– Ну так как? – уточнил Раис и позвенел в кармане монетами.

Римлянин наострил уши и, вздохнув притворно, согласился:

– Ну что ж! Гостеприимство в крови римлян. Что бы вы хотели посмотреть?

– Ну-у... – начал было высказывать пожелания Лёлик.

– Колизей! – широко улыбаясь, перебил его Боба.

– А это чего? – озадаченно спросил Валерий.

– Ну, где гладиаторов показывают... – неуверенно пояснил Боба.

– Гладиаторские бои у нас в Амфитеатре бывают или в Большом Цирке, – сказал римлянин.

Лёлик украдкой подлез к Бобе и, саданув его локтём в бок, прошипел:

– Колизей ещё не построили...

– Короче, ты показывай, а мы посмотрим, – чётко резюмировал Серёга.

– Ну, тогда на Форум пошли, – сказал Валерий. – Мне там как раз надо одного человечка найти.

Под предводительством нашего новоиспечённого чичероне мы, наконец, продолжили свой путь. Римлянин повёл нас какими-то закоулками и кривыми улочками, объяснив, что так будет короче.

Дома тут были совершенно обшарпанные. Из открытых окон доносились запахи подгоревшей пищи, к которым мощной нотой примешивался зловонный смрад нечистот. В одном из дворов обнаружился источник сего аромата: сооружённая посредством бутовой кладки будка классических размеров с крышей из почерневших досок и кривой дверцей.

Как раз дверь заскрипела, открываясь, и начал вылазить оттуда, одёргивая тунику, абориген средних лет. Узрев нас, он на секунду опешил, а потом на всякий случай юркнул обратно.

– Глянь, Лёлик, – сказал Боба. – Сколько времени прошло, а у тебя сортир такой же. Никакого прогресса.

– Ещё хуже, – хмыкнул Джон. – Тут каменный, а у него деревянный...

– Вот, вот, – обличительно произнёс Раис. – В щелях весь! Мне всю спину продуло!...

Лёлик обиделся и проворчал:

– Вот вернёмся, замок повешу и вообще вас пускать не буду.

– А мы тебе тогда огород заминируем, – с доброй улыбкой пообещал Серёга.

Миновав зловонный двор, мы пошли по очередной кривой улице с неказистыми домами, пропахшей также отнюдь не парфюмерией.

Из стены одного коряво отштукатуренного дома торчали длинные жерди, на которых были развешаны мокрые ткани. От них густо шибало тяжким запахом мокрой шерсти, щедро приправленным аммиачными миазмами.

– Ну и вонизм развели! – прогундел недовольно Лёлик, зажав нос.

Из дома через распахнутую двухстворчатую дверь слышались специфические звуки кипевшей работы: мокрое хлопанье, чавканье, удары, деловитые крики.

– Это что за учреждение? – спросил Раис, морщась и фыркая.

– А тут сукновальня, – пояснил Валерий. – Суконные ткани выделывают. А заодно старую одежду обновляют, а грязную стирают.

– Прачечная, значит! Хорошо! – обрадовался Раис. – Надо будет ношеное обмундирование сдать на постирушку! А то прямо завонял весь! – и в доказательство со вкусом понюхал у себя под мышкой.

У двери дома стояла большая, литров на пять, широкогорлая амфора истасканного вида. Шедший вразвалочку впереди нас мужик свернул к данной посудине, встал перед нею, деловито задрал подол туники и начал прямо в амфору справлять нужду, малую по форме, но совсем немалую по содержанию.

– Ничего себе!... – пробормотал Джон и остановился как вкопанный.

Остановились и мы. Мужик закончил, оправился и как ни в чём не бывало пошёл дальше.

Тут же из дверей выскочил шустрый малый в донельзя замызганной бесстыдно коротенькой тунике, более похожей на распашонку, одетую смеха ради на взрослую личность. Был он босой; ноги его до бёдер были выпачканы чем-то бурым и мокрым. Малый заглянул в амфору, обрадованно ухмыльнулся, словно узрел долгожданный подарок, подхватил посудину и с явной натугой поволок её в помещение.

– Неужто мужик столько за раз напрудил?! – ахнул Раис.

– Да нет, тут много народу поучаствовало... – кривясь и морщась, ответил Валерий, явно не благоволя теме разговора.

– А что это вообще за услуга такая? Пруди кто хочешь. Денег не берут. Общественная нагрузка, что ли? – спросил Джон.

– Да нет... – проямлил Валерий. – Сукновалы грязную одежду в этом замачивают... Хорошо грязь убирает...

– Ну ничего себе! Когда же порошок "Лотос" придумают? – воскликнул Боба.

– Ну что, одежонку свою отдашь постирать? – ехидно спросил Лёлик Раиса.

Тот хмуро хмыкнул и заявил твёрдо:

– Повременю!...

Наконец, закоулки закончились, и мы вышли на широкую улицу, на которой народу было особенно много, причём люди здесь не бегали как оглашенные, а фланировали чинно, и одеты все были почище и побогаче.

– Это у нас Священная дорога, от Палатина к Форуму идет, – проинформировал наш гид. – Тут всякие лавки кругом, изысканными товарами торгуют.

Улица выглядела симпатично. Дома здесь были все как на подбор приятной архитектуры. Почти в каждом доме на первом этаже помещалась торговая точка, маня яркими вывесками и распахнутыми дверями. Для интереса мы заглянули в парочку. Продавали здесь ювелирные украшения, изящные статуэтки, мозаичные и живописные картины. Римляне не столько покупали, сколько разглядывали предлагаемый товар, вслух восхищаясь приглянувшимися вещами или критикуя то, что не соответствовало их тонким эстетическим запросам.

Совсем скоро впереди стали видны высокие здания с колоннами классического стиля.

– Вот мы и к Форуму подходим, – проинформировал Валерий.

В сопровождении двух мужиков с топориками в связках из прутьев навстречу нам прошагал важного вида римлянин с желчным лицом, закутанный в белую тогу с пурпурным краем.

Валерий со всем уважением ему поклонился, на что тот никак не отреагировал, а потом пробормотал:

– Что-то быстро сегодня судебные дела закончились...

– Откуда узнал? – не понял Серёга.

– Так это претор прошёл. Который суд вершит, спорные дела разбирает, приговоры выносит, наказания виновным определяет, – пояснил Валерий. – На Форуме там специальное место для этого есть. Трибунал называется.

Серёга поскущел и пробормотал:

– Ничего себе... У них тут сразу под трибунал... – а потом спросил Валерия: – А как, к примеру, у вас тут наказывают тех, кто стянул что-нибудь?

Валерий пожал плечами:

– Ну, это в зависимости кто: свободный гражданин или раб. Или чужестранец какой...

– Ну а если чужестранец? В тюрьму на сколько сажают? – продолжил расспросы Серёга.

Валерий хмыкнул:

– Зачем в тюрьму? Римское правосудие с негражданами не церемонится. Душегуба на крест, вора в цирк на игры.

– Это во что играть? – удивился Серёга.

– Зверям диким отдают на растерзание или гладиаторам перед боями поразмяться, – пояснил Валерий.

Серёга поскущел, насупился и торопливо спрятал свежеприобретённое ожерелье от посторонних глаз за пазуху.

В конце улицы стоял слева небольшой двухэтажный дом, сложенный из плохо отёсанных каменных блоков. На первом этаже окон не было; имелась только глухая массивная дверь, сплошь покрытая бронзовыми барельефами. Окна на втором этаже были закрыты деревянными решётчатыми ставнями.

– Здесь весталки живут, – показал на дом Валерий. – Жрицы богини Весты. Священные девственницы.

– Девственницы?... – умильно переспросил Джон и пробормотал под нос цинично: – Девственницы, давственницы...

– А ежели какая из них согрешит, – продолжил Валерий, – так её за это живём в землю закапывают.

– Гм! – помрачнел Джон и пробормотал: – Экое варварство... Было бы за что!...

– А вот и храм Весты, – указал Валерий на стоявшее прямо на нашем пути небольшое круглое окружённое колоннадой здание, всё разрисованное праздничными арабесками, словно конфетная бонбоньерка. – Здесь горит неугасимый священный огонь. А весталки обязаны его поддерживать и днём, и ночью.

Прямо за храмом имелась четырёхугольная невысокая загородка из камня, внутри которой ничего не было.

– А чего пустоту огородили? – спросил любознательно Боба.

– А сюда когда-то молния ударила. Стало быть, священное место. Вот и огородили, – пояснил Валерий.

Вокруг загородки кучковались люди, неторопливо между собой переговаривавшиеся.

– А это ростовщики тут собираются, – наш гид посмотрел на них с явной неприязнью.

Мы миновали ударенное молнией место и, пройдя меж двух стандартного вида храмов, очутились на вымощенной гладкими плитами площади – не очень широкой, но зато вытянутой далеко вперёд.

Здесь было особенно многолюдно и шумно. Люди стояли кучками, живо разговаривали, прогуливались неторопливо. Многие были одеты в тоги. На нас сразу стали обращать внимание, отпускать вслед шуточки всё на ту же тему глупых варваров, попавших прямиком в очаг цивилизации.

– Вот ведь дикари! – покачал головой Боба. – Словно никогда варваров не видели...

Валерий повёл нас по площади вперёд.

Справа потянулось длинное здание с аркадами в два этажа, облицованное бежевыми плитами.

– Это базилика Эмилия, – сказал Валерий. – Тут всякие торговые и денежные дела решаются. Да и, вообще, народ прогуливается.

В тени галереи расположилась группа римлян, азартно предававшихся местной игре. Прямо на каменной плите пола вырезаны были клетки, по которым игроки двигали разноцветные камешки.

Тут же сидел на подстилке, поджав ноги, безумного вида тип, одетый в бесформенную хламиду, с длинным колпаком на голове, к которому были пришиты разноцветные ленточки. Он монотонно раскачивался и завывал как тревожная сирена:

– Египетская магия! Гадаю, предсказываю, призываю милость богов! Египетская магия!

...

Мы прошли дальше.

Слева шло строительство какого-то очень обширного здания. Пока сложен был только высокий цоколь из крупных каменных блоков. Один такой блок как раз устанавливали при помощи рычагов и канатов, хитроумно прилаженных к здоровенному П-образному сооружению из толстых сосновых брусков.

Рядом со стройкой стояло несколько телег. Полуголые рабы, мокрые от пота, под прищмотром мордастых здоровяков разгружали с телег мраморные плиты.

– Это Юлий Цезарь свою базилику строит, – сказал Валерий.

Голос его был недовольным и брезгливым, словно речь шла о гадком проступке.

– Когда Галлию завоёвывал, нагребил там золота корзинами. Теперь вот решил римскому народу подачку учинить, – добавил наш гид, продемонстрировав явную нелояльность к данной личности.

За стройкой виден был крутой каменистый холм, на котором за крепостной стеной древнего вида возвышалось величественное здание с колоннадой. Его крыша под медной черепицей ярко блестела на солнце.

– А это холм Капитолийский, – с гордостью сказал Валерий. – А на нём храм наш главный, Юпитера Капитолийского. Самый большой во всей Ойкумене!

– Может, ещё скажешь, что больше египетских пирамид? – саркастически хмыкнул Лёлик.

Валерий озадачился, почесал затылок и поинтересовался:

– А вы, что, в Египте бывали?

– Не бывали, но пирамиды видели! – веско доложил Лёлик.

Валерий глубоко задумался, пытаясь сообразить: как это можно – не бывать в Египте, но тамошние пирамиды видеть.

– Слышь... – тихонько спросил Серёга Лёлика. – А что это за страна такая Ойкумена.

– А это древние так называют всю землю, населённую людьми, – пояснил Лёлик.

Прямо посередине Форума стоял небольшой, размером с сарайку, храм под бронзовой крышей с двумя расположенными напротив друг друга арочными проёмами. Двери в них были настежь распахнуты. Внутри наблюдалась статуя, изображавшая субъекта с двумя лицами – одно было на своём месте, а другое на месте затылка.

– А это храм двуликого Януса – нашего древнего италийского бога войны и мира, – пояснил Валерий, оторвавшись от раздумий, а потом с непонятным удовлетворением заметил: – Вишь, двери-то всё раскрыты!

– Ну и что? – не понял Джон.

– Двери в этом храме закрываются только тогда, когда великий Рим ни с кем не воюет, – гордо разъяснил Валерий. – А как рассказывают, это было только два раза за всю историю Рима,

начиная со времён самого царя Нумы Помпилия, который этот храм и построил. А построил он его шестьсот лет назад.

– Мирные вы люди... – покачал головой Джон.

За храмом Януса имелся целый выводок статуй местных деятелей – как пеших, так и конных – в горделивых позах, в тогах с эффектными складками или чеканных доспехах, с мудростью во взорах. В ряд стояло несколько высоких столбов с крылатыми девушками наверху. Далее возвышалась колонна из бежевого мрамора простой формы, к которой приделаны были бронзовые корабельные якоря и какие-то сильно выступавшие вперёд штуки.

– Ростральная колонна, – сообщил Валерий. – А на ней якоря и тараны захваченных карфагенских кораблей. Война у нас тут двести лет назад была с Карфагеном.

– Знаем, слышали, – проворчал Лёлик и повторил крылатую фразу Катона Старшего: – Карфаген должен быть разрушен.

Валерий уважительно посмотрел на нашего эрудита и с удивлением хмыкнул.

– А у нас тоже ростральные колонны есть, – похвастался Боба. – Две штуки. В одном городе.

Наш гид взглянул теперь на Бобу и снова хмыкнул, но уже недоверчиво.

В конце площади имелась обширное закруглённое возвышение в виде трибуны, облицованное резными мраморными плитами, на которых красовались бронзовые накладки в виде корабельных носов.

За ней имелся красивый храм с колоннами из красного с жёлтыми разводами мрамора с пышными коринфскими капителями. Треугольный фронтон храма был украшен мраморным барельефом, изображавшим целый взвод фигур в картинных позах.

Дальше за храмом виднелось ещё одно строение на высоком, с пару этажей, цоколе с аркадой из сдвоенных колонн, закрывавшее дальнейший обзор.

– Это храм Конкордии, то бишь, согласия между народом и Сенатом, – Валерий указал на храм, – а там Табулярий, то бишь, государственный архив.

Мы подошли к трибуне, около которой толпилось много людей, предававшихся, в основном, оживлённым дискуссиям.

– А это вот Ростра, – показал на трибуну Валерий, – Тут у нас римские граждане собираются для обсуждения вопросов всяких государственных. Кто хочет, тот выступает. Так сказать, волеизлияние народа, демократия, свобода мнений, – римлянин посмотрел на нас оценивающе и добавил: – Ну, это вам не понять. У вас, поди, царьки правят.

– Да нет, – солидно ответил Джон. – У нас тоже демократия... – потом подумал и добавил: – Но правят царьки...

– Привет, Валерий! – гаркнул под ухом краснолицый малый в мятой тунике с повадками перевозбуждённого холерика. – Что-то ты задерживаешься? – Увидев нас, малый вытаращил глаза и, захохотав, живо спросил: – Что это за чучела с тобой?

– Да это варвары из Скифии, – пояснил Валерий. – У меня тут с ними дела торговые... – соврал он со значительным видом.

– Да ну? – с явной издёвкой воскликнул малый, после чего потянул его за собой: – Пойдём, все уж собрались.

– Вы тут постоитте, а я сейчас, – сказал нам Валерий и ловко влез в толпу.

Мы отошли несколько в сторону и встали там, поглядывая по сторонам. Народ поначалу разглядывал и обсуждал нас, но затем занялся своими делами.

Рядом с нами два римлянина в тогах вели оживлённую дискуссию. Один из них был по местным меркам высок, имел морщинистое лицо с гордым носом и тонкими бесцветными губами. Его собеседник, напротив, был упитанным коротышкой с розовым лицом, плавно переходившим в блестящую от пота лысину, которую он то и дело вытирал краем тоги. Высокий говорил басом и производил при том величавые жесты. Толстяк был пискляв и суетлив.

– Да я тебе точно говорю, Цезарь сам поплывёт в Александрию, – твёрдо утверждал высокий, плавно поведя рукой. – Он не лишит себя удовольствия лично пленить Помпея Магна.

– Да нет, – живо отрицал толстяк, отдуваясь. – Не станет он Рим оставлять. Побойтся. Сенаторы заговоры плетут. Это весь Рим знает. Так что Марка Антония пошлёт.

– Да не пошлёт. Кишка тонка у Антония супротив Помпея Магна идти. Да и египтяне непонятно за кого будут, – сердито возражал высокий.

– Да какие египтяне? – саркастически усмехнулся оппонент. – Они ж там перегрызлись между собой. Царь Птолемей Дионис с сестрицей Клеопатрой трон не поделил. Теперь воюют друг с другом.

– Ха, с сестрицей!... – в обличающем тоне воскликнул высокий. – Она ж ему не просто сестрица. Папаша их, Птолемей Авлет, между собой их поженил. Чтоб вместе правили. Так что она ему ещё и супруга.

– Срамота! – покачал головой толстяк.

– И не говори! А тётка их Береника!... – продолжил обличать нравы династии египетских властителей высокий. – Сначала вышла замуж за собственного дядю. Поцарствовали немного. Потом его александрийцы изгнали за непотребства, а на царство поставили её папашу. Так она за собственного отца замуж вышла. А когда он помер, ей Сулла подсунул в мужья её племянника. А тот решил, что старушка ему ни к чему, и через девятнадцать дней после свадьбы Беренику к праотцам отправил.

– Срамота! – с пущей уверенностью оценил толстяк.

Джон, внимательно прислушивавшийся к беседе, пробормотал не без удовольствия:

– О времена, о нравы...

– Да уж... – произнёс высокий. – Говорят, Клеопатра ещё та штучка...

Джон насторожился пуще прежнего, но высокий переменял тему:

– А Помпей их отцу, Птолемию Авлету, в своё время трон вернул. А тот попросил Помпея покровительствовать сыну своему Птолемию Дионису. Птолемей-то тогда совсем сопливым был, двенадцати лет от роду. Стало быть, Птолемей должен Помпею. Вот Помпей войска от него и получит. А это сила.

– Да какая сила?... – поморщился толстяк. – Египтяне к себе в войско всякий сброд набрали. Пираты, разбойники у них. Да всех наших беглых рабов привлекают. Давно приструнить их надо.

– Ну скажешь! – несогласно воскликнул высокий. – У них наемники есть греческие. Да конница нумидийская. Да и бывшие наши легионеры, которых там Помпей оставлял, теперь тоже к египтянам перешли. А это сила. Поэтому там Марку Антонию делать нечего. Он, конечно, рубака знатный, но супротив Помпея не потянет. Нет, не потянет. Так что Цезарь в Египет сам отправится.

– Отправится... А тут заговорщики всё в свои руки возьмут, – сказал толстяк. – Цезарь штучка хитрая. Рим не бросит. Лучше Египет упустить, чем Рим потерять.

Высокий хмыкнул и промолчал.

– А говорят, среди заговорщиков даже... – толстяк поманил высокого, чтобы тот наклонился, и пробормотал ему на ухо невнятно.

Высокий округлил глаза и воскликнул:

– Ну никакой благодарности!

Толстяк захотел ещё что-то сказать, но, оглядевшись по сторонам, увидел нас и осёкся.

Высокий также оглянулся, узрел нашу компанию и брезгливо выпятил губу.

– Никак германцы... – наконец вымолвил он. – Здоровые какие...

– Да кто их знает, этих варваров... – пробормотал толстяк.

Боба в ответ на внимание к нашим персонам улыбнулся столь искренне, что собеседники вздрогнули, отшатнулись и, коротко пошептавшись, торопливо ушли.

Тут, наконец, объявился наш гид. Был он вполне довольным и сходу энергично предложил:

– Ну что, на Капитолий сходим, посмотрите на наши святыни главные, величественные...
– Это что, в гору лезть? – капризно спросил Раис, смахнув пот со лба.
– Ну да, – подтвердил Валерий.
– А что ещё можешь предложить? – спросил Джон.
– Ну куда тогда вас сводить? – наморщил лоб Валерий. – Завтра вот Цезарь устраивает игры в честь победы в битве под Фарсалом. Гладиаторов будет двести человек. Биться будут всерьёз. Дикие звери обещаны. Сосед рассказывал, даже носорога привезли... А так, и не знаю... – Валерий замолчал и задумался, теребя свой свёрток.
– А что это тут у тебя? – спросил его Лёлик.
– Это тога, – важно ответил Валерий. – Только римским гражданам дозволено её носить.
– А чего в руках таскаешь? – поинтересовался Серёга.
– Да, неудобно в ней, заразе, по улице ходить, – пояснил наш гид.
– Так зачем с собой-то носишь? – не унимался Серёга.
– Да к патрону нельзя не в тоге являться, – с раздражением ответил Валерий. – А раб мой, мерзавец, ногу подвернул. Валяется на квартире, бездельник! Вот самому и приходится таскать...
– Кстати насчет рабов... – интимно молвил Джон.
– Рабынь! – напористо подсказал Раис и радостно ухмыльнулся.
– Так где тут у вас, Валера, на них посмотреть можно? – туманно продолжил Джон.
– Так вон, вокруг бегают, – недоумённо сообщил римлянин и неопределённо показал рукой.

– Я спрашиваю, где рабов продают, – пояснил Джон.
– Рабынь!... – настойчиво поправил Раис.
– А-а! – догадался Валерий и обрадованно пояснил: – Да здесь недалеко, у храма Кастора.
– Кастор – это который брат Поллукса? – уточнил Лёлик, поправив очки.
– Он самый, – с некоторой запинкой подтвердил Валерий.
– Это кто? – удивлённо спросил Боба.
– Братья-близнецы, – важно сообщил Лёлик. – Родились из яиц.
Джон хмыкнул и сказал:
– Да, собственно, мы все как бы оттуда... В некотором роде...
– Дура! – с превосходством изрёк Лёлик. – Их мамаша Леда с Зевсом согрешила, который, чтобы к ней подлезть украдкой, в лебедя превратился. Ну и снесла два яйца.
– Во как! Ну и инкубатор, етит такого Зевса! – изумился Серёга и уважительно спросил: – И откуда ты всё знаешь?

– Книжки надо читать, – ответил наш эрудит и со значением потряс своим справочником.
– Так, короче, как насчёт рабынь? – вернулся к занятой теме Раис.
– А вы что, хотите себе рабов прикупить? – спросил Валерий. – А то, действительно, пожитки свои сами таскаете.

– Да нет, мы пока просто посмотреть, – скромно сказал Джон.
– Ну тогда пошли, – сказал Валерий и повёл нас обратно через площадь.
Мы вышли с Форума и свернули за один из храмов.

За ним имелась ещё одна довольно обширная площадь, окружённая двухэтажными домами и какими-то хозяйственными постройками, напоминавшими капитальные лабазы.

Большую часть площади занимал прямоугольный кирпичный портик, дававший мило-сердную тень. Между его колоннами располагались разнокалиберные каменные и деревянные помосты. Некоторые из них были пустыми как витрины в сельпо, на других стояли унылыми компаниями полуголые люди, явно служившие здесь товаром. Их опекали торчавшие возле

помостов то ли надсмотрщики, то ли продавцы, а то ли и те и другие в одном лице. Меж помостов прохаживались в небольшом количестве потенциальные покупатели.

– Ну вот он, рынок рабов, – гостеприимно известил Валерий.

Мы вошли под портик и неспеша прошлись вдоль помостов.

Рабы, выставленные на продажу, являли зрелище неказистое и даже какое-то непотребное.

Все они были потрёпанного вида, в ветхих одеяниях; на некоторых имелись лишь набедренные повязки. Кто-то из рабов стоял понуро, свесив голову, упёршись потухшим взором под ноги, некоторые недобро зыркали исподлобья. У многих ноги до колен были натёрты мелом.

– Чего это их раскрасили? – спросил Боба.

– А это означает, что раба из дальних стран привезли, – пояснил Валерий.

У всех рабов на шеях болтались на грубых верёвках деревянные дощечки с надписями.

Боба взгляделся в одну дощечку и доложил:

– Однако все, понимаешь, характеристики изложены. Как зовут, откуда родом, что умеет.

На одном из помостов тесно стояло человек десять. Все они были какой-то дикой наружности: чернявы, лохматы, бородаты, с большими горбатыми носами. На головы их надеты были лавровые венки.

– А это что за лаврушники? – спросил озадаченно Раис.

– Какие-то варвары военнопленные, – сказал Валерий. – У нас всегда военнопленным, когда их продают, венки надевают. Так это и называется: продать в венке.

Сидевший возле помоста на некоем подобии трёхногой табуретки продавец, лениво воскликнул:

– Никак варвары решили купить себе варваров.

Сзади обидно засмеялись. Мы обернулись и увидели трёх юнцов в белоснежных тогах, из-под которых виднелись нарядные туники с длинными рукавами. У одного туника была нежно-васильковая, у другого розовая, а у третьего вообще с золотой вышивкой по вороту. Юнцы были ухожены, завиты и даже, показалось, нарумянены. Их сопровождало немалое количество рабов, загруженных какими-то корзинками и свёртками.

– Ты их что, продавать привёл? – обратился один из недорослей к Валерию, и они снова покатались со смеху.

– Я тебе сейчас продам! – резко рявкнул Серёга, скроив зверскую гримасу, и в подкрепление своих слов наполовину вырвал штык-нож из ножен и с лязгом задвинул его обратно.

Юнцы смутились и отшатнулись.

– Пойдём, они дикие... – пробормотал один из них, и они поспешили нас покинуть.

Валерий покашлял и счёл необходимым пояснить:

– Это сынки сенаторов... С ними осторожней надо...

– Ничего, нас за так не купишь! – несколько двусмысленно проронил Боба.

Мы прошли дальше и увидели следующую сценку.

Покупатель – загорелый с жилистыми руками мужик, похоже, сам из ремесленников – деловито заставлял раба – крепкого и кроткого на вид – спрыгивать с помоста, затем снова на него взбираться и снова спрыгивать.

– Чего это он измывается над бедолагой? – гневно спросил Боба.

– Выносливость проверяет, – равнодушно пояснил Валерий.

Мужик, наконец, остановил раба и согласно кивнул продавцу. Тот шустро выудил откуда-то бронзовые весы и протянул их покупателю. Мужик вытащил из кожаного кошелька, прикрепленного к поясу, серебряную монету, стукнул ею о чашу весов и важно произнёс:

– Я, Авл Корнелий Прим, римский гражданин, заявляю, что этот раб по праву квиритов принадлежит мне, и что я купил его этой монетой и этими весами.

– Это чего ж, всего за одну монетку себе раба прикупить можно? – изумился Раис и готовно забренчал в кармане наличностью.

– Да нет, это по закону так положено сказать, – огорчил коллегу Валерий. – А раб намного больше стоит.

В подтверждение его слов покупатель начал отсчитывать из кошелька приличное количество монет.

– А чего это за право такое? – спросил Боба.

– Квиритское право. Квиритами в старые времена членов римской общины называли, – пояснил Валерий не совсем уверенно. – Это то, на что только мы, римские граждане, право имеем.

– А чего ж, если мы не римские граждане, то и не сможем, что ли, вот так монеткой постучать да рабыньку себе какую-нибудь прикупить? – спросил с некоторой обидой в голосе Раис.

– Да сможете, – обрадовал его Валерий. – Это раньше, давным-давно, чужестранцы не могли себе в Риме дома и рабов покупать. А сейчас уже многое изменилось. У нас даже некоторые рабы своих рабов имеют. Скопят деньги и купят. Такие рабы рабов викариями называются.

– Как это скопят? – удивился Боба. – А хозяева что, не отнимают?

– Обычно не отнимают, – ответил Валерий. – У нас рабам тоже своё имущество иметь дозволено. Его "пекулием" называют. Считается, что плох тот раб, который пекулий не имеет. А многие рабы деньги на свой выкуп копят.

– Ишь ты! – покачал головой Джон. – Какие вы ушлые. Сначала раб на вас пашет в полный рост, а потом ещё и выкуп платить должен...

– Может и не платить, – равнодушно сказал Валерий.

– А тогда что? – поинтересовался Боба.

– Ну, или его хозяин вольноотпущенником сделает, но это редко происходит, или сбежит, или на остров Эскулапа попадёт.

– На чей остров? – спросил Серёга.

– Не чей, а кого, – нравоучительно поправил Лёлик. – Эскулап – это их бог врачевания.

– Ну да, – подтвердил Валерий. – На Тибре этот остров. Там храм Эскулапа стоит. Туда и отвозят тех рабов, которые старые или больные и уже работать не могут. Там их и оставляют. Вверяют, так сказать, покровительству Эскулапа. Чтоб он их лечил... – Валерий криво ухмыльнулся.

– И часто выздоравливают? – наивно спросил Боба.

– Да что-то ни разу не слышал... – пожал плечами наш гид и хмыкнул.

– Гуманные вы... – откомментировал Джон.

Мы прошли дальше. Отчего-то между выставленными рабами представительниц пригожего пола не наблюдалось.

– А чего тут одних мужиков продают? – возмущённо спросил Раис.

– Ну так тут рабы для работ всяких простых продаются: мешки таскать, в мастерских помогать, так что рабыни тут редко бывают, – пояснил Валерий.

– А вон, глянь, девка! – воскликнул вдруг Серёга.

– Где?! – в унисон вскричали Раис с Джоном.

– Да вон, – указал Серёга и заторопился.

Мы прошли за ним и узрели коренастую бабёнку в длинной изрядно грязной тунике, мрачно стоявшую на одном из помостов в полном одиночестве. Выглядела она совсем неженственно, отчего ранее и не привлекла нашего особого внимания.

Торговец, плешистый мужичок невнятных лет, поначалу разглядывал нас, открыв рот, а затем, узрев наш интерес, с шустростью голодного сутенёра подбежал к нам и стал скрипучим

голосом выводить рулады в честь покладистого характера и вопиющей работоспособности своего товара. Бабёнка шумно зашмыгала и стала косолапо топтаться.

– А мы, любезный, женщин уважаем и от работы бережем, – заявил Джон.

– Так что нам женщины не поломойки там всякие нужны, а для улады духа и прочего организма, – торопливо развил мысль Раис.

– Так я и говорю! – воскликнул находчиво торговец. – Ты только глянь! Фигура как у нимфы! – после чего вскочил на помост, пристроился к бабёнке позади и живо спустил ей тунику до пояса, явив мятую и обвисшую грудь, которую тут же ловко подпёр снизу, имитируя девичий задор и упругость.

Рабыня глупо заулыбалась, широко раскрывая щербатый рот.

Всё было ясно; один Раис, зачарованно уставившись на обманные перси, потребовал показать нижнюю часть. Торгаш, умудряясь одной рукою соблюдать заданную форму бюста, другою задрал рабыне подол. Ноги оказались короткие и имели ту форму, которая, вполне возможно, и послужила прообразом колеса.

Раис негодуяще фыркнул и погрозил обманщику пальцем.

Мы пошли дальше.

– Эй, эй! – в отчаянье крикнул нам вслед торговец. – Уступлю. За сто денариев отдам.

Портик закончился, а с тем и наши надежды посмотреть на хорошеньких рабынь.

– Слышь, Валера, – спросил приунывший Джон. – А где ж посмотреть можно... ну-у... не для работы?...

– На Священной улице можно, – стал рассказывать наш гид. – Там есть лавки, где имеется штучный товар. Рабы изысканные!... Мальчики прелестные, нежные... – Валерий зажмурился и аж причмокнул.

– Нам мальчиков не надо! – веско сказал Джон. – Мы люди простые, потому нам девочек подавай.

– Ну и рабыни есть, – продолжил Валерий. – Красавицы всевозможные из разных стран, обученные штучкам этаким... Дорого только. Говорят, Цезарь недавно купил там одну такую. Бешеные деньжищи отдал. Целых сто тысяч сестерциев! – в голосе римлянина перемешались и зависть, и негодование, и восхищение.

– Кругом дороговизна!... – сокрушённо посетовал Джон.

Валерий задумался, а потом хлопнул себя по лбу и оживлённо воскликнул:

– Ах, как я забыл-то! Сегодня же нундины!...

– Чего? – озадаченно справился Раис.

– Нундины. Это у нас так последний день недели называется, – разъяснил Валерий. – А каждые нундины у Торания аукцион проходит.

– Что проходит? – спросил Серёга.

– У кого проходит? – уточнил Лёлик.

– У Торания. Это работорговец крупный, – пояснил Валерий. – А проходит аукцион по продаже рабов. Он продаёт рабов хоть и не изысканных, но не всяких. Бывают у него и премиленькие...

– Ну так пойдём! – воскликнул нетерпеливо Джон и даже подтолкнул Валерия в спину.

Тот без промедления повёл нас очередными закоулками и задворками.

– Слышь... – тихонько спросил меня Серёга. – А почему у них последний день недели не "воскресенье" называется как у людей?

– Потому что Христос ещё не воскрес, – пояснил я.

– А почему? – искренне озадачился Серёга.

– Потому что ещё не родился, – ответил я.

Серёга недоумённо потряс головой, но далее в тему углубляться не стал.

Донёсся до нас приглушённый и равномерный стук барабана.

– Ага, слышите!... – радостно воскликнул Валерий. – Как раз начинается!...

Вскоре мы вышли на небольшую площадь перед двухэтажным домом крепкого вида. К дому примыкал обширный далеко выдававшийся вперёд портик с белёными колоннами. В тени портика имелось несколько рядов каменных скамеек, тесно заполненных публикой, отличавшейся богатыми одеждами. За скамьями толпился прочий народ, в одеждах попроще. В конце портика, у дома, находился то ли капитальный помост, то ли высокое крыльцо, куда выходило несколько дверей. На помосте лохматый подросток со всей дури лупил палкой в барабан.

Мы подошли поближе и ненавязчиво ввинтились в толпу, притормозив у самых скамеек.

Одна из дверей распахнулась. Вышел на помост раб, вынес стул с длинной далеко откинутой спинкой, поставил его в сторонке. Появился короткий даже по местным меркам тип, напоминавший сложением бочонок. Облачение типа состояло из голубой туники с золотым шитьём и белой тоги с пышными складками; на его жирных запястьях красовались массивные золотые браслеты.

– Это вот и есть Тораний, – вполголоса пояснил Валерий и добавил: – Наш человек!...

– Это в каком смысле? – спросил Джон.

– Мой патрон со своими друзьями ему покровительствует, – пояснил Валерий. – Ну а тот почтение своё выражает. Когда есть экземпляры особо интересные, сначала моему патрону предъявляет... – Валерий весело хохотнул, словно вспомнил что-то интересное, и продолжил: – В прошлом году у Торания появились два мальчика смазливеньких. Из разных мест. Один из Сирии, а другой из Испании. Но похожи друг на дружку как две песчинки. Мой патрон предложил кого-нибудь обдурить. Сказать, что близнецы. Тораний мальчишек Марку Антонию предложил. Надул его и содрал денег как за сто рабов! Антоний мальчишек в дом привёл, а они, бац, на разных языках разговаривают!... – Валерий мелко захихикал и даже от восторга зажмурился.

– Ну а дальше чего? – спросил с интересом Раис.

– Антоний к Торанию прибежал, скандалить начал. А Тораний кого хочешь уболтает, не то что этого солдафона тупого. Сказал, что такая игра природы ещё дороже стоит, и он даже продешевил. Антоний и поверил!... – Валерий вновь зашёлся смехом.

Тем временем Тораний сел на стул и махнул рукой барабанишку. Тот с довольным видом закончил своё громкое дело и убрался в дом.

Взамен вышел тщательно разжиревший негр в узкой куцей тунике, походивший на необъятную снежную бабу, облитую шоколадом. Он привалился к стенке и, показалось, тут же задремал. Следом появился какой-то вертлявый сутулый субъект с огромным орлиным носом и вороватым сорочьим взором. Он подошёл к краю помоста, осклабился и потёр ладошками с видом записного шута.

В толпе одобрительно зашумели.

– Итак, дорогие граждане Рима, – хорошо поставленным по громкости баритоном возвестил субъект. – Стараниями нашего достопочтенного господина Торания, да не минует его милость богов, мы начинаем аукцион. Сегодня будут греки для домашних дел, силач из Нумидии, каппадокийцы-носильщики, рабы и рабыни, конфискованные указом Цезаря у Помпея, а так же одна рабыня для деликатных упражнений, которую выставил на торги один гражданин, пожелавший хранить инкогнито!...

– Ух ты! – восторженно воскликнул Раис.

Джон же сладко прищурился.

Двое римлян, стоявших впереди нас, заговорили вполголоса про эту рабыню – один рассказал другому, что её у кого-то там забрали за долги, и что она рыжая, на что другой смачно заявил, что он страсть как любит рыжих.

Аукционист, закончив вводную, хлопнул в ладоши. Жирный негр восторженно вскрикнул, скрылся за дверью и вывел какого-то доходягу с грустными глазами.

– Учёный грек, – объявил аукционист. – Знает наизусть Гомера и Вергилия. Может быть домашним учителем. Дешевле чем за пять тысяч денариев отдать не можем.

Грека тут же вызвались купить. После небольшой торговли сошлись в цене, и покупатель протолкался к самому помосту. Я пригляделся и увидел там сидевшего за столом лысого старичка, который принял у покупателя деньги и стал их пересчитывать. Купленный грек сам по боковым ступенькам спустился к столу.

Жирный негр вывел следующего раба, также африканской национальности. Раб был коренастый, широкоплечий, в одной лишь набедренной повязке, кое-как прикрывавшей срам; чёрная кожа его имела какой-то нездоровый синеватый оттенок – как у священного жука скарабея, более известного нам под именем навозного. На вид раб был чуть-чуть добродушнее небезызвестного боксёра Тайсона.

– Перед вами житель знойной Нумидии! – торжественно запричитал аукционист. – Силён и, выносив как бык, ест мало, работает больше всех, и цена смешная: всего восемьсот денариев!

После недолгих торгов на понижение нумидийца купил задёшево какой-то патриций, громогласно заявивший, что посадит раба на цепь при входе пугать посетителей.

Торг продолжался в неснижаемом темпе. На помост выводили всё новых рабов сильного пола; всячески упражнявшийся в красноречии аукционист после некоторых рекламных отступлений назначал цену, после чего шла торговля.

Стоявший подле меня Раис вёл себя совершенно нервозно и беспокожно: он то и дело нетерпеливо подпрыгивал и подозрительно переминался. Наконец терпение его лопнуло: он подпрыгнул особенно высоко и утробным басом рявкнул из-за всех сил:

– А ну, бабцов давай!... Рыжую!!...

Крик его души многократно перекрыл все звуки. Римляне с изумлением уставились на побагровевшего коллегу, отчего тот тут же решил при помощи втягивания головы в шею показаться совсем маленьким и незаметным. Аукционист поперхнулся на полуслове и замолчал. Сидевший доселе молча Тораний что-то ему сказал. Аукционист заагакал понятиливо и, сбыв очередного раба, с плавной грацией махнул рукою своему шоколадному помощнику. Тот обернулся мигом, выведя из недр дома юную девицу с густой гривой роскошных каштановых с медным отливом волос, свободно прикрывавших хозяйке то место, откуда начинается талия. Девица была наряжена в длинную мешковатую тунику словно бы с чужого плеча, которая не позволяла оценить достоинства её фигуры.

– А вот всегда пожалуйста по заказу публики! – заорал ярмарочно аукционист, схватил девчонку за бока, начал вертеть лихо как куклу, отчего её шевелюра взвилась весьма живописным образом.

– Девица хоть куда, хоть сюда, а хоть туда! – начал рекламную акцию аукционист. – Покладиста, мила и аппетитна. Фигура как у Венеры. Сам Юпитер бы не устоял. Так что меньше трёх тысяч денариев просить будет неуважительно.

– Ну и цены! – недовольно процедил Джон.

– А что здесь так дорого? – спросил Лёлик у Валерия. – Там, где перед этим были, дешевле намного.

– Ну, так там для работы, а здесь для удовольствия, – философски пояснил Валерий.

Начался оживлённый торг на повышение, так как желающих приобщиться оказалось предостаточно. Раис, нервно дёргаясь и звеня в кармане монетами, всё порывался что-то выкрикнуть, но Джон вовремя выписывал ему укорот путём тычков по бокам, отчего вождевший коллега захлёбывался на полуслове и лишь кряхтел страдальчески.

– Эй, раздень её! – крикнул кто-то из толпы начальственно.

Вертлявый аукционист захихикал, потёр ладошками и махнул негру. Тот, переваливаясь как утка, подошёл к рабыне и единым ловким хватом содрал с неё одежку. Раис ахнул;

путаясь лихорадочно в застёжках, освободил фотокамеру и принялся пулемётно изводить кадры. Находившиеся подле римляне, покосившись опасливо, на всякий случай отодвинулись подальше.

А девчонка и в самом деле была неплоха. Поначалу она пыталась прикрыть руками самые интересные места, но негр тут же пресёк эти целомудренные поползновения, схватив рабыню за локти и заломив руки за спину не хуже эсэсовца. От этого упражнения её круглые как мячики грудки с розовыми пупырышками сосков самым интересным образом выкатились вперёд; девушка низко склонила голову и задышала часто. Её шея и плечи были покрыты золотистым загаром; остальное же тело светилось млечной белизной, на фоне которой рыжий бархатистый островок внизу живота выглядел весьма пикантно и вызывал примерно те же эмоции, что и яблочко на мишени.

Наконец, какой-то сухопарый старик, напоминавший видом своим незабвенного Кису, девицу приобрёл, предложив самую высокую цену. Рабыне позволили одеться и свели вниз.

– Ну вот! – с обидою произнёс Раис, словно ещё немного, и барышню вручили бы нам в подарок.

– Ну ладно, посмотрели и хватит, а то смотрелки лопнут... – буркнул Джон. – Пошли отсюда...

Мы выбрались из толпы и остановились поодаль.

– Фу-у! Ну и жара! – произнёс Раис, отдуваясь. – Аж взмок весь.

Солнце хоть уж и давно миновало зенит, но палило нещадно; воздух был жарок и душен.

– Пора уж в баню, – сказал Валерий.

– Точно! – обрадовался Боба. – В баню в самый раз!

– Ага! – воскликнул Серёга, улыбаясь до ушей. – Это хорошо, что у вас сегодня банный день!

– Да мы каждый день в баню ходим, – с недоумением сказал Валерий.

Серёга мигом перестал улыбаться и отвернулся.

– Пошли что ли, а то от жары лопнем! – капризно поторопил Раис.

– Точно, – вполголоса заметил Лёлик. – Кто-то жирком-то истечет...

– Надо сначала решить: куда пойдём, – сказал Валерий. – Тут рядом есть термы городские, дёшево там, квадрант с человека...

– Это сколько? – уточнил Раис.

– Четверть асса, – пояснил Валерий и замолчал многозначительно.

– Ну так пойдём! – недоумённо сказал Раис.

– Да там всё по-простому, сквозняки кругом, воду плохо греют. Туда одна голытьба ходит, – сообщил Валерий.

– Ну и?... – настойчиво осведомился Джон.

– А недавно Деметрий, отпущенник Помпея, дом-то у которого рухнул, у Марсова поля термы выстроил, – затараторил Валерий. – Изрядно красивы и просторны, а вода там самая горячая во всём Риме.

– Так и пошли туда, – предложил Боба.

– А там дорого. Сестерций с каждого. А я чего-то деньги дома забыл... – скучно сказал Валерий.

– Не бойсь, угощаем! – задушевно сказал Боба.

Валерий тут же преисполнился энтузиазмом и гостеприимно пригласил нас следовать за ним. Он снова повёл нас кривыми переулками и неприглядными дворами.

Было жарко; усталость поборола новизну впечатлений, и постепенно начинало казаться, что в этом городе и в этой исторической эпохе мы находимся достаточно долго для того, чтобы всё это уже стало надоедать. Впрочем, местный колорит иногда давал о себе знать занятыми сценками.

Между двумя домами обнаружился небольшой тупичок. В нём устроен был навес из досок, укрепленный на деревянных столбах. Под навесом на неуклюжих табуретках сидели дети с восковыми табличками в руках и старательно царапали по ним острыми палочками. Перед детьми на высоком стуле картинно восседал худой субъект с выкаченными глазами, похожий на истеричного интеллигента и бывший, по всему, учителем. Он заунывно повторял одну и ту же фразу:

– Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына... Грозный, который ахейцам тысячи бедствий соделал...

В руке педагог держал трость, которой постукивал по полу в такт своим словам. Другой рукой он опирался на стоявший подле трёхногий круглый столик, на котором беспорядочным образом лежали свитки.

– Никак диктант пишут, – уважительно сказал Боба.

Учитель повернул голову, увидел нас, сдавленно крикнул и замолчал на полуслове. Дети оторвались от своих записок, быстро обнаружили наше присутствие и оживлённо загалдели.

Серёга, не любивший учителей чуть больше стоматологов, но чуть меньше милиционеров, скорчил педагогу дикую и бессмысленную гримасу. Тот ещё больше выпучил глаза и ошалело замотал головой, словно норовил избавиться от столь мерзкого зрелища.

Сидевший впереди мальчишка заливисто засмеялся. Учитель резко вскочил и врезал ему по спине своей палкой. Паренёк жалобно завопил.

– Ты чего дитё тиранить!? – гневно гаркнул Боба и стал энергично грозить садисту внушительным кулаком.

Тот мгновенно побледнел, отпрыгнул назад, повалив с грохотом свой столик. Дети затряслись от смеха, тщательно пытаясь его скрыть.

– Пошли, пошли отсюда!... – прошипел Лёлик.

Мы вышли на небольшую площадь с фонтаном, где утолили жажду и освежились.

– Фу-у! – проворчал Серёга. – Сейчас не в баню идти, а в холодную водицу окунуться...

– Так в бане есть отделение с бассейном, там вода холодная. Фригидарий называется, – обнадёжил Валерий.

– А парная есть? – заинтересованно спросил Боба.

– Это как? – спросил Валерий.

– Ну, попариться, кости погреть, – пояснил Боба.

– А-а! – понятиливо протянул Валерий. – Есть и такое. Кальдарий называется. Там жарко. Потеем там. А потом моемся.

– Ну ладно... Посмотрим... – проворчал Серёга.

Пошли дальше. Встречавшиеся редкие прохожие при виде нашей компании изумлялись и обходили нас по стеночке, поскольку шли мы вольготно и привольно, уже подзабыв о разделении улицы на пешеходную и проезжую часть.

– Слушай, Валера! – спросил, тяжело отдуваясь, Раис. – А чего тут у вас никаких повозок не ездит?... А то раз, сел и поехал...

– Цезарь своим эдиктом запретил, – сказал Валерий. – От рассвета до заката никакому конному транспорту нельзя по городу ездить... Только тем повозкам можно, которые перевозят грузы для нужд общественных. Например, материалы для строительства храмов. Или кто мусор возит.

– А чего так? – спросил Лёлик.

– Да раньше все кому не лень ездили, – стал объяснять Валерий. – На улицах такое творилось!... Постоянно разъехаться не могли, на прохожих наезжали. А один раз на Гончарной улице две повозки столкнулись, на одной брёвна везли здоровенные, а на другой масло оливковое в амфорах. Ну и всё посыпалось. Брёвнами народу подавило с десятков, амфоры вдребезги, масло разлилось. Потом там месяц ходить невозможно было – скользко...

– Надо ГАИ придумать, – глубокомысленно изрёк Боба.
– Что?... – не понял Валерий.
– А вот мы видели: тут у вас на носилках носят, – сказал Раис.
– Да, – подтвердил Валерий. – Богатые себе носилки заводят. Залез туда и делай, что хочешь – рабы несут.
– Так я и говорю: надо общественный транспорт устроить, – с напором посоветовал Раис.
– Это как? – снова не понял Валерий.
– Короче, рабы с носилками носят всех, кто заплатит... – начал растолковывать Раис. – Сказал, куда надо, денежку дал и поехал себе.
– Или можно маршрутные носилки организовать! – поддержал идею Боба. – Скажем, с Форума на ... этот самый...

– На Палатин, – подсказал Лёлик.
– Точно, на Палатин, – согласился Боба.
– Какая интересная идея!... – воскликнул Валерий и задумался.
Попалась нам навстречу семейная пара: плюгавый затюканный муж тащил корзину, сварливо понукаемый дородной женой, не лишённой приятности лица и некоторых выпуклостей. Увидев нас, они шустро отпрянули к стене. Жена стала властно шипеть что-то в ухо мужу.

Тот закричал и, вжав в голову в плечи, робко окликнул Валерия:

– Эй, друг... А что, Рим уже варвары захватили?

– Нет, – сказал наш гид. – Это союзники.

– Ишь ты! – успокоился тот и льстиво заметил: – Какие здоровенные!...

Джон по-гусарски посмотрел на матрону и залихватски произнёс:

– Здорово, милашка!...

Та ахнула, заелела и кокетливо захихикала.

Какая-то старуха вышла нам навстречу из дома, ворча под нос и глядя под ноги. Она чуть не наткнулась на впереди идущего Раиса.

– Куда прёшь, бабка! – гаркнул тот победительно.

Старуха, вскинула голову, на миг обомлела, потом завизжала и кинулась бежать обратно, потеряв сандалию.

Инсулы сменились какими-то мрачного вида кирпичными лабазами; открылся вид на Капитолий. Улица закончилась; осталась просто дорога, которая изогнулась резко и пошла вдоль скалистого бока Капитолийского холма. Слева раскинулась просторная зеленая долина, расположенная в излучине реки, широко изгибающейся блестящей лентой. Голубое небо раскинулось привольно. Ослепительный солнечный диск щедро обрушивал потоки зноя. Но при том с реки дул свежий ветерок, давший возможность вздохнуть свободней.

– Это Марсово поле. Тут у нас смотр войск проводится, народ гуляет. А это Тибр, – объяснил Валерий.

Долину пересекало несколько дорог, упиравшихся в мосты, перекинутые через реку. На том берегу возвышались холмы, поросшие деревьями, между которыми виднелись крыши каких-то построек.

По левую сторону на Марсовом поле имелся комплекс нестандартных архитектурных форм. Ближе к нам стояло немалых габаритов строение, напоминавшее сильно вытянутый стадион. Дальше размещалось высокое красивое здание в виде полукруга. Его стены устроены были в виде аркад, в арках которых торчали скульптуры, напоминавшие самоубийц, медлящих с последним шагом.

К зданию примыкал длинный четырехугольный портик с крышей из красной черепицы, опиравшейся на стройные колонны, между которыми виднелись статуи. В обширном внутреннем дворе располагался сад с яркими пятнами фигурных цветников. В саду прогуливались люди.

– Это чего тут? – поинтересовался Джон.

Валерий важно откашлялся и, показав на вытянутый стадион, ответил:

– Это вот цирк. Консул Фламиний выстроил. Двести лет назад.

– Цирк? – заинтересованно спросил Серёга. – И клоуны есть?

– Сам ты клоун... – осадил его Джон.

– Гонки на колесницах у нас в Цирке Максимусе проводятся, – продолжал рассказывать Валерий. – А этот цирк поменьше. Здесь кулачные бойцы выступают, борцы, гладиаторы, травлю зверей показывают...

– А завтрашние игры здесь будут? – спросил Лёлик.

– Нет, – покачал головой Валерий. – Они как раз в Цирке Максимусе будут. Чтобы народ весь поместился. Объявили, что игры будут шикарные. Цезарь расщедрился... – Валерий помолчал, а потом указал на правую сторону долины, где вдалеке виднелся овал водной глади, отражавшей небо. – Вон там видите... Этот пруд Цезарь выкопал...

– Сам что ли?! – удивился Серёга.

– Ну, не сам, конечно, рабы копали, – в свою очередь удивился такой наивности Валерий. – А потом в пруду битву морскую разыграли. Лет десять назад. Я ещё пацаном был. По двадцать кораблей с каждой стороны было... И таранами борта ломали, и на палубах бились, а как за вечерело, с берега корабли смоляными стрелами подожгли... Славно было... Корабли горят, в воде пламя отражается, людишки вниз сигают... – Валерий аж зажмурился от приятных воспоминаний.

– Ну и развлечения тут у вас... – то ли одобрил, то ли осудил Джон.

– Да уж! – самодовольно подтвердил Валерий. – У вас-то, поди, такого не увидишь. Так что, завтра сходите, посмотрите.

– Сходим, посмотрим, – важно сказал Раис.

– А это чего? – указал Боба на другие здания.

– А это театр и портик для прогулок. Гней Помпей построил, на благо народа, – объяснил наш гид. – А вон там, – Валерий указал на квадратное здание строгих очертаний, располагавшееся рядом с театром, – курия. Тоже Помпей выстроил.

– Курия? – оживился Серёга. – Там чего, курят, что ли? Отлично!... Стрельнём!...

– Куда ты всё лезешь... – поцедил Лёлик.

– Так плохо без табачка-то!... – искренне взвопил Серёга.

Валерий посмотрел на него непонимающе и на всякий случай растолковал:

– Курия – это дом для общественных собраний.

– А где баня-то твоя? – недовольно спросил Раис.

– Да скоро уже дойдём, – посулил Валерий.

Наш путь пересекала дорога, которая то ли выходила из города на Марсово поле, то ли наоборот. По ней с тяжким топотом, вздымая пыль, в колонну по четыре шагали legionеры при полном вооружении.

– Со смотра идут, – сказал Валерий. – Каждый день смотры проводят. Перед походом. Цезарь-то собирается в Египет плыть. Всё за Помпеем гоняется.

Мы остановились, пропуская местных воинов, и стали их внимательно разглядывать.

Легионеры были облачены в панцири из кусков кожи с прикрепленными прямоугольными металлическими пластинами, выгнутыми по торсу. Панцири были короткими – всего лишь по пояс, и из-под них дурацкими юбочками торчали туники рыжего цвета из грубой шерсти. По низу панцири стягивались широкими кожаными поясами. К поясам спереди были приделаны длинные унизанные металлическими бляхами ремни, которые монотонно болтались, производя унылый звон.

Начищенные до блеска шлемы вовсе не были надеты на головы, а висели на перевязи спереди на груди.

Обуты legionеры были в грубые невысокие сапоги на ременной шнуровке, не имевшие носов.

Каждый legionер вооружён был одинаково. На левую руку надет был прямоугольный выгнутый по горизонтали щит, в правой руке зажато было короткое копье с длинным тонким наконечником в виде иглы. Вооружение дополнял висевший на перевязи через плечо в обтянутых красной кожей ножнах короткий меч.

– А чего у них копья такие дурацкие? – спросил Серёга.

– Ну так это метательные, – с готовностью пояснил Лёлик, радуясь возможности обнаружить свою подкованность. – Называются пилумы. Они их кидают так, чтобы в щиты вражеские воткнулись. Наконечники у пилумов незакаленные, мягкие, под тяжестью древка гнутся, но не ломаются. Один такой пилум если в щите торчит, уже тяжело. А если парочка, то щит и не удержишь...

Валерий искоса посмотрел на Лёлика, словно раздумывал: не есть ли тот лазутчик, похитивший главный военный секрет Родины. А наш эрудит поправил очки, раскрыл энциклопедию на нужной странице и, заглядывая в неё, сообщил очередную подробность:

– Меч legionера называется "гладиус". У кавалеристов мечи более длинные, похожие на палаши. Они называются "спата", – потом хихикнул и добавил: – А ножны зовутся "вагина".

– Поэтично!... – одобрил Джон.

От legionеров несло прогорклым потом, распаренной кожей и особенно густо запахом лука, отчего сразу же вспоминалось то, что сказка про луковницу Чиполлино была написана именно в Италии.

Сбоку от колонны на вороном жеребце проехал командир в красивых доспехах с фигурными бляхами. Он надменно посмотрел на нашу компанию и отвернулся.

Конь габаритами был под стать аборигенам и имел рост в холке не более полутора метров. Вместо седла его круп покрывала рысья шкура. Стремян тоже не было, так что всадник сидел, неудобно поджав ноги.

– Чего это он без седла да без стремян? – спросил Боба.

– Не придумали их ещё, – пояснил Лёлик.

Первый отряд прошёл; за ним впритык следовал второй. Впереди отряда вышагивал мощный боец с накинута на плечи медвежьей шкурой, голова которой приспособлена была в виде капюшона. Боец нёс в руках перед собой красное древко, к которому прикреплены были сверху донизу фигурные кружки, полумесяцы, чеканные таблички – все из серебра.

– А это, так сказать, знаменосец. Называется сигнифер, – продолжил лекцию Лёлик. – А тащит он сигнум, знак манипула. А прибабасы всякие – это, типа, местные ордена, вручаемые за всякие боевые победы и достижения. Военным знаком же всего legionа является так называемый аквилла – серебряная фигурка орла на красном древке. – Лёлик взглянул на бдительно хмурившегося Валерия и энергично спросил его: – Я правильно говорю?

– Ага... – подтвердил римлянин и мрачно задумался, будто бы решая вопрос: не стал ли он только что соучастником злодейского шпионства.

За знаменосцем шёл legionер с изогнутой почти в круг трубой.

– А это трубач манипула. Во время боя, значит, сигналы подаёт, – просветил нас Лёлик. – А труба зовётся корн. А ещё у них есть другие трубы: тубы, буцины и какие-то литуусы.

За знаменосцем и трубачом несколько сбоку от строя шагал коренастый мужик с бугристой физиономией и крепким затылком. Его панцирь был побогаче, чем у legionеров. В руке он держал массивную изогнутую трость с острым концом.

– А это, надо полагать, представитель местного младшего командного состава центурион, – как гид в кунсткамере поведал Лёлик. – Сержант по-нашему.

Центурион окинул нас взглядом, тяжёлым как булыжник, а потом проорал для своих подчинённых хриплую команду: "Подтянись!", отчего как-то сразу вспомнились собственные армейские будни.

Легионеры презрительно косились на нас и ухмылялись, видно представляя себе, как своим холодным оружием могли бы на раз-два расправиться с этими нелепыми варварами. Боба в ответ погладил пулемёт и хмыкнул с не меньшим презрением. И не без оснований.

Наконец-то, местное воинство протопало мимо нас. Следом разнузданной стайкой вприпрыжку шли местные сорванцы.

Увидев нас, они сходу заорали дразнилку:

– Варвары в штанах, живут в лесах, жрут мышей, на башке куча вшей.

Боба беззлобно скорчил им рожу и погрозил кулаком. Этого хватило, чтобы юные латиняне с криками ужаса драпанули в переулок.

Валерий повёл нас дальше. Мы перешли улицу, прошли между домами, и вышли на большую площадь перед немалых размеров строением, облицованным плитами из травертина песочного цвета.

– А вот и баня! – известил Валерий.

К заведению пристроены были открытые галереи с торговыми лавками.

– Тут вот для бани продаются всякие принадлежности, – сказал Валерий.

– Судя по тому, чем они стирают, мыло ещё не изобрели, – резонно предположил Джон. – Отсюда вопрос: как насчёт шампуня?

Серёга ухмыльнулся и выдал рекламный слоган:

– Шампунь "Пись-пись" – моет за...шибись!

– Так чем же вы тут, Валера, с себя грязюку-то устраняете? – сварливо осведомился Раис по существу.

– Ну так, скребками скребёмся, – ответил тот с таким видом, будто ничего лучшего придумать просто невозможно.

– Ничего себе гигиена, – покачал головой Джон. – Ладно, пошли хоть скребков купим.

Мы подошли к ближайшей лавке, где сидел заспанный смуглый курчавый гражданин с чёрными глазами, при виде нас скорчивший озадаченную гримасу.

На прилавке перед ним стояли какие-то маленькие глиняные бочажки, деревянные коробочки, склянки из мутного стекла, лежали стопкой небольшие куски тканей разных цветов; на вбитых в стену крюках висели куски тканей побольше и те самые скребки, напоминавшие собой шпатели штукатуров, но с фигурными ручками.

– Ну давай, Валера, заказывай чего нам надо, – подтолкнул вперёд нашего гида Раис. – Мы заплатим.

Валерий заказал семь больших кусков белой байковой ткани, объяснив, что это банные простыни, семь пар открытых сандалий из мягкой кожи – в которых положено ходить в бане – и семь маленьких тряпочек из мягкой шерсти, необходимых, как он сказал, для умачивания благовониями после помывки. Засим Валерий потребовал у смотревшего на нас во все глаза торговца показать эти самые благовония.

Тот тут же начал тормозить свои ёмкости, открывая их и предлагая нюхать. Вокруг нас стремительно образовалось облако удушающих приторных ароматов, отчего мы непроизвольно отшатнулись. Валерий же самозабвенно нюхал, хмыкал, качал головой и, вообще, вёл себя как мадам в парфюмерном отделе.

– Эй, Валера, бери быстрее, да хватит вонять! – крикнул нашему gidу Лёлик, зажимая нос.

Римлянин оглянулся с неудовольствием, но не стал своевольничать и выбрал одну из коробочек. Остальные ёмкости продавец закупорил, и мы смогли вернуться к прилавку.

– Слышь, – обратился к торговцу Боба. – А, может, есть у тебя что-нибудь такое, чем тело натирают, а оно грязь убирает, – растолковал он как смог.

Торговец задумался, а затем с готовностью воскликнул:

– Есть! Из Дамаска средство, – он извлёк из-под прилавка глиняную круглую банку с крышкой. – Вот, пожалуйста.

– Никак, мыло?! – обрадовался Раис.

– Это смесь пальмового масла с белой глиной, – гордо отрекомендовал торговец. – Грязь удаляет, кожу смягчает, придает телу белизну.

Боба открыл крышку, подозрительно посмотрел на вязкую полупрозрачную мазь и сказал с сомнением:

– Ну ладно, давай хоть это...

В завершение Валерий заказал один скребок.

– Эй, ты чего? – недовольно воскликнул Лёлик. – Это ж предметы личной гигиены, так что каждому надо свой... Давай-ка нам семь штук, – сказал он торговцу.

Торговец с обрадованной рожей начал выбирать нам скребки из слоновой кости с замысловатыми резными ручками.

– Ты давай нам без этой красоты, попроще, – скомандовал Раис.

Торговец согласно кивнул и наделил нас деревянными скребками простого дизайна.

Наконец, комплект банных принадлежностей был сформирован. Обошёлся он в три денария. Из них два денария ушло на благовоние – как сообщил Валерий – самое модное в этом сезоне.

Забрав товар, мы направились ко входу в здание, который был сделан в виде длинного коридора со сводчатым потолком. Здесь было изрядно народу: одни торопились войти в очаг гигиены, другие расслабленно его покидали.

За коридором находился большущий вестибюль круглой формы, отделанный нарядно и богато. В стенах, облицованных розовым мрамором, устроены были обрамлённые пилястрами из узорчатого фиолетового камня арочные проёмы, в которых стояли бронзовые фигуры атлетов. Налево располагался проход в следующее помещение. Под куполом, расписанным геометрическими узорами, имелись окна, откуда мягко распространялся дневной свет. Пол был выложен квадратами и треугольниками из серого и белого мрамора, сходящимися к центральному бледно-золотистому кругу. Всё это напоминало то ли музей, то ли вокзал.

И народу здесь было как на вокзале; и шумно было так же. Гомон голосов, гулко раздававшиеся шаги, звонкие крики каких-то энергичных субъектов с лотками на шеях, шаставших по всему залу, отражались от стен многократно, рождая сложную и несущую полифонию.

Вдобавок откуда-то сбоку раздался противный пронзительный голос, что-то прокричавший требовательно. Источником голоса оказался толстяк, сидевший за каменным прилавком, устроенным прямо у входа, и смотревший на нас как на врагов римского народа.

– С варварами нельзя!... – вновь прокричал он пронзительным фальцетом и начал жевать пухлыми губами, словно то ли готовясь в нас смачно плюнуть, то ли предполагая выругаться.

Толстяк был совершенно лыс, причем настолько, что не имел не то что бровей, но даже и ресниц.

Серёга ласково ему улыбнулся и по-доброму спросил:

– А в репу?...

Толстяк на миг опешил, но потом сварливо закричал:

– Репой не берём! Только деньгами!

– Я тебе говорю, козел жирняйский, – терпеливо объяснил Серёга, – сейчас как дам по твоему лысому черепу!...

Толстяк озадаченно крякнул и вжал голову в плечи, опасливо поглядывая на Серёгин кулак, которым коллега невзначай стал постукивать по прилавку.

– Короче, почём баня? – энергично спросил Раис. – И давай нам скидки, как ветеранам битвы под ...этой... как её?...

– Под Троей, – подсказал Лёлик.

Толстяк поджал губы и с ненавистью сказал:

– С каждого по сестерцию.

Боба отсчитал семь серебряных монет, и мы прошли на середину зала. Некоторые из присутствовавших в вестибюле представителей римского народа стали на нас заинтересованно пялиться.

Выскочил из толпы разносчик. На его лотке громоздились круглые пирожки, обжаренные до золотистой корочки.

– Чего это у тебя? – цепко схватил его за тунику Раис.

– Пирожки с капустой, – бойко ответил продавец.

– Смотри-ка ты, прямо как у нас... – удивился Боба.

– Почём? – важно спросил Раис, заранее доставая горсть монет.

– Квадрант штука, – живо отвечал продавец, приплясывая на месте.

– Эй, кто будет? – с довольным видом спросил наш вечно голодный друг.

– Я, я буду! – тут же воскликнул Валерий.

Больше никто перекусить не пожелал.

Раис взял два пирожка Валерию и полдюжины себе.

– Винца бы холодного, – мечтательно молвил Серёга и даже посмотрел вокруг, встав на цыпочки.

– Не, вино в банях продавать ещё Сулла запретил, – сквозь набитый рот огорчил его Валерий, а потом пояснил: – Это до Цезаря у нас правитель такой был.

– А отчего такие притеснения? – спросил Джон.

– Да напивались, а потом дебоши устраивали, драки, – ответил Валерий.

– Века идут, и ничего не меняется... – пробормотал Лёлик, явно имея в виду родную действительность.

Раис, прикончил свои шесть пирожков быстрее, чем наш гид прожевал один, после чего, нисколько не заботясь чужим вниманием, выпростал майку из галифе, расстегнул ширинку и спросил довольно:

– Так! Где тут раздевалка?

– А вот прямо вход, – промычал Валерий, торопливо заглатывая последний кусок, а потом спросил: – А банщиков и массажистов брать будем?

– А где их берут? – деловито поинтересовался Раис.

– Да вон они, – Валерий указал туда, где у стенки на корточках сидело с десятков крепких на вид мужиков в коротких мятых туниках, напоминавших распашонки. – По два асса за клиента берут.

– А рабынь-массажисток нет? – с надеждою спросил Джон.

– Нет, – пожал плечами Валерий. – Только рабы.

– Нет, мужиков брать не будем, – строго отказался Джон.

– Точно, – поддержал Боба. – Уж сами как-нибудь.

Мы прошли в раздевалку, называемую аподитерием, неся с собой банные принадлежности. Перед нами предстало большое помещение со стенами, затейливо украшенными лепниной. Отсюда можно было пройти во внутренний двор, где мелькало много народу. Налево был вход, как сказал Валерий, во фригидарий.

Вдоль стен устроены были широкие ступени, а уже на них имелись длинные скамьи из белого мрамора. На скамьях довольно тесно располагались посетители. Некоторые сидели расслабленно в белых простынках, некоторые лежали навзничь, и массажисты разминали и умащивали их распаренные тела. В воздухе стояли запахи оливкового масла и благовоний.

В одном месте толпилось человек десять; большинство из них были в рабских одеждах. Там на скамье на алой подстилке лежал пожилой белотелый римлянин с жирными обвисшими боками и сладостно кряхтел. Над ним трудились сразу три массажиста. Двое рабов плавно обмахивали своего господина пышными опахалами, ещё один раб, склонившись низко, наигрывал на прямой дудке, звучащей тоненько как флейта-пиколло.

В углу располагался цирюльный отдел. На раскладных деревянных стульчиках сидели клиенты. Вокруг них крутились брадобреи. Некоторых брили неуклюжими бритвами без всякой мыльной пены, лишь увлажняя щетину мокрыми полотенцами. Данное действие сопровождалось противным скрипом да вскриками получающих очередной порез. Одному клиенту цирюльник щипчиками выдёргивал волосы из-под мышки. Тот болезненно ойкал, но терпел.

Мы уселись где посвободнее и начали разоблачаться.

– А вещи-то куда? – резонно спросил Боба.

– Да вот сюда складывают, – показал Валерий на имевшиеся в стене ниши, устроенные навроде полок.

Ниши тянулись во всю стену. Над каждой из них присутствовал небольшой барельеф, изображавший что-нибудь эксклюзивное: вазу, лиру, венок, звериную или человеческую фигуру.

– Ну прям как в детсаде на шкафчиках, – хмыкнул Серёга. – Цветочки, зайчики... Не могли, что ли, пронумеровать...

– Так у них числа больно большие, – сказал Лёлик. – К примеру, "двадцать восемь" написать по-нашему, арабскими цифрами, два знака надо. А римскими ... – Лёлик зашевелил губами, подсчитывая, – ...так целых шесть.

– Да уж, – уважительно молвил Серёга. – Арабы поумней оказались.

– А у вас что, не воруют? – спросил Джон нашего гида.

– Воруют, – философски ответил Валерий.

– Так чего ж мы, весь багаж и оружие без присмотра кинем? – резонно поднял вопрос Боба.

– Ну, тогда капсарию надо сдать, – сказал Валерий.

– Кому? – уточнил Джон.

– Рабу при бане, капсарием называется. Ему вещи сдают под охрану, – пояснил наш гид.

– И где он? – спросил Лёлик, снимая очки и бережно закутывая их в рубашку.

– Так вон он там, – указал Валерий на дальний угол помещения.

Мы со всем своим имуществом прошли туда и обнаружили что-то вроде небольшой комнаты, заставленной разнокалиберными сундуками. На самом большом сундуке сидел жирный мужик с тройным подбородком, огромным брюхом и колбасообразными руками, в которых, впрочем, угадывалась немалая сила.

Мы подошли к нему. Серёга рыбьим взором посмотрел на пузана и блатным говорком спросил:

– Ты кто?

Тот посмотрел на Серёгу с опаской и ответил:

– Капсарий...

– А чего делаешь? – продолжил допрос Серёга.

– Вещи храню... Тех, кто моется... Вот, в капсы складываю, – толстяк указал на сундуки.

– Ну, прям камера хранения, – хехекнул Боба.

– Давай, принимай наши вещички, – велел Серёга, протягивая рюкзак.

Капсарий замаялся, оценил количество нашего багажа и осторожно сказал:

– Меньше сестерция не возьму.

– Годится, – деловито согласился Джон и дал ему потребную монету.

Потом попинал сундук, на котором располагался толстяк, и спросил:

– В этой... как её... капсе чего?

– Ничего, – ответил капсарий. – Сiju я на ней.

– Короче, – распорядился Джон. – Всё сюда складываем.

– Чего сидишь? Шевелись! – весело гаркнул Серёга и подпихнул капсария стволом пшайссера.

Тот неожиданно прытко вскочил и откинул крышку сундука. Мы стали складывать туда рюкзаки и оружие, а затем и одежду.

Серёга стянул футболку; на шее заблестело ожерелье.

– Снимать будешь? – спросил я его.

– А зачем? – засомневался Серёга и, наклонив голову, поглядел на свое приобретение не без гордости.

– А если кто увидит, узнает? – спрогнозировал я.

– Мало ли у кого такая же цацка имеется, – пожал плечами Серёга.

– Видишь ли, – пояснил я. – Массового производства ещё не придумали, каждая вещь вручную делается, так что такой штуки больше ни у кого нету.

Аргумент подействовал. Серёга ожерелье снял и засунул в кармашек рюкзака.

Раис любовно потёр свою пожарную каску подолом майки и бережно поместил в сундук; затем скинул боты вместе с носками и определил их рядом с каской.

– Ух, хорошо! – сладострастно простонал он, топчась по мраморному полу, на котором от этого оставались явные влажные следы.

Кругом разнёсся тяжёлый дух солдатских портянок; тем более и мы добавили свою посильную лепту, снимая обувь.

Для римлян это было явно в противную новинку, поскольку аборигены носили обувь лёгкую и открытую и не знали носков и прочего подобного, что могло бы создавать такие запахи. От всего этого химического поражения располагавшиеся на скамьях римляне задвигались, заворчали недовольно, стали зажимать носы. Капсарий оглушительно закашлялся. Валерий от нас постарался отодвинуться, делая вид, что он не с нами.

– Ишь ты! – удивленно воскликнул Лёлик. – А пол-то тёплый!

– Подогревается, – пояснил издали Валерий. – Трубы под полом проложены. По ним горячий дым пускают от печи. Вся баня так греется.

– Однако! – покачал головой Боба. – Прямо центральное отопление.

Наконец, мы разнагишались, уложив в сундук все свои пожитки, обулись в банные сандалии и замотались в простынки.

– Эй, у тебя ящик твой запирается? – спросил Лёлик капсария.

– А как же, – ответил тот, достал оттуда из района пояса бронзовый штырь с замысловато изогнутым крючком на конце, засунул его в замочную скважину, имевшуюся в сундуке, провернул, вытащил.

Раис посмотрел на капсария с подозрением и решительно сказал, требовательно протянув руку:

– А ну-ка дай-ка ключ сюда! А сам садись!

Капсарий безропотно отдал ключ и уселся на сундук.

Раис привязал ключ к углу своей простыни.

Серёга посмотрел на капсария лютым волком и веско молвил:

– Слышь, если что пропадет, я тебя без соли съем. Понял?

Тот глупо хихикнул.

– Слышь, Валера, а здесь нужник есть? – спросил Боба.

– Есть. Надо через палестру пройти, – ответил Валерий и счёл нужным уточнить: – Это так внутренний двор для физических упражнений называется.

– Точно! Перед банькой в самый раз ослобониться! – воскликнул Раис.

– Вот именно! – заметил Лёлик. – А то некоторые любят в бассейн прудить!...

– Не в бассейн, а в речку, – скучно уточнил Раис.

Вслед за Валерием мы вышли во внутренний двор, бывший весьма обширным. По периметру двор был выложен травертиновыми плитами и окружён портиком. Посередине же была ровная земляная хорошо утоптанная площадка, на которой было изрядно народу. Все как-то мельтешили, отчего пыль стояла столбом. Кто-то носился кругами, кто-то тягал каменные гантели, кто-то боролся. Некоторые стояли по трое и перебрасывались кожаным не слишком круглым мячом.

– Чего это они вздумали физкультурой заняться? – спросил озадаченно Раис, трогая свой неспортивный живот.

– Перед баней принято как следует пропотеть, – пояснил Валерий.

Мы прошли по краю площадки. На другой стороне в стене здания имелся проём без двери. Валерий приглашающе указал на него. Мы вошли и оказались в небольшом помещении со стенами, разрисованными растительными орнаментами.

Внутри никого не было. Слышалось непрерывное журчание. Вдоль одной стены на возвышении стояли в рядок мраморные прообразы унитазов в виде прямоугольных кресел, богато украшенных по бокам резьбой, с круглыми дырками в сиденьях. У другой стены укреплён был с наклоном широкий каменный желоб; с одной стороны в него из свинцовой трубы непрерывно лилась вода, на другой стороне стекавшая в дырку. Из стены у входа торчал бронзовый штыр, на который нанизаны были неровно порванные исписанные листы папирусной бумаги. Лёлик снял один лист и попробовал почитать что написано. Я заглянул ему через плечо. Лист покрывали неразборчивые каракули. Слова мало того, что были написаны вкривь и вкось, но ещё и слитно, без всяких интервалов.

– Черновики какие-то, – пробормотал Лёлик и вернул лист обратно.

– Всё в дело идёт, – одобрил Раис.

– Прямо как в нашенских сортирах! – удивился Серёга.

– Только у них чище, – подметил Джон, пристраиваясь у желоба.

Мы все последовали его примеру, организовав дружную шеренгу.

– Эх, а всё-таки хорошо без штанов, – весело заявил Раис. – Никаких тебе ширинок.

Закончив насущное дело, мы покинули нужное помещение и пошли обратно. По дороге мы узрели следующую сценку.

Морщинистый лысый старик в красной простыне, обмотанной вокруг торса, брал из корзины, подставляемой рабом, деревянные ярко раскрашенные шары и кидал их, стараясь попасть в кольцо, которое держал кудрявый мальчишка. Вокруг старика тёрлась целая компания из рабов и прихлебателей, дружно аплодировавших при каждом его удачном броске.

Увидев нас, старик разогнулся, оглядел наш коллектив не без сарказма и чего-то скомандовал своей челяди. Тут же к нему подбежал раб с серебряной посудиною в руках, формой совершенно походившей на ночной горшок.

Раб подставил посудину старику на уровне "ниже пупка – выше колен". Старикан поднял подол и совершенно непринужденно начал посудину наполнять. Челядь тут же начала громогласно славословить качество напора и превосходный цвет изливаемой жидкости. Впрочем, попробовать её на вкус для новой темы восторгов никто не додумался.

Старикан не спеша закончил. Подле него уже стоял раб с серебряным кувшином и кудрявый мальчишка. Старикан вяло протянул руки, раб полил из кувшина, старикан руки сполоснул и вытер их о кудри паренька.

– Ишь ты! – неприязненно заметил Раис. – Не может до нужника дойти.

– У богатых свои привычки, – откомментировал Джон.

Мы вернулись в аподитерий, а из него прошли во фригидарий. Это был обширный зал с потолком в виде купола небесного цвета с белоснежными геометрическими арабесками. Стены

фригидария были разрисованы природными видами: на голубом фоне изображены были деревья и кусты, усыпанные цветами; между ними порхали птицы с разноцветными хвостами.

Посередине фригидария имелся бассейн, полный воды, постоянно вливавшейся в него шумными потоками из разъявленных ртов гротескных масок, приделанных к постаментам бронзовых статуй. Сам бассейн и пол облицованы были разноцветными мраморными плитками. Вдоль стен стояли мраморные скамьи. С одной стороны в бассейн спускались ступеньки.

Под потолком имелось широкое окно с настоящей рамой в виде решётки, в которую было вставлены мутноватые стёкла. Рама могла поворачиваться по вертикали на двух штырях, вделанных сверху и снизу, и была открыта, пропуская солнечные лучи, высвечивавшие на стене яркий прямоугольник.

В бассейне плескалось с десяток римлян.

Мы сбросили с себя простынки и сандалии.

– О-па! – заорал дурным голосом Серёга и с размаху ухнул в воду.

– И-и-и! – пронзительно завопил Раис и последовал за ним, предварительно подпрыгнув и поджав ноги, отчего плюхнулся как сумасшедший бегемот

Следом и мы шумной компанией внедрились в бассейн.

Римляне на всякий случай от нас посторонились.

Вода была прохладна и, наконец-то, измученный жарой организм почувствовал комфортную свежесть, тем более мы влезли под бодрившие водяные струи.

– А теперь чего тут у вас по расписанию? – поинтересовался через некоторое время Раис.

– Теперь в тепидарий надо идти, – ответил Валерий.

– Ну пойдём, – одобрил Раис.

Мы выбрались из бассейна и, захватив свои банные принадлежности, перешли в следующее помещение.

Эта была длинная комната со сводчатым потолком, опиравшимся на массивный украшенный лепниной карниз, который подпирали выкрашенные в телесный цвет фигуры атлантов, стоявшие на невысоких постаментах. Между атлантами помещались скамьи из красного мрамора. Над скамьями в стене имелись небольшие ниши – как и в раздевалке. Потолок сплошь украшала лепнина, стены были выложены жёлтым мрамором с красивым узорчатым рисунком. Пол покрывала мозаика, изображавшая переплетения геометрических фигур. Окно, такое же, как во фригидарии, было закрыто.

В тепидарии сидело немало римлян. Вслед за Валерием мы уселись на свободную скамью. Здесь было жарко и душно.

Мы посидели пару минут, покрываясь потом и ожидая непонятно чего.

Наконец, Серёга спросил:

– И что сидим?

– Греемся, – пожал плечами Валерий.

– А зачем? – удивился Серёга.

– Вот именно! – воскликнул Лёлик. – Мы только освежились чуток после жары этой вашей. Так с чего снова греться?

– Точно, – поддержал Раис. – Что тут у вас ещё есть?

– Кальдарий, – робко ответил Валерий. – Там моются.

– Туда и пошли, – решительно встал Раис.

Валерий встал, скинул с себя простыню и сандалии и аккуратно засунул всё это в нишу. Свой скребок он оставил при себе. Мы последовали его примеру.

Валерий провёл нас в угол комнаты. Там имелась дверь, сплошь покрытая медными листами, украшенными выпуклой чеканкой.

За дверью оказалось не очень большое помещение с высоким купольным потолком с дыркой посередине. Пол и стены были облицованы бежевыми травертиновыми плитками. Под куполом светлыми пятнами зияли четыре арочных окна.

Здесь было жарче, чем в тепидарии, и весьма влажно. Мы сразу же облились потом. Дышать было затруднительно.

Кругом маячили голые тела. Некоторых наябывали скребками, отчего раздавались специфические звуки. Обрабатываемые стонали и кряхтели.

– Ничего себе баня, – тяжело отдуваясь, сказал Раис и принялся нервно чесаться.

– Ну, и кто желает поскрестись? – спросил Джон, складывая руки на груди.

Валерий с готовностью поднял руку с зажатым в ней прототипом мочалки.

– Короче, Валера, если хочешь, то скребись, да пойдем отсюда, – сказал Серёга.

– Жаль, раба-банщика не взяли... – робко произнес наш гид.

– Давай, давай! – прикрикнул на него Раис. – Сам поскребёшься.

Валерий отошел в сторонку и действительно начал себя обрабатывать.

Боба смущённо покашлял, открыл коробку с дамасским средством и предложил:

– Никто не желает?...

– Сам мажься, – порекомендовал Джон.

Боба с опаской зачерпнул из коробки мазь, походившую на вазелин, и начал осторожно втирать её в живот. Потом вручил коробку заинтересованно смотревшему на процедуру Лёлику, взял скребок и медленно провёл им по лоснившемуся пузу.

Раздался нудный скрип. На коже появилась красная полоса.

– А ты, братан, не мазохист, часом? – спросил Джон.

Боба возмущенно фыркнул и воскликнул сердито:

– Да ну, ерунда какая-то!...

– А это куда? – спросил Лёлик, тряся коробкой.

– Да вон, Валере отдай! – сказал Боба и окликнул того: – Эй, Валера, получи!

Наш римлянин с радостной гримасой схватил моеющее средство и сразу же им воспользовался, принявшись ловко обмазываться сверху донизу.

Вдоль стены помещалась длинная, на метров пять, мраморная ванна, полная воды. В ней с блаженными рожами густо сидели купальщики. Причем сидели они поперёк – к чему располагала внушительная ширина ванны.

Раис посмотрел на них критически и покачал головой:

– Не-е, ванну принимать не будем.

В дальнем конце кальдария на высоком каменном квадратном столбе помещался бронзовый украшенный выпуклыми узорами таз диаметром в метра два. Из таза высоко торчала бронзовая труба с фигурным навершием. Из неё фонтанировал бурный поток воды. Таз имел далеко выступавшие гнутые бортики, через которые вода прозрачной пеленой постоянно лилась вниз.

Пол к столбу имел уклон; вплотную к столбу устроены были отверстия слива, забранные бронзовыми решётками.

Мы подошли к этому подобию душа, у которого несколько римлян омывали тела.

Лёлик попробовал воду и неодобрительно воскликнул:

– Ух ты, горячая!

– Да ладно! За всё заплачено! – махнул рукой Раис и полез под струю.

Мы последовали его примеру, как-то ненавязчиво оттеснив римлян в сторону. Те недовольно загундели, но наши импортированные из двадцать первого века габариты, существенно превышавшие габариты местные, совсем не благоприятствовали отстаиванию поправленных прав.

Мы смыли под горячей водой пот и в дружном порыве засобирались уходить, поторопив Валерия, продолжавшего вдумчиво манипулировать скребком. Тот быстро сполоснулся и присоединился к нам.

Мы вышли из душной атмосферы кальдария и вздохнули свободно. Во фригидарии ещё раз хорошенько сполоснулись в бассейне. Валерий быстренько натёрся благовонием, после чего стал сам себя обнюхивать не без удовольствия, особое внимание уделяя подмышкам.

Засим мы закончили с банными процедурами и, на ходу вытираясь, прошли в раздевалку. Капсарий дисциплинированно сидел на сундуке. Увидев нас, он облегчённо вздохнул и с сундука сполз. Раис отвязал ключ от простыни и сунул ему. Капсарий отомкнул замок и распахнул крышку. Мы стали одеваться и навьючиваться амуницией.

– Проверяйте, проверяйте, – требовательно рекомендовал Раис, с подозрением косясь на смирно стоявшего капсария. – Всё проверяйте.

По мере сил мы проверили. Всё было на месте. Мы вышли в вестибюль. Там ненасытный Раис зацепил у разносчика целую горку пирожков с разной начинкой. На этот раз никто перекусить не отказался. Лолая с аппетитом, мы пошли к выходу.

– Слышь, – спросил вполголоса Серёга у Валерия. – А этот, который у входа деньги берёт, он раб или не раб?

– Раб, конечно, – ответил Валерий.

– Ага, – удовлетворённо молвил Серёга и, проходя мимо сварливого жирня, выписал тому по лысине звонкий щелбан с оттягом. Под аккомпанемент последовавшего пронзительного визга мы вышли наружу.

Валерий поглядел на солнце, уже заметно склонившееся к горизонту, и деловито сказал:

– Ну, мне пора. Еле-еле успею к патрону на обед.

– Ну, пока, Валерка, – лениво сказал Раис, облизывая пальцы после последнего пирожка.

Но римлянин вовсе и не торопился уходить. Он стал выжидательно смотреть на нас, глубокомысленно хмыкать и производить странные гримасы.

– Ты чего? – непонимающе спросил Боба.

– Ну, вы же обещали... За то, что я вам Рим показал... – пробубнил Валерий и застенчиво заухмылялся.

Серёга довольно вздохнул, приобнял Валерия за плечи и начал обстоятельно ёрничать:

– Так мы тебе чего обещали? Не обидеть. Правильно?

Валерий помялся и утвердительно кивнул.

– А мы разве тебя обидели? – вкрадчиво спросил Серёга.

– Не-ет... – проблеял римлянин, начиная понимать всё коварство подлых варваров.

– Ну так чего же ты ещё хочешь? – осведомился Серёга, сдерживая веселье.

– Да ладно тебе над человеком измываться, – пресёк издевательство Боба. – Сейчас заплатим, не боись.

Боба полез в карман и стал там шарить, производя приятный звон. Валерий зачарованно уставился на карман, как ребёнок, наблюдающий за тем, какую же конфету-ассорти ему выберут из коробки. Боба вытащил горсть монет. Валерий с радостным видом сунулся подставлять ладошки.

– Стоп! – прикрикнул Раис, подскочил к Бобе, взял у него несколько сестерциев и, тяжело вздохнув, вручил их Валерию:

– На вот! Заработал.

Валерий принял свой гонорар с инертным видом и оглядел нас внимательно с некоторой обидой. Боба сунул ему ещё пару монет. Валерий что-то пробормотал неопределённо, развернулся и заторопился прочь.

– А мы куда? – спросил Лёлик, глядя в спину удалявшемуся римлянину, к которому мы уже успели привыкнуть.

– А пошли на Марсово поле, – предложил Боба. – Посмотрим, посидим в теньке, подумаем: куда дальше податься.

Глава 8. В которой герои продолжают прогулку по Риму, а потом ищут и находят ночлег с дополнительным сервисом.

Возражений не было. Мы вышли на дорогу, по которой давеча маршировали легионеры, и прошли по ней на Марсово поле. Дорога уходила к мосту через Тибр. Мы же, решив посетить Помпеев портик, свернули влево и по травяному газону пошли туда, где красовались подкова одноимённого театра и вытянутый овал цирка Фламиния.

Марсово поле было образцово гладким, словно его специально вытюжили бульдозерами и грейдерами. Народу здесь почти не было, только в стороне группа местной молодежи занималась метанием диска.

Вскоре мы подошли к портику Помпея. Вблизи он выглядел внушительно и был изысканно красив. Крытая колоннада обрамляла сад размером с футбольное поле, в котором ровными рядами росли кустарники и деревья.

Внутри портик походил на музей. Простенки украшены были фресками на мифологические и батальные темы. Между колоннами из красного мрамора с золотистыми капителями в изобилии стояли статуи – судя по прекрасным формам и линиям – явно греческого происхождения. Лёлик не преминул заметить, что, покорив Грецию, римляне вывезли оттуда подчистую все предметы искусства.

Мы прогулялись по портику, дивясь на шедевры, потом вышли в сад и принялись прохаживаться по его аллеям, посыпанным красной кирпичной крошкой. И здесь было изобилие статуй, а также фигурных ваз, размещавшихся на мраморных постаментах. Между деревьями яркими красками выделялись цветники.

В саду было немало римлян. Они неторопливо прогуливались, выглядя при том людьми, которым некуда спешить. Впрочем, лицезрение наших персон заставляло их менять степенную созерцательность на бойкое изумление.

Воздух в саду был наполнен терпкими запахами листвы и ароматами цветов. Лёгкий ветерок приносил свежесть с реки.

– А молодец этот Помпей, – похвалил Боба. – Хороший садик устроил.

Под сенью раскидистого платана имелась мраморная скамья. Мы с удовольствием плюхнулись на неё, скинув рюкзаки и вооружение.

Напротив посередине обширного цветника устроены были солнечные часы. Они представляли собой мраморный круг диаметром в метр, посередине которого торчал медный начищенный до блеска штырь, отбрасывавший чёткую тень. По краю круга шли вделанные в камень, также медные и блестящие, римские цифры строгих очертаний.

Раис, беззвучно шевеля губами, внимательно изучил местное приспособление для определения времени, затем взглянул на свой базарный "Ориент" и спросил озадаченно:

– Так сколько же времени-то?

– Без амфоры не разберёшься, – хохотнул Серёга.

– Интересно, а какое число здесь сегодня? – поинтересовался Боба.

– Да хоть какой тут месяц – узнать! – нервно воскликнул Раис. – Может, зима на подходе, а мы без валенок.

– Ну, положим, зима тут не такая как у нас. Так что валенок тут не носят, – заметил я.

Мимо неторопливо шли два римлянина преклонных лет. Оба они были одеты в белые тоги. Один был худ, черняв и порывист в движениях. Другой был грузен и имел мясистое лицо, на котором застыла маска безгловости.

Грузный держал в руке свиток, которым и помахивал плавно, о чём-то рассуждая вполголоса. Худой внимательно его слушал. Нас они не замечали.

– Эй, отцы! – неожиданно окликнул их Серёга и со всей вежливостью, на какую был способен, спросил: – А месяц нынче тут у вас какой?

Грузный резко остановился и развернулся к нам. Худой последовал его примеру и стал смотреть на Серёгу как на недоумка.

– Смотри, Атик! – грузный резко указал свитком на нас. – Смотри на этих варваров, осмеливающихся нахально и беспардонно задавать вопросы римским патрициям. Коль же ничтожен и презрен Цезарь, отвратительным и бесстыдным образом надругавшийся над Отечеством через присвоенную им единоличную власть и употребляющий эту свою власть не только на попрание свобод своих сограждан, но и на оскорбительное для них попустительство ничтожным варварам, которым он позволяет появляться в священном Риме и вести себя так, словно они находятся в своих дремучих лесах, где они обитают наподобие диких и омерзительных зверей!

Говорить римлянин начал тоном завязтого брюзги, но под конец разошёлся и уже изрекал громогласно и патетически, словно на митинге драматических актеров.

Серёга на такие обидные слова насупился и пробормотал с угрозой:

– Но-но, папаша!...

Худой выслушал грузного, ловя каждое слово и согласно кивая головой, а потом горячо поддакнул:

– Да, Цицерон! Цезарь погубит Рим. Варвары кругом. Житья от них нет. И я слышал, что Цезарь хочет сделать вождей галльских племён сенаторами!

– Бесстыдство! – резко вскричал тот, чьё имя стало в веках нарицательным для красноречивых ораторов и прочих мастеров разговорного жанра.

– Ишь ты! – с интересом воскликнул Лёлик. – Цицерон собственной персоной.

– А ты что, варвар, никак слышал о нашем великом мыслителе? – снисходительно и даже с издёвкой спросил Лёлика худой.

Лёлик победительно хмыкнул, поправил очки и со значением взялся за свою справочную книгу. Он полистал страницы, нашёл нужную и, то смотря в книгу, то поглядывая поверх неё на Цицерона, словно милиционер, сличающий фотографию в паспорте с внешностью оригинала, стал с удовлетворением зачитывать:

– Марк Туллий Цицерон, родился в сто шестом году до нашей эры, умер... ну, это мы опустим...

– Это до какой до вашей... – растерянно спросил худой римлянин.

Лёлик, не удостоив его ответом, важно покашлял и продолжил:

– Величайший оратор своего времени, философ, писатель и государственный деятель. Образование получил в Риме и в Афинах. Будучи консулом в Риме, подавил заговор против республики аристократа Катилины, за что с триумфом был провозглашен «отцом отечества». Достиг своими литературными трактатами, а также защитительными и обвинительными речами в судах колоссальной популярности. Оставил большое эпистолярное наследие. Особенно известны письма Цицерона к его другу Аттику. Автор многих афоризмов, из которых наиболее известны следующие: "Познай самого себя", "Что посеешь, то и пожнёшь", "О времена! О нравы!", "Привычка – вторая натура", "Бумага не краснеет"...

– Ну что, дядя? – спросил обличительно Серёга. – Говорил всё это?

Цицерон невразумительно закричал, а потом кивнул.

– ...Во время Гражданской войны поддерживал Помпея, но был прощён Цезарем...

– Смотри-ка! – укоризненно сказал Боба. – Его простили, а он ругается!...

– ...После убийства Цезаря выступил на стороне заговорщиков... Ну, про это мы тоже умолчим... – Лёлик закончил читать и уставился на Цицерона с полным превосходством.

Цицерон молча и растерянно смотрел на нашего энциклопедиста, а затем враз охрипшим голосом спросил своего спутника:

– Атик, ты это тоже слышал?...

Худой в ответ лишь невнятно вякнул.

Лёлик снова заглянул в книгу, посмотрел на худого и ехидно осведомился:

– А ты, стало быть, как раз и есть Тит Помпоний Аттик – дружан Цицерона?

Худой придурковато хихикнул и утвердительно кивнул.

– Разбогател на издании и торговле книгами, – продолжил обличать Лёлик. – Придумал способ ускорить переписку книг. Один раб диктовал текст копируемой книги, а целая команда рабов-переписчиков писала под диктовку.

Аттик изумлённо выпучил глаза и посмотрел на Цицерона в полнейшем недоумении.

– Ишь ты, ушлый какой! – неодобрительно заметил Раис.

– А, может, рассказать ему, как типографский станок устроен? – вслух поразмыслил, ухмыляясь, Боба.

– Не, не надо, – покачал головой Джон. – А то потом нашему первопечатнику Ивану Фёдорову делать будет нечего.

– Ну так месяц сейчас какой на дворе? – уже без особой вежливости спросил римлян Серёга.

– Секстилис... – пробормотал Аттик.

– Чего это? – не понял Серёга и ещё раз осведомился: – Месяц, спрашиваю, какой?

– Месяц сейчас секстилис, – повторил Аттик.

– А следующий какой будет? – спросил Джон.

– Септембер, – доложил Аттик.

– А-а, сентябрь! – понял Серёга и презрительно добавил: – Так у вас сейчас август, а не какой-то там секс-мекс...

– Август ещё августом не назвали, – тоном работника справочного бюро оповестил Лёлик.

– А почему? – удивился Серёга.

– Потом назовут, – сообщил наш эрудит. – После Цезаря будет править Август. По его имени и назовут.

– Это который Август? – с живым интересом полюбопытствовал Цицерон.

– Неважно, – холодно отбрил его Лёлик.

Цицерон помялся и уже с некоторым уважением спросил:

– А что это у тебя за книга такая?

Лёлик книгу значительно захлопнул и важно сказал:

– Книга секретная. Из наших варварских лесов.

– А что там у вас насчёт заговора против Цезаря?... – попытался уточнить великий оратор.

Лёлик уничижительно хмыкнул и отвернулся.

– Идите куда шли! Нечего с варварами якшаться! – сурово прикрикнул на римлян Раис.

Те потоптались растерянно, а потом пошли прочь, поминутно оглядываясь и что-то горячо обсуждая.

– Ну так чего делать-то будем? – начал дискуссию Боба, поглядывая на вечеревшее небо.

– Не мешало бы пожрать, – пробурчал Раис.

– Это само собой, – сказал Лёлик. – Но в широком смысле надо бы гостиницу какую-нибудь найти, чтобы переночевать.

– Что мы сюда, ночевать приехали?... – заметил не без резона Серёга.

– А я говорю, у них тут обед по расписанию, а мы толком и не завтракали, – напористо продолжил гнуть свою линию Раис. – Надо бы какую-нибудь местную столовку найти да поесть как следует.

– Вот-вот! – поддержал Серёга. – Винца попить!... Гульнуть на всю катушку!

– Не забывайте про девочек! – воскликнул Джон.

– Эх,купить бы тут жилплощадь, да рабынь, да и вообще... – мечтательно произнёс Боба.

– Ну ладно. Чего сидеть. Надо в город возвращаться, – поторопил я коллег.

На том и порешили. Мы встали, собрали амуницию и двинулись обратно в пределы населенного пункта с названием Рим.

Мы выбрались на знакомую дорогу и прошли по ней до бани. Оттуда направились по улице, на которой было побольше домов. Улица дошла до склона очередного холма и свернула налево. Открылся обширный пустырь с развалинами мрачного вида. Далее за пустырём снова виднелись дома. Мы решили не возвращаться и пошли вперёд.

Вскоре густо запахло выгребной ямой. Обнаружился и источник сего. Заросли бурьяна скрывали неширокий канал с каменными стенами, в котором медленно текла мутно-зелёная зловонная жидкость с маслянистыми разводами.

– Клоака, что ли? – предположил Лёлик.

– Чего? – в очередной раз не понял Серёга.

– Клоака – это римская канализация, – пояснил Лёлик. – Так она здесь называется.

– Ничего себе, – удивился Серёга. – Так они ещё и канализацию придумали.

Мы поравнялись с руинами. Оттуда вдруг выскочила нам навстречу компания чумазных детей, одетых в ветхое рваньё. Несколько мальцов сопливого возраста были вообще первозданно голыми; впрочем, отсутствие одежды им заменял толстый слой грязи, покрывавший их от макушки до пяток.

– Ух, ты! – закричал самый бойкий из них. – Варвары!

Дети нахально заулюлюкали и увязались следом, держась на расстоянии.

В сопровождении эскорта местных гаврошей мы миновали развалины. За ними притулились покосившиеся лачуги с кое-как нахлобученными соломенными крышами и со стенами, удачно подпёртыми грудками грязи и мусора. Около лачуг кучковались мятые оборванные личности, своим видом идеально гармонизировавшие с ландшафтом. Они мрачно и нагло уставились на нас.

Серёга на всякий случай братски заулыбался и послал им кепочкой привет, но взамен тут же получил щедрую порцию грубой и изобретательной ругани.

Маленькие стервецы, осмелев от присутствия взрослых, окружили нас по бокам и стали кидаться комьями земли. Один сопливый голыш, решив попасть наверняка, подскочил к нам совсем близко.

– Осторожно! – предостерегающе крикнул ему малолетний вожак. – Поймают, живём сожрут!

Боба сдуру решил воспользоваться ситуацией для установления мира и согласия, для чего добрым голосом возразил, улыбаясь как волшебная фея:

– А вот и неправда! Мы хорошие.

– Ух, ты! – заорал вожак. – Да они не дикие! Налетай!

Сорванцы тут же подлетели к нам и вредными чертенятами принялись скакать вокруг, выкрикивая всякие гадости и одновременно клянча денежку. Мы все опасливо схватились за карманы. Серёга громко посулил попрошайкам одни шиши.

Юные негодяи своими цепкими кульбитами напоминали ползучий кустарник: они хватали нас за штаны, висли на руках, путались под ногами, и чуть ли не бросались под нас, как под танки. Тем самым они умело чинили нашему продвижению серьёзные препятствия, и мы стали более топтаться на месте, чем двигались вперёд.

А тут ещё и взрослый контингент начал направляться к месту действия, подбирая с земли камни и палки.

Дело принимало совсем нешуточный оборот, и Серёга уже схватился за шмайссер. Но тут пришла на помощь присущая нашим людям смекалка. Джон выхватил из кармана горсть монет и широким взмахом сеятеля швырнул их в сторону; коллеги догадливо присоединились

к почину – монеты полетели градом, и лишь истеричный вопль Раиса: "Хватит!!!..." остановил расточительство.

Детишки уже после первой горсти как один кинулись за привалившим капиталом; к ним энергично присоединились взрослые, при этом не особо жалуя подрастающее поколение.

Произошедшая кутерьма позволила нам драпануть галопом. Мы на одном дыхании проскочили пустырь и вбежали на начинавшуюся улицу из домов вполне добропорядочного вида. Там мы перешли на прогулочный шаг, впрочем, то и дело на всякий случай оглядываясь назад.

– Ничего себе, цветы жизни! – ошалело воскликнул Джон, нервно озираясь.

– Прямо банда какая-то, – искренне заявил Серёга. – Я в их возрасте скромней был.

Мы пошли по улице. Народ отчего-то навстречу нам не попадался. Дома здесь все были какие-то негостеприимные: с запертыми дверями, с наглухо закрытыми ставнями на окнах.

Вечерело. Воздух погустел и налился тёмной синевой; подушки редких облаков неуловимо приобретали опаловое свечение. Вечер приносил тишину и умиротворение, словно пролитое на волны масло. Хотя какое могло быть умиротворение в незнакомом городе, в чужом веке и на пустой желудок?

А посему высказанная Лёликом мрачная мысль о неизбежности коротания предстоявшей ночи в холоде и голоде незамедлительно вызвала бурный обмен мнениями по существу, причем каждый из коллег участвовал в нём по-своему. Лёлик, как следует развив мысль о тяготах и лишениях, тем самым до колик испугал Раиса и испугался сам, после чего перешёл к стенаниям вперемешку с оскорбительными намёками типа: "Ну с кем я связался на свою голову?".

Серёга залихватски похохатывал и дразнил Лёлика, вспоминая свои армейские будни, отличавшиеся куда меньшим комфортом, чем летняя южная ночь. Боба же, напротив, как мог утешал бедолагу, делясь с тем своим оптимизмом и положительными предчувствиями. Испугавшийся Раис схватился за живот и, производя жалобные стоны, требовал немедленно найти столовку, иначе с ним тут же случится или колит, или гастрит. Джон то пытался сказать что-нибудь жизнерадостное, то впадал в мрачную задумчивость, пристально вглядываясь в открывавшиеся переулки.

Улица повернула направо и уперлась в каменную лестницу, взбирающуюся на холм. Мы поднялись по ней. На холме дома были побогаче. Часто попадались глухие каменные заборы, из-за которых иногда слышались весёлые голоса.

Впереди закричала, приоткрываясь, калитка в заборе, высунулась из-за неё зверская харя, посмотрела на нас хмуро.

– Любезный, а не подскажешь... – начал было допытываться Джон.

– Проходи, проходи... – прохрипела харя, скрываясь обратно.

Мы прошли. Улица спускалась круто под уклон. Мы вышли на небольшую площадь, на которой присутствовал празднично шатавшийся народ. Судя по одежде, среди которой тог не наблюдалось, здесь находились представители местного пролетариата. Многие были навеселе.

Послышалось разудалые крики. На площадь из боковой улицы вырулили два типа в рабочих туниках. Они, обнявшись, выписывали ногами кренделя и пели что-то непонятное.

– Опа! – обрадовался Серёга. – Наши люди!... Сейчас у них поинтересуемся!...

Мы подошли к гулякам.

Серёга окликнул их:

– Эй, мужики! А где тут винца попить можно?

– И пожарь! – напористо добавил Раис.

Типы посмотрели на нас с добродушием и синхронно махнули рукой туда, откуда пришли.

Мы поспешили в указанном направлении и через несколько домов обнаружили двухэтажное строение с широко распахнутой дверью, из-за которой доносился специфический шум питейного заведения.

Над входом прямо на неровной штукатурке была нарисована картина, служившая вывеской. На ней пузатые амуры с рахитичными крыльями и лицами порочных алкашей несли кривую амфору. Под ними другая пара амуров, ещё более непотребных, держала блюдо, на котором находились какие-то бесформенные предметы, призванные, по всему, изображать деликатесы. Под картиной имелась лаконичная надпись "Харчевня Филокала. Всё вкусно".

– Чего-то имя какое-то подозрительное, – с сомнением сказал Лёлик.

– Почему это? – спросил Серёга.

– Ну, по-гречески "фило" значит "любитель", – просветил Лёлик. – Так что не знаю: из чего тут готовят...

Мы вошли в заведение и оказались в средних размеров зале с низким чёрным от копоти потолком. Здесь уже вовсю горели масляные светильники, распространяя более чада и дыма, чем света. Пахло пригоревшим маслом, немытыми телами, прокисшим вином, луком и чем-то аммиачным. Было жарко и душно.

Посетителей хватало, и все они на первый взгляд выглядели сплошными оборванцами. Люди густо сидели за громоздкими столами из толстых досок на такого же дизайна скамьях, что-то ели, пили из глиняных чашек, галдели, орали, и, вообще, вели себя совершенно неприуждённо.

Справа от входа имелась широкая стойка, сложенная из кирпича. Прямо в стойку были вмонтированы разных размеров ёмкости, прикрытые крышками. За стойкой в углу располагалась невысокая печка наподобие голландки. На ней стояли закопчённые котлы, в которых что-то варилось, распространяя густые запахи. Кашеварила неопрятная толстуха с сизым носом, одетая в бесформенную хламиду, засаленную настолько, что из неё мог бы выйти наваристый бульон.

За стойкой с хозяйским видом стоял тощий мужик с выпученными глазами, походивший на засушенную стрекозу. Он мельком скользнул по нашему коллективу ничего не выражавшим взглядом и отвернулся.

Рядом со стойкой как раз обнаружился свободный стол. Мы уселись, свалив амуницию себе под ноги.

– Эй, хозяин!... – позвал Боба, но получилось неубедительно как у Буратино в харчевне "Три пещера".

– Эй, человек! – рявкнул изголодавшийся Раис уже вполне убедительно.

Хозяин посмотрел на нас теперь внятно и, обернувшись к поварихе, что-то ей сказал. Та неторопливо выбралась из-за стойки и, переваливаясь, словно усталая утка, подошла к нам.

Серёга, почуяв важность момента, напустил на себя представительный вид и распорядился:

– А ну давай меню!

Толстуха посмотрела на него как на таракана в супе и процедила:

– Варварской еды не готовим.

Серёга оскорблённо засопел.

– А что имеется? – бойко спросил Раис.

Толстуха задумчиво свела глаза к переносице и перечислила:

– Есть сырная закуска, яйца в имбирном соусе, капуста в уксусе, бобовая каша с салом, свиная колбаса, пирожки с инжиром...

– Вот всё и тащи! – энергично распорядился Раис.

– А у вас деньги есть? – спросила толстуха невежливо.

Раис хмыкнул и показал ей золотой ауреус.

Та одобрительно кивнула и уже с толикой уважения спросила:

– Гарум нести?

– Чего?... – переспросил Боба.

– Неси, всё неси! – замахал руками Раис.

– И вина давай! – скомандовал Серёга. – самого лучшего. Амфору! – и указал руками нечто ведёрное.

Толстуха пожевала губами и лениво спросила:

– Вино как разбавлять?

– Да ты чо?! – нервно закричал Серёга. – Совсем с ума сошла? Чтоб никаких разбавлений! Как есть неси!

Толстуха хмыкнула и, почёсывая растрёпанные космы, неторопливо удалилась. Мы стали ждать, поглядывая по сторонам.

За соседним столом веселилась особо разудалая компания. Предводительствовал в ней походивший на питекантропа широкоплечий брюнет, до глаз заросший чёрной щетиной, со шрамом, косо пересекавшим низкий морщинистый лоб.

Он говорил много, громко, но как-то непонятно, словно на каком-то жаргоне. Его собутыльники – также все как на подбор брутального вида – изъяснялись столь же невразумительно.

Серёга послушал и уважительно сказал:

– Никак по фене ботают.

Тщедушный подросток с физиономией испуганного хорька, одетый в измызганную тунику, принёс костяные ложки и глиняные тарелки для каждого, а также блюдо, на котором лежали толстые ломти пшеничного хлеба.

Раис тут же схватил горбушку и стал жевать. Мы последовали его примеру. Местный хлеб, пресный на вкус, был сделан из муки грубого помола, с отрубями.

Подросток во втором заходе притащил в глиняной миске обещанную сырную закуску и ещё глиняный кувшинчик, напоминавший сотейник, из которого густо пахло аммиаком.

– Это что принёс? – спросил Лёлик, зажав нос.

– Гарум, – удивлённо ответил подросток.

– А что это? – осведомился Джон.

– Соус такой. Все его едят, – поведал подросток.

Джон осторожно понюхал, скривился и спросил:

– И из чего эту гадость делают?

Подросток почесал затылок и пояснил:

– Ну, рыбу солят, а потом в бочках на солнце квасят... А потом сок процеживают. Вот это и есть гарум.

– Давай, неси обратно, – буркнул Лёлик, старательно зажимая нос.

– Погодь, – остановил Раис, взял сотейник, чуть полил экзотическим соусом ломоть хлеба, куснул, пожевал задумчиво, скривился и махнул рукой: – Неси отсюда!...

Подросток посмотрел на нас как на идиотов и, захватив сотейник, ушёл.

Мы с опаской попробовали сырную закуску, но она оказалась вполне достойной на вкус. Раис намазал её на хлеб толстым слоем и стал довольно жевать, не преминув сообщить, что, по его компетентному мнению, здесь присутствует мелко растёртый сыр типа брынзы с чесноком и укропом, сдобренный оливковым маслом.

Мы также сделали себе по бутерброду и нашли его слова дельными.

– Интересно получается, – задумчиво сказал Джон, прожевав первый кусок. – Этот гарум местный совсем как у вьетнамцев их соус. Те тоже рыбу на солнце квасят, а потом рассол получившийся потребляют. Называется смешно: что-то типа "ням-ням".

– Так, может, римляне сплавали туда да и узнали рецепт, – предположил Серёга.

– Не может быть, – важно заявил Лёлик. – Римляне так далеко не забирались. Да и вообще, во Вьетнаме сейчас и людей-то ещё, наверное, нет. Или есть, но совсем дикие.

– А ты откуда, Джон, знаешь про вьетнамский соус? – поинтересовался Боба.

– Да жил как-то в общежитии с вьетнамцами, когда учился. Они и рассказывали, – ответил Джон и добавил: – Гурманы ещё те. Любимая еда у них – селедка жареная. Как начинали жарить, так на всём этаже не продохнуть.

– Дикари! – с превосходством заявил Раис, намазывая очередной бутерброд.

Джон покачал головой и спросил с подвохом:

– А ты, Раиска, к примеру, борщ любишь?

– Конечно! – ответил тот. – Из свежей свеколки да на мозговой косточке да с чесночком, с превеликим нашим удовольствием!...

– А вьетнамцы от его запаха сознание теряли, – сказал Джон. – Говорили, что воняет хуже не придумаешь.

– Да уж. На вкус и цвет уговору нет, – глубокомысленно резюмировал Боба.

Подросток притащил щербатые глиняные чашки и кривобокую амфору. Серёга тут же ею овладел, торопливо разлил вино в чашки, после чего произнёс тост:

– Ну, за туристов!

Мы незамедлительно выпили по первой. Вино оказалось кисловатым и с привкусом смолы.

Серёга разлил по новой. Подросток приволок широкое блюдо с разрезанными на половинки варёными яйцами, плававшими в коричневом соусе, и миску с кое-как порезанным вилок капусты, резко пахнущим уксусом. За ним появилась толстуха и шваркнула на стол большое глубокое блюдо, полное дымившейся каши из белых бобов в жирной подливке с наваленными сверху кривыми колбасками, прокопчёнными до черноты. Тут же подошёл хозяин, поставил сбоку блюдо с пирожками и предложил заплатить за всё удовольствие четыре сестерции. В этот раз с толикой карманных денег расстался я.

Мы приступили к трапезе. Вкусовые оттенки местной стряпни были бескомпромиссны: уксус так уксус, имбирь так имбирь. Экономии на специях не наблюдалось. Особенно острыми были колбаски. Они были буквально напичканы горошинами чёрного перца, а также тмином и кориандром. Но в целом они были хороши – тщательно прокопчённые, с ароматным запахом дыма, в оболочке из натуральных кишок, куда были плотно набиты твёрдые кубики мяса, куски жира и какая-то крупа. К тому же вино достойно помогало бороться с избытком специй.

В самом конце нашего ужина, когда Раис приканчивал остатки каши, а мы уже лениво кушали пирожки с инжиром, привычный шум, царивший в заведении, вдруг сменился на нечто оживлённое и бравурное. У входа раздались бодрые крики и волной покатались к нам. Мы оглянулись. Народ приветствовал двух девок с размалёванными лицами в ярких туниках с бесстыжими разрезами по бокам. Девки, широко ухмыляясь и нисколько не препятствуя шлепкам по мягким местам, которыми их награждали все кому не лень, прошли к соседствовавшей с нами компании брутальных мужиков и уселись за стол по бокам от главаря. Им налили вина, стали тискать без всяких приличий. Джон с загоревшимся взором уставился на сию сцену, позабыв даже дышать.

Вылез откуда-то субъект с флейтой, заиграл на ней пискляво и пронзительно, некоторые умельцы забарабанили по столешницам. Девки, осушив чаши, вылезли на свободный пятачок перед стойкой и принялись плясать.

Вертя вскинутыми руками и звеня браслетами, они мелко топтались на месте и всюю крутили торсом, причем так умело, что их выпуклые задницы и немалые груди ходили аппетитным ходуном. Лёгкие туники развивались, оголяя через разрезы крепкие ноги. Римляне смотрели на девок со всем вниманием, вопя одобрительно.

Джон не выдержал такого зрелища, привстал, подался вперёд.

– Эй, варвары! – закричал вдруг голосисто предводитель компании. – Чего на наших женщин зырите? За просмотр платить надо!

– А их бабы волосаты и со свинными харями! – визгливо заорал кто-то.

Аборигены загоготали как безумные. Девки перестали плясать и тоже залились смехом, показывая на нас пальцами как на нечто неприличное.

Один из компании, сидевший к нам спиной, приподнял зад, старательно выпятил его в нашу сторону и оглушительно с булькавшими руладами испортил воздух.

Отвратительная вонь накрыла нас как облако отравляющего газа. Мы закашлялись. Лёлик надул щеки в рвотном спазме. Один Раис лишь поморщился, не прекратив жевать.

Местные стали хохотать уж совсем без тормозов.

– Ну ты, сейчас в рыло дам! – заорал Серёга, вскакивая.

Тут же полетела в нас посуда. Одна чаша врезалась в каску Раису и разлетелась вдребезги. Другой жახнуло Бобу по затылку. Боба обиженно ухнул, вскочил из-за стола и беспорядочно замахал руками. Несколько римлян получили по тумаку и упали.

Серёга, сделав зверскую рожу, живо встал рядом с Бобой. Джон, воспользовавшись моментом, подскочил к девкам, и стал их то ли лапать, то ли просто хватать за грудки. Лёлик продолжал сидеть, зажав рот рукой и выпучив глаза. Я на всякий случай торопливо нашёл под столом автомат, вскинул его наизготовку вверх и перещёлкнул предохранитель на одиночные.

Раис растерянно раскрыл рот, поглубже нахлобучил каску, потом цапнул тарелку из-под яиц и с молодецким воплем метнул её наудачу. Крутясь и вольно разбрызгивая остатки соуса, та пронеслась по заданной траектории и заехала прямоиком по черепу отвратному главарю.

Главарь заорал совсем по-звериному, схватил амфору и кинулся мстить. Раис утробно охнул и вооружился миской из-под каши, приготовившись обороняться адекватным оружием.

Боба как следует замахнулся и, когда главарь оказался в зоне поражения, от всей души врезал ему по челюсти. А я в сей же миг нажал на спуск. Оглушительно грохнул выстрел. От удара главарь полетел кубарем, сбивая по пути мебель и народ.

Воцарилась мёртвая тишина. Римляне с ужасом смотрели на Бобу. Для них, незнакомых с огнестрельным оружием, было совершенно очевидно то, что громоподобный звук произошёл от молодецкого удара.

Боба удовлетворённо дул на кулак. Серёга победительно ухмылялся. Джон растерянно отвернулся от девок. Лёлик вскочил на ноги, опёрся о стол и заорал из-за всех сил:

– Ну, кто ещё хочет получить громовым кулаком?!!

Римляне все как один присели и вдруг порскнули к выходу, вопя панически. Брутальные мужики подхватили своего главаря и, не мешкая, тоже смылись.

Через пару секунд в харчевне остались только мы да обслуживающий персонал, перепуганно прятавшийся за стойкой.

– Эх! – в сердцах воскликнул Джон. – А девки-то тоже удрали!...

– Точно! – поддержал Серёга. – Не уследили. А то бы сейчас в самый раз!...

– Вот, вот! – в нервном угаре воскликнул Лёлик. – Сейчас бы их... Эхма!... – и совершил красноречивый жест.

– Однако, я смотрю, ты прям в этом деле большой любитель, – сумрачно произнёс Джон.

– Неправда! – отрезал Лёлик. – Я в этом деле совсем не любитель, а вовсе даже профессионал!

Джон издевательски заржал, отчего Лёлик набычился и покраснел гневно.

Мы снова сели за свой стол.

– Эй, хозяин! – нервно крикнул Серёга. – Ещё вина!

Хозяин незамедлительно выпрыгнул из-за стойки и чуть ли не на цыпочках подбежал к нам, заранее протягивая полную амфору. Серёга принял её и разлил.

– А ну-ка, милейший, – отчего-то слегка картавя, спросил Джон хозяина. – Скажи-ка нам, чего это за девы тут присутствовали?

– Ну так, это блудницы, – оторопело ответил хозяин.

– Ага, – удовлетворённо кивнул головой Джон и продолжил дельные расспросы: – А где их тут у вас сыскать можно?

– И чтоб красавицами были! – напористо пожелал Раис. – Как мы!

– Так в лупанарах они имеются... – сказал хозяин, нервно теребя подол.

– И где твои лупанары? – сурово спросил Раис.

– Ну, тут рядом, на Субуре много лупанаров, – ответил хозяин.

– Ты нам ваньку не валяй! Ты нам адреса говори! – со строгим напором приказал Серёга. Хозяин совсем растерялся и промямлил:

– Так если вы сами не местные, не найдёте... Субура – она такая, там враз заблудиться можно.

– И чего делать? Думай давай! – надавил на психику Серёга.

– Если патриции желают, – дрожавшим голосом сообщил хозяин, – то тут есть одно заведение...

– Эге! – воспрял духом Джон, но тут же с подозрением спросил: – А девчонки хороши?

– Да, – заверил, приободрившись, хозяин. – Там отбор строгий, для чистой публики.

– То есть, для нас, – важно одобрил Раис.

– А как дорогу-то найдём? – прагматично спросил Лёлик.

– А я вам мальчонку дам. Он проводит, – сказал хозяин, потом призадумался и спросил осторожно: – А вы его с собой не уведете?

– Нам рабы не нужны! – гордо сказал Боба, а потом и вовсе заявил: – Мы вообще против рабства.

– Как это? – удивился хозяин. – А кто уж у вас работает?

– Сами все и работаем, – отвечивал Боба.

Хозяин удивился и пробормотал:

– Как-то у вас не по-людски...

– Ну ладно, давай своего мальчонку, да пойдём мы, – поторопил Джон.

– На вот тебе за беспокойство, – Боба протянул хозяину серебряный денарий.

Тот с превеликим почтением поблагодарил, подозвал подростка и наказал ему отвести нас в заведение некоей Корнелии Атланты. Мы собрались и вместе с пареньком покинули харчевню.

На улице царили уже крепко погустевшие сумерки, несколько не оскверняемые отсутствующим уличным освещением.

Мальчишка повёл нас как-то наискосок узкими закоулками, потом тёмными дворами, в которых копошились и перекликались подозрительные личности. Мы старались держаться кучно.

В одном из переулков около узкого арочного прохода, зачем-то занавешенного невнятной тканью, горели факелы, воткнутые в железные держатели, приделанные к стене. Там толпился народ странного вида.

Безобразная старуха, увидев нас, запричитала сахарно, стала звать заходить, полакомиться. Из-за занавески выскочила бабища в одной тряпке, намотанной вокруг бёдер, начала призывно трясти огромными обвисшими грудями. Нарисовалась сбоку растрёпанная пигалица с чумазым невзрачным лицом, стала поводить худыми плечиками и усмехаться с совершенно взрослой блудливостью.

Жеманная личность с набелённым лицом, на котором ярко выделялись накрашенные губы, принялась вертеть бедром, норовя задеть стоявшего ближе всех Бобу, а потом нарочито писклявым голосом, выдавшем её совсем не женскую сущность, заверещала:

– О, могучие чужестранцы, не хотите ли вкусить свежего мальчика?

– Ничего себе, мальчик-содомит!... – потрясённо пробормотал Джон.

– А ну, пошёл отсюда, петух латинский!... – пихнул гневно предвестника трансвеститов Боба.

– Это не здесь? – уточнил растерянно Лёлик у проводжатога.

– Нет, дальше, – равнодушно ответил мальчишка.

Мы, отмахиваясь от сквернавцев, прошли сквозь переулок и вышли на улицу. Там паренек подвёл нас к двухэтажному дому, молча указал на крепкую дубовую дверь с гнутой ручкою, украшенной кокетливо повязанным лоскутом, и незамедлительно испарился. Из-за двери доносились приглушённые крики, невнятное музыкальное пиликанье и нестройный топот.

– Глянь-ка! – хохотнул Серёга.

Сбоку от двери имелаась в стене ниша, а ней стояла похабная статуэтка, изображавшая мужика с блудливым лицом и с огромным фаллосом в готовности даже не номер один, а, пожалуй что, и номер ноль. На фаллос надет был венок из чуть завядших цветов.

– Ничего себе экземпляр, – уважительно сказал Джон.

– А сюда только с таким размером пускают, – с серьёзной миною заявил Боба.

– Чего врёшь-то?! – беспокойно воскликнул Раис.

– Это бог местный Приап, – назидательно сказал Лёлик. – Его так всегда изображают.

– А почему? – живо поинтересовался Серёга.

– Ну, он бог плодородия всякого, размножения... И вообще, покровитель блудодеев.

– Ишь ты! – уважительно сказал Джон. – Прямо для нас.

– Ну что, заходим? – риторически спросил Боба.

– Ну да... – невразумительно пробормотал Джон, после чего нервно похмыкал, осторожно отворил дверь и шагнул за порог.

Естественно, мы последовали за ним. Сразу за дверью имелся тёмный предбанник, отгороженный от общего зала потрёпанной льняной занавеской, по которой метались размытые тени бурно веселившегося люда.

Джон, прислушавшись к энергичным крикам, уже с меньшим напором сдвинул занавеску, шагнул вперёд и тут же обо что-то споткнулся. Этим чем-то оказалась мертвецки пьяная девица, привольно развалившаяся на полу в совершенно разнагишённом виде. По её поношенной груди и пухлому животу небрежно был рассыпан ворох роз; один бутон с должным остроумием красовался между привольно раскинутых ног, что наводило на некоторые пиитические сравнения.

Осторожно переступив по очереди через пикантный натюрморт, мы огляделись.

Действо происходило в довольно просторном зале, освещённом множеством масляных светильников, помимо люксов производивших неизбежный тяжкий дух горелого масла. Разнокалиберные посетители, сидя за уставленными питейными наборами столами и не забывая обильно отхлёбывать из вместительных чаш, тискали нарочито визжавших девиц, одетых в короткие яркие туники с шаловливыми разрезами на боках; изредка кто-нибудь подхватывался и, подталкивая перед собой глупо хихикавшую путану, скрывался с нею в одном из интимных закутков, в ряд устроенных в стене, при этом не всегда задёргивая имевшийся полог из некрашеной дерюжки.

Музыкальный фон организовывался оркестриком из четырёх нездорового вида подростков, наяривавших с помощью флейты, бубна, глиняной свистульки и погремушки нечто громкое, быстрое и бессмысленное. Впрочем, на их усердие мало кто обращал внимание; лишь какой-то морщинистый извращенец настойчиво пытался лапнуть за ляжку свистулечника, да детина дикого вида, зажмурившись и качая лохматой головой, неуклюже топтался в луже пролитого вина, пытаясь казаться грациозной павой.

Из глубин коридора, сбоку выходившего в зал, вдруг раздалось басовитое кряхтение, и оттуда вышла, нет, даже не вышла, а надвинулась на нас горообразная бабища бальзаковского

возраста с малиновым мясистым лицом, по комплекции удачно годившаяся в Геркулесовы мамы. Ко всему и рост её был совсем не местных стандартов.

Сурово оглядев нас из-под насупленных кустистых бровей, матрона хмуро потребовала внести плату за вход по два сестерция с носа. Джон мило поддакнул и полным заискивания голосом осведомился:

– Простите, сударыня, а не вы ли будете содержательницей сего прелестного заведения?

– М-да... – подозрительно процедила сударыня и сжала кулаки.

Джон криво ухмыльнулся и заторопился продолжать:

– Видите ли, мадам, то есть гражданка... э-э... ваше благородие, мы бы хотели этот ваш... бордельчик взять, так сказать, в смысле на ночку... Со всеми удобствами... Не затруднительными для вас, ваше сиятельство...

Хозяйка сурово насупилась и недвусмысленно стала засучивать рукава, обнажая необъятные жирные ручищи с могучими бицепсами. Джон ойкнул, побледнел и торопливо попятился, выталкивая перед собой тщательно упиравшегося Лёлика. И неизвестно, в какую бы трёпку всё это вылилось, но тут выскочил вперёд нетерпеливо подпрыгивавший Раис:

– Короче, тётяшка, мы тебе денежки, а ты нам на ночь хату с девочками. И чтоб никаких конкурентов. Лады?!...

Джон с видимым облегчением отпустил Лёлика, закивал головой и вытащил из кармана щедрую горсть монет, в которой приветливо поблескивал один ауреус. Великанша расслабилась, задумчиво подёргала себя за седые усы, единым взмахом выгребла у Джона монеты, пересчитала и решительно повернулась к гулявшей публике.

– А ну, кончай веселье, и вымётывайтесь все отседова! – гулкий бас хозяйки перекрыл общий гам, как гудок океанского лайнера заглушает несолидные свистки портовых буксиров.

Оркестрик захлебнулся, гуляки изумлённо уставились на матрону; послышались возмущенные вопли.

– Я кому сказала: вымётывайтесь! – отрезала хозяйка, не показывая склонности к компромиссам. – У меня банкет!

Посетители, недовольно ворча, стали выбираться из-за столов и покидать помещение. Извращенец, напоследок цапнув юного музыканта за мягкое место, подрулил к великанше и, встав на цыпочки, что-то зашептал ей на ухо, крутя в пальцах монету. Хозяйка, внимательно его выслушав, повернулась к нам и буднично спросила:

– Эй, вас мальчики интересуют?

– Нет, что вы, мадам, только девочки! – зачем-то кланяясь, торопливо ответил Джон.

Извращенец радостно агакнул, сунул монету хозяйке и, схватив вяло упиравшегося ойстраха под микитки, потащил того к выходу.

Великанша пошуровала по закуткам, выгоняя клиентуру безо всяких скидок на щекотливость ситуации и стадию процесса; клиенты, несмотря на подобный фашизм, напоминавший ушат ледяной воды во время сладкого сна, тем не менее, подчинялись почти беспрекословно – видно было, что тяжеловесная матрона имела авторитет непоколебимый. Впрочем, один дерзкий юнец, по всему страдавший возрастной похотью, попытался, не слезая с пышных телес меланхоличной путаны, качать права и вспоминать про демократию, но хозяйка, не утруждая себя дискуссией, лёгким движением руки смахнула наглеца на пол, после чего все вопросы разрешились сами собой.

Глава 9. В которой герои сначала не спят, а потом ночуют.

Мы же на время уборки помещения отвернулись к стене и, словно происходившее нас совершенно не касалось, добросовестно изучали нарисованные прямо по штукатурке картины. На них художник с живой непосредственностью изобразил любовные парочки в разгар телес-

ных упражнений, имея в виду то ли сцены из жизни данного заведения, то ли пособие для неискущённых посетителей.

– Прямо Камасутра какая-то... – пробормотал с одобрением Джон.

Когда же мы вновь обратили взоры в зал, там оставался лишь один детина-танцор (ну и местные девушки, естественно – которых, впрочем, можно было отнести к инвентарю).

Детина всё так же продолжал бессмысленно топтаться на месте, преглупо улыбаясь, затем посуровел, встал в позу и открыл значительно рот. Но сказать ничего не успел, так как великанша с великолепной ловкостью повернула его лицом к двери и так наподдала коленом, что дверь плясуну пришлось открывать головой.

Выдворение нежелательных элементов с блеском завершилось. Хозяйка оглядела порлиному зал, затем отрывисто скомандовала сбившимся в табунок девицам обслужить гостей по первому разряду и деловито удалилась.

На некоторое время воцарилось молчание; мы смотрели на девиц, девицы на нас, пауза затягивалась, но тут Раис, переминавшийся на месте как жертва энуреза, часто засопел и напористо прошептал:

– Чур, моя вон та, с титьками!...

Шёпот его в полной тишине прозвучал отчётливо и доходчиво. Тут же все разом раскованно задвигались, коллеги захмыкали и загмыкали, Лёлик, поправив очки, отпустил комментарий о страдальцах, Джон широко и умильно заушмылялся, девицы захихикали в ответ, стали принимать ненавязчиво картинные позы – короче, контакт был установлен.

Мы по-домашнему свалили снаряжение в угол и, приглашающе кивая феям, приноравливались рассаживаться. Те сейчас же с похвальной готовностью кинулись менять чаши, приносить полные кувшины, потом стали садиться подле, а поскольку их было несколько более нашего числа, то случилась некоторая суматоха, в результате которой не столько выбирали мы, сколько выбирали нас; один Раис, проявив принципиальность и отпихнув пару особо назойливых, с расцветшим на челе удовлетворением завладел приглянувшейся сотрудницей заведения, самым весомым достоинством коей были, несомненно, особо крупные боевито торчавшие перси, до треска распиравшие тонкую ткань туники, сквозь которую явственно выступали огромные выпяченные как мужичьи кукиши соски, отчего казалось, будто приспособлены были барышней за пазуху остроконечные шеломы знатно башковитых витязей.

Я же, в силу мягкости своего характера, пустил дело на полный самотёк, отчего и поплатился, попав в форменную оккупацию: слева примостилась щуплая взъерошенная пигалица с огромными распутными зенками, напоминавшая развратную малолетку, а, может, и бывшая ею; справа прижалась горячими телесами пышная дама с пухлыми губами, сложенными в улыбочку многоопытную и шаловливую. Ну а колени мои облюбовала по-спортивному подтянутая девица, имевшая неимоверно вздёрнутый нос, неестественно блестящие из-под растрёпанной каштановой чёлки глаза и постоянно ёрзавший мягкий тёплый зад.

Коллеги также оказались в подобном состоянии стеснённости, словно блудницы получали сдельно, отчего каждая из них прямо-таки норовила старательно изъяснить свою лояльность и пионерскую готовность откликнуться на малейшее проявление желаний со стороны дорогих гостей.

Все без исключения девицы были густо раскрашены как ирокезские воины в период войны: брови казались тщательно нарисованными чёрной краской, вокруг глаз фигурировала траурная кайма, губы покрывал толстый слой багровой помады, и пахло от блудниц столь густо и приторно, будто на складе карамельной фабрики, так что сидевший неподалёку в стиснутом состоянии Лёлик был совершенно прав, пробурчавши обличительно:

– И здесь засилье косметики!...

Поначалу ощущалась некоторая скованность, но слово за словом, реплика за репликой возник приятный разговор, наподобие костерка, в котором сперва занимаются лениво

стружки, затем загораются хрупкие ветки и, наконец, запылают жарко, раскидывая искры, толстые поленья. Тем более что наши собеседницы, по ходу своей карьеры явно поднаторевшие в демонстрации естественности и дружелюбия, вели себя с нами как с горячо любимыми старыми друзьями, завернувшими на огонёк, да и мы – жители без пяти минут мегаполиса – отличались здоровым коллективизмом и коммуникабельностью.

Поэтому совсем скоро блудницы представлялись нам чуть ли не кузинами, а начавшиеся обильные возлияния позволили разглядеть в них мал-мальски привлекательные черты и не замечать самых заметных недостатков. Вино мы, разумеется, употребляли в его натуральном виде, то есть без всяких водяных разбавлений. Блудницы, тараторя без умолку и не забывая восторгаться нашими недюжинными способностями на почве Бахуса, вели светскую беседу, и делали они это столь напористо и скорострельно, что коллеги лишь поддакивали, глупо ухмыляясь, и опрокидывали чашу за чашей. Тем более смысл этой беседы, переполненной здешними бытовыми мелочами и фактами, не очень-то был нам и ясен.

Наше происхождение девиц не шибко интересовало; тем более что Джон сразу же отрекомендовался древлянами с горы Арарат.

Нервно трепетавший свет от неровного пламени светильников, мельтешение разлапистых теней по стенам, визгливые голоса девиц, спёртый воздух, пропитанный чадом горящего масла и густым духом дешёвых ароматов – всё это вкупе с эффектами от питья вызывало ощущение участия в нереальном сновидении с элементами гротеска, ну а живое тепло мягкой плоти, окружавшее со всех сторон, располагало к неге и покою, наподобие того, как если бы, намёрзшись и уставши, прийти домой и тут же залезть в горячую ванну. Поэтому я молчал, радуясь покою и ленился открыть рот; одна рука моя покоилась на горячем бедре находившейся на моих коленях девицы, назвавшейся, кстати, Нарциссой (боковые также представились, но их имена память не сохранила), в другой же помещалась чаша, беспрестанно наполнявшаяся заботливыми путанами.

Нарцисса, елозя нежным задом, с милой улыбкой ерошила мне шевелюру и болтала всякую чепуху, потом заявила, что она тоже не лыком шита и умеет пить чистое вино; в доказательство шумно отхлебнула из моей чаши, театрально зажмурилась и выпятила с готовностью сложенные бантиком мокрые губки. Я несколько замешкался, убаюканный благодушной расслабленностью, на что девица, не меняя гримаски, многозначительно побряхтела. До меня дошло, и я с достоинством приложился. Губки тут же раскрылись упругим цветком, пролилось из них вино, резвый язычок засновал туда-сюда.

Это было столь хорошо, что после лобзания я оказался более пьяным, чем перед ним. Боковые девицы затеребили меня за одежду, стали не на шутку щипаться, требуя своей порции поцелуев. Отказывать я не стал. Результаты дегустации показали следующее: пигалица обладала устами вялыми и невкусными, а у пышной барышни губы были мягкими как размазня и совсем неповоротливыми, отчего я более не откликался на их призывы, направив свою благосклонность на девицу с цветочным именем.

А коллеги веселились каждый в меру своих желаний и наклонностей.

Сидевший напротив Джон нашёптывал что-то с пошлой улыбкой на ушко фигуристой мулаточке, не забывая при этом как следует елозить рукою под столом где-то на уровне дамских бёдер. Мулатка заливисто хохотала, растягивая губастый рот до ушей и сверкая крупными сахарными зубами, грозила игриво Джону пальчиком и как заведённая обзывала его гадким шалунишкой. Боба, усадив на колени упитанную блондинку с круглой румяной мордахой, счастливо улыбался и молча тискал её за бока. Раис быстро доедал мочёные яблоки из находившейся на столе миски, служившие, по всей видимости, единственной закуской на всех и на всю ночь, запивал трапезу вином вприхлёбку и косился волчьим взором на феноменальный бюст своей избранницы. Серёга, сведя глаза к переносице и улыбаясь как счастливый Буратино, громко травил анекдоты, коими уже имел честь блистать днём раньше, причем обращался он

отчего-то преимущественно к стоявшему перед ним кувшину. После каждого оглашённого перла Серёга заливисто хохотал, называл себя комиком и прихлебывал из собеседника.

Пьяный как зюзя Лёлик, выбравшись кое-как из-за стола, подвалил к жавшимся в тёмном углу оркестрантам, тихо переживавшим утерю одного коллеги, присел перед ними на корточки, стал заказывать музыку, гремя в кулаках монетами – поначалу захотелось ему услышать эротическую "Ламбаду", но таковой в репертуаре виртуозов не оказалось; тогда заказана была искромётная "Калинка", но и тут музыканты оконфузились. Лёлик гневно ахнул, схватил бубен и барабаны в него беспорядочно, стал объяснять неумехам основы нотной грамоты, но обучаемые особого упоения учебным процессом не проявляли, ибо, во-первых, Лёлик отчего-то обильно вставлял в свою речь специфические термины из русского дворового диалекта, а, во-вторых, и сам он из этой области вряд ли точно знал даже количество линеек в нотном стане.

Чернявая смуглая девушка цыганистого вида, с самого начала примазавшаяся к Лёлику, вышла из-за стола, подошла к своему избраннику, стала что-то втолковывать ему с улыбочкой.

Лёлик поначалу заворчал, капризно рявкнул:

– А я не желаю!... – но затем вернул бубен, с двух попыток поднялся и неуверенно прошептал к скамейке.

Тут же выскочила на середину залы ярко-рыжая щекастая девица из незанятых, взмахнула затейливо руками и залихватски крикнула:

– А сейчас танцы!

Оркестрик незамедлительно грянул нечто, напоминавшее смесь чарльстона с африканской плясовой. Рыжая, колыхнув смело бёдрами, прищелкнула пальцами и пошла перебирать ногами, кружась так, что короткая, словно платье первоклашки, туника в вольном размахе открывала взорам молочные прелести хозяйки. С сочным воплем вылетела из-за стола грудастая зазноба Раиса. Сластолюбец потянулся за ней, норовя ухватить за зад и усадить обратно – даже ради искусства не желал он ни на миг расставаться с подобной прелестью – но девица от жаждавших дланей ускользнула и кинулась в пляс, да с таким усердием, что тяжелые груди её запрыгали, заколыхались и чуть ли не захлопали, будто крылья, отчего Раис замер как пригвождённый, отвалил челюсть и распахнул азиатские свои глаза до размеров пятирублёвых монет.

А оркестранты поддавали жару: громохание бубна убыстрилось до усердия отбойного молотка, визгливая флейта, захлёбываясь, выдавала неподражаемые синкопы, а погремушка трещала непрерывно как пришедшая в бешенство гремучая змея. Новоявленные вакханки с криками и гиканьем носились галопом по кругу, звенели браслетами, изгибались не без сладострастия; и вдруг одна за другой одним движением сорвали с себя туники и отшвырнули прочь, причём грудастая умудрилась попасть прямоком в Раиса.

Раис всхлипнул судорожно, схватил скомканное одеяние, зарылся в него всей физиономией, и задышал часто, как загнанный конь. А плясуньи, на которых остались лишь браслеты да белые куски материи, обёрнутые вокруг и между бёдер, всё продолжали летать птицами, и тела их в мерцании светильников блеснули влажно как облитые обильно водой.

– Ас-с-а-а!!... – заорал Серёга, с грохотом подвинул стол, чуть не опрокинув имевшихся напротив, живчиком вылетел к терпсихорам и занялся лезгинкой, норовя при этом бортануть корпусом в филейные места Раисиной радости.

Раис от такого негодяйства взревел по-бычьи, подскочил к охальнику, пихнул его как следует и сам принялся тяжело топтаться вслед за облюбованным бюстом. Бобина пышка соскочила с его колен, потянула за собой, и новая пара влилась в плясовое буйство: пышка, разведя руками, засеменила павой, а Боба, помявшись немного, пустился вокруг девицы вприсядку, задирая голенастые ноги и мотая буйно головой. Лёлик не выдержал, отбил от заботливых объятий чернявой, нетвёрдо слез со скамейки, углубился в ряды плясун, приосанился и,

встав на цыпочки, попытался изобразить маленького лебедя, но предательски покачнулся и загремел прямиком в оркестр, отчего флейта, пустив безбожного петуха, замолкла, а бубен и вовсе лопнул со смачным треском. Плясуны враз заныли, загомонили, кинулись вынимать из случившейся кучи-малы насвинячившую пьянь, причем девицы делали это с заботой, а недоплясавшие коллеги, напротив, с бранью и затрещинами. Лёлик от подобной напасти заорал благим матом и стал пинаться отчего-то не по нападавшим друзьям, а по ошалело расползавшимся кто куда музыкантам.

Наконец с дебоширом совладали и совместными усилиями определили в объятия чернявой, которая тут же, косясь лукавым взглядом и шепча что-то, потащила Лёлика в одну из интимных каморок. Лёлик неуверенно упирался и совершал попытки затянуть "Над деревней Ключевкой", но дальше первой строки дело не шло. Коллеги молча и сосредоточенно наблюдали за бесстыдной парочкой; замолчали и блудницы. А чернявая, запихнувши Лёлика в каморку, напоследок широко публике улыбнулась и деловито занавеску задёрнула.

В повисшей тишине донеслось оттуда невнятное болботание Лёлика, завершившееся сдавленным охом, затем последовал звучный шлепок, и, после некоторой паузы, произошла за занавескою неразборчивая возня с торопливым кряхтением.

– М-да!... О чём это я?... – нарушил молчание застигнутый внезапной робостью Джон. – Это самое... Как теперь-то?...

– А вот так! – энергично взвопил Раис, рывком вцепился в свою зазнобу и с такой яростной быстротой стал присасываться к её феномену, что очень скоро вспомнилась по ассоциации леопардова шкура.

Почин был сделан и тут же поддержан. Коллеги засуетились, затыркались раскрепощённо в толпе блудниц, отталкивая одних и хватая других; выловив же желаемый экземпляр, чуть ли не бегом, таща за руку, устремлялись в заветные каморки.

Нарцисса, изогнувшись гибко, слезла с моих колен и, обольстительно оскалившись, помамила пальчиком. Отодвинув притулившуюся с удобством пигалицу, я встал, потянулся с треском, разминая члены. Джон, разборчиво копошившийся на предмет выбора одной из двух, поворотил налившуюся маслом физиономию, подмигнул и развязно пожелал спокойной ночи, после чего схватил под руки обеих претенденток и сноровисто кинулся за занавеску. Тут же соседний полог разметнулся резко, протараненный изнутри Серёгой, который, сверкая очами, бегом подлетел к столу, схватил кувшин, всосал, кашляя и захлёбываясь, его остаточное содержимое до последней капли и в том же темпе повторил обратный путь.

– Ну пойдём, что ли? – с деревенской простотой предложила Нарцисса, но тут же сообразив, что подобный тон в устах солидной блудницы неуместен, исправилась, прошёлестев интимно: – Следуй же за мной, патриций, в обитель утех...

Я не мог не уважить девушку и прошёл с ней по указанному адресу. Обитель отличалась теснотой и отсутствием каких-либо излишеств: большую её часть занимала деревянная лежанка, имевшая на себе тонкий морщинистый тюфяк, шерстяное покрывало и пару измочаленных подушек. Сбоку стояло нечто громоздкое вроде комода, на котором размещался незажжённый светильник.

Нарцисса, ловко выгнувшись, схватила осветительный прибор, выпорхнула вон, и через пару мгновений внесла светильник уже зажжённым, осторожно прикрывая ладошкой разгоравшийся огонёк.

Светильник был водружен на своё место, занавеска тщательно задёрнута, отчего в каморке установился таинственный полумрак. На стенке обнаружилась полустёртая, но, тем не менее, вполне различимая картинка в фирменном стиле, изображавшая не теряющую время парочку.

– Прошу разоблачаться, – мурлыкнула блудница и, приблизившись, попыталась стянуть с меня рубашку.

Но для этого сначала надо было расстегнуть пуговицы, что я и начал делать. Девушка пуговицам весьма удивилась и назвала их чудненькими застёжками.

Занавеска вдруг вкрадчиво отодвинулась и в каморку сунулись было давешние боковые приятельницы – пигалица и толстуха – но Нарцисса столь грозно прикрикнула на них, что девицы мигом убрались.

– Я сама справлюсь... – переменяв базарный крик на нежное воркование, прошептала блудница, повернувшись ко мне.

– Угу... М-да... – на всякий случай ответил я, примостил штаны в уголке, оглядел не обременённый простынёю тюфяк, поразмыслил о перспективах возможных дерматологических последствий и полез на лежанку.

Девушка внимательно оглядела мои чресла, облачённые в практичное произведение швейной промышленности, украшенное огромными колоритными купавами, не умеющими аналогов в наблюдаемой природе, и завистливо сказала:

– Какой хорошенький набедренник... Матерьял, поди, египетский... – а затем с некоторой задумчивостью добавила: – А, между прочим, ночью жарко, так что лучше без всего...

Я не посчитал уместным отнекиваться и, переборов стыдливую скромность (или, возможно, скромную стыдливость – точно не помню), последовал совету.

Нарцисса скрестила руки на плечах и раздвинула ворот туники, оголив плечи. Я приготовился узреть дальнейшее обнажение приятной плоти. Блудница, лукаво улыбаясь и косясь блестящим взором, придержала на мгновение тунику, а затем стала медленно, но верно ее приспускать. Это было вполне профессионально.

Поначалу показались худые тонкие ключицы, затем проявилась и принялась набирать чёткость маслянисто поблескивавшая ложбинка между грудями, потом и сами они, торчавшие в стороны острыми сосками, выбрались на волю, качнувшись упруго. Подобное зрелище заставило меня непроизвольно приподняться на локте, устраиваясь поудобнее для просмотра. Далее последовали слегка выделявшиеся как у скаковой лошади рёбра, гимнастическая талия и симпатичный холмик кругленького животика. На изящной крутизне плотных бёдр неспешное движение ткани вовсе замедлилось и совсем остановилось; я, не выпуская из-под наблюдения интересные места, подождал немного, а затем поднял возмущённый взор, но фея кротко улыбнулась, лизнула острым язычком губы и выпустила тунику из рук. Ткань легко скользнула по стройным ногам, предъявив отсутствие прочих одежд и обнажив оставшуюся прелесть, отличавшуюся мячиковой выпуклостью и аккуратной пушистой гривкой.

Блудница влезла коленями на лежанку, по-кошачьи выгнулась, потянулась, заложив руки за голову. Грудь её вызывающе поднялись, нацелившись тёмными сосками мне прямо в лоб; тускло мерцавшее в тёплом оранжевом свете тело приобрело совершенно скульптурный рельеф.

Как известно, девяносто процентов информации мы получаем от зрения, но иногда уместно воспользоваться и осязанием, что я и совершил, припечатав руку к тёплому упругому девушкиному бедру.

Нарцисса с готовностью склонилась ко мне, коснувшись кончиками грудей не без умысла. Я энергично обхватил ее, будто в вольной борьбе, прижал по-могучему, с удовольствием ощущая, как груди плющатся упругими кругляшами; губы её подвернулись кстати, медовой сочностью выбивая остатки вдумчивого благочестия. Безо всяких экивоков я завалил девушку на спину, прогулялся для порядка жадной дланью по налившимся грудям, вдохновенно потрепал пухлый мячик, раскрывшийся в ладони горячо и влажно, после чего, посчитав прелюдию законченной, торопливо втиснулся в нежную плоть и, приноровившись, пустился в такой лихой галоп, что очень скоро была высечена изрядная искрища, и душа в ослепительной вспышке подскочила аж к самым райским кушам. Но там её, видно, ещё не ждали, и через

мгновение она вернулась туда, где ей и надлежит пока что быть – в брентную свою оболочку, порядком опустошённую и взмокшую.

С глубоким удовлетворением я перевалился на спину и вольготно раскинул конечности. В каморке было жарко и душно; пахло подгоревшим маслом и развратом. К тому же хотелось пить, о чём я и незамедлительно высказался. Нарцисса слезла с лежанки, зашлёпала босыми ногами в зал, принесла кувшин с водой, оказавшейся тёплой. Без всякого лукавства я указал девушке на данный недостаток и попросил принести воду холодную, на что она крайне удивилась и сообщила, что в такую жару холодной воды взять негде, разве что идти в горы к источникам, и что ещё богатым патрициям рабы носят с горных вершин лёд. Прослушав информацию и не имея желания идти в горы, я напился, чем было, и вновь развалился на лежанке. Нарцисса прилегла рядом и, мило повозившись, уютно устроилась у меня под боком.

Я приобнял её и расслабился. Но, оказалось, ненадолго. Блудница вкрадчиво царапнула меня по груди, закинула ногу на живот, стала ёрзать ею стимулирующе. Стимуляция удалась, и девица тут же изобразила всадника, оседлав меня старательно и метко, после чего со сладким кряхтением задёргалась как при дробной рыси. При этом она не забывала выделять всякие симпатичные штучки и кульбиты: то со змеиной гибкостью отклонялась назад, то, не прекращая скакать, умудрялась вскочить с колен на корточки, то принималась, повизгивая, мять себе груди, то до непроходимой упругости сжимала бёдра, то, напротив, чуть ли не изображала шпагат – короче, вела себя совершенно как джигит-вольтижёр, разве что не имела папахи и не кричала: "Асса!". Подобный метод не оставил меня равнодушным, и вскоре я прореагировал вполне адекватно бурным всплеском эмоций с потемнением в глазах и изгибанием корпуса так, что наездница даже слегка подлетела в воздух. Свалилась она несколько выше ранее облюбованного места, наспех чмокнула меня в область носа, сползла на лежанку и, посчитав, видно, свой профессиональный долг исполненным, мирно засопела.

Я с признательностью похлопал ее по гладкой попке, отвернулся к стенке, за которой раздавалось невнятное бормотание, прерываемое изредка страстным взвизгом, и вскоре покойно и незаметно заснул, как засыпают после трудов нелёгких, но праведных.

Глава 10. В которой герои обнаруживают наличие отсутствия Сергея, отправляются его искать и оказываются в Цирке, где начинают знакомиться с местными brutальными развлечениями.

Разбудил меня не совсем вежливый тычок. Я разлепил веки и с кряхтением обернулся. С туманной улыбкою смотрела на меня Нарцисса, выглядевшая таким же свежим бутончиком, что и вечером – разве что губы были слегка припухшими, да приугас блеск в глазах.

– Пора вставать, – нежно пропела она, миготом натянула одежку и исчезла за занавеской.

В зале по-утреннему смазанно слышались недовольные голоса коллег, скрипы, шаги. Чувствуя себя измученным и томимым похмельной жаждою, я слез с лежанки, с некоторым напряжением оделся и, застёгивая пуговицы, вышел из каморки.

Коллеги были весьма помятыми и даже чуток позеленевшими. Хуже всех выглядел Лёлик. Сидя в бессильной позе за столом, он ощупывал опухшую физиономию и глухо постукивал:

– Молочка холодненького... Молочка давайте... Умру без молочка... – он поднял голову и, пристально посмотрев на зевавших со скукою блудниц, мрачно произнёс: – Чего встали?... Совсем без уваженья?... А то сейчас сам быстро подою... – объект возможной дойки обнаружен не был, но при том тяжкий свой взор Лёлик весьма недвусмысленно остановил на пышногрудой девице, ночной жертвой которой стал вконец измученный Раис.

Девица оскорблённо поджала губы, но с тем взяла со стола кувшин и пошла куда-то вглубь дома.

У входа, опершись о стену, сидела с задумчивым челом давешняя молодайка, валявшаяся вечером в непотребном виде. Она так и оставалась при полном неглиже и даже сохранила своё экстравагантное украшение в виде уже увядшей розы, на что бледный Раис попытался сострить, проскрипев надрывно:

– Эй, почём букет, клумба ходячая?

Девушка непонимающе посмотрела на остряка, потом попробовала встать, но тут же ахнула, поглядела вниз и, хмуро ругнувшись, с немалым кряхтением извлекла украшение наружу.

Появилась с полным кувшином пышногрудая. Лёлик коршуном метнулся к ней, выхватил сосуд и стал жадно пить, захлёбываясь и проливая. Мы кинулись к нему, с трудом отобрали наполовину опустевший кувшин и разделили остатки по-братски. Молоко было не ахти каким холодным, но зато имело забытый травяной вкус и деревенский аромат и освежало изрядно.

Способность соображать появилась вновь, что позволило нам обнаружить отсутствие чего-то весьма привычного. После некоторого замешательства выяснилось, что этим отсутствовавшим привычным был Серёга. Мы потребовали показаний у его подруги. Та пожала плечами и с видом оскорблённой добродетели доложила:

– А чего?... Я старалась... Как положено... Это он сам погулять решил...

– Как погулять? – ошарашенно переспросил Джон.

– Ты что, Серёги не знаешь? – проворчал Боба. – Залил zenки и пошёл приключений искать.

– А теперь его самого ищи, – подвёл неутешительный итог Раис.

Проверка показала, что одежда, вещи, а также грозный шмайссер запропастившегося гуляки лежали, как и были с вечера положены. Дело принимало серьёзный оборот.

– Ну что, пошли... – сказал Джон, приспособив за плечами рюкзак.

– Как пошли? А завтрак? – с растерянностью произнёс Раис и тут же шумнул на блудниц: – Чего уставились? Жрать давайте, торопимся!...

Блудницы захмыкали, и одна из них предезко заявила:

– А у нас завтрак в удовольствия не входит!

– Что-о?! – повысил было грозно голос Раис, но тут из бокового коридора высунулась всклокоченная голова хозяйки.

– Уходите? – нутряным басом спросила она и неприветливо заворочала глазами.

– Ага... тетенька, – осторожно ответил Раис и стал с похвальной ловкостью навьючиваться снаряжением.

Закончив сборы и не забыв забрать Серёгины манатки, пожелав хозяйке всяческих благ и поулыбавшись потерявшим всякий к нам интерес девушкам, мы вышли на улицу.

Утро было в самом разгаре. Солнце уже достаточно высоко поднялось над крышами. Тем не менее, Раис воскликнул:

– Ох, рано-то как, батюшки!... – и раззевался смачно.

Мы, заразившись от него, также поупражнялись в зевоте, а потом стали оглядываться. Особенно усердствовал Джон, пробормотавший, что надо бы запомнить адресочек. На улице почти никого не было; только неподалёку группа детей лениво мучила меланхоличную кошку.

Самочувствие после весёлой ночи было не ахти. Не успевший остыть за ночь воздух уже начинал томить баннным жаром.

– Вот и теперь ищи этого охламона в таком климате... А сам больной весь... – заворчал Лёлик, тяжело отдуваясь и вытирая со лба обильный пот. Колени его заметно тряслись.

– А не пей... – через силу указал Раис и привалился к стенке.

Мимо нас прошли торопливо два оборванца, искусно ругаясь по поводу какой-то недоеденной рыбы. Раис шумно сглотнул и категорически потребовал немедленно покинуть это место, где съестным и не пахнет. Лёлик тут же обвинил его в готовности променять друга на

колбасу, Раис попытался огрызнуться, но, видно, с голодухи ничего вразумительного придумать не сумел и лишь скривился презрительно.

После некоторых размышлений поиск пропавшего решили начать при помощи универсального метода "на авось" и пошли вслед за оборванцами. Те вскоре свернули в узкую щель между домами. Мы пошли прямо по улице и наткнулись на пункт общественного водоснабжения в виде каменной будки, в которой из медной трубы в каменную чашу лилась вода.

Рабыня из категории девок-чернавок держала одной рукою под струей кувшин, а другой ковырялась в ухе, изредка споласкивая палец, при том кувшин и не думая убирать. На звук наших шагов она повернула голову, тут же заорала, подхватила кувшин и кинулась бежать, расплёскивая воду.

– Вот дура!... – в сердцах бросил Джон. – Чего испугалась таких красавцев.

– Нехай бежит! – важно сказал Раис. – Нам таких не надо.

Мы с наслаждением напились, умылись, затем быстренько почистили зубы, заплевав всё вокруг зубной пастой. Раис напоследок сполоснул ноги и наполнил свой бурдюк. Лёлик свой сосуд наполнять отказался, на что Раис посулил воду ему не давать. Лёлик с превосходством хмыкнул и заявил, что с превеликим удовольствием обойдётся.

Пошли дальше. Улица, сделав зигзаг, вывела нас к перекрёстку. Тут уже народ имелся и в немалом количестве, причём все шли почему-то в одну сторону. Поразмыслив, мы решили не идти поперёк толпы и двинулись вместе со всеми.

Через пару поворотов перед нами предстала широкая улица, на которой происходило целенаправленное шествие жителей Рима: люди в большом количестве под шарканье и стуки обуви, многоголосицу и бодрые выкрики дружно шагали все как один к некоей неизвестной нам цели.

Всё это живо напомнило утренние часы перед почившей в бозе первомайской демонстрацией, когда народ валит по покинутой транспортом улице к месту сбора праздничных колонн и раздачи флагов, тележек, портретов и прочих аксессуаров официального ликования; и гремит через репродукторы бравурная музыка, также шуршат шаги и царит атмосфера приподнятости, вызванная во многом предвкушением грядущего и узаконенного красной датой обильного застолья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.